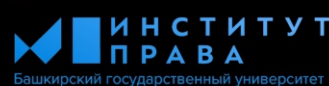
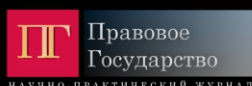

Правовое государство: теория и практика

The Rule-Of-Law State: Theory And Practice

Тема выпуска:
Проблемы развития государства и права в условиях цифровизации

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 4 (62) часть 2 2020

Общественно-политический и научно-правовой журнал

Издается с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель:

Раянов Фанис Мансурович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Абашидзе Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Арзамаскин Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Еникеев Зуфар Иргалеевич – доктор юридических наук, профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Университет Перпеньян, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор (председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, г. Уфа);

Макарова Тамара Ивановна – доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск);

Сальников Виктор Петрович – доктор юридических наук, профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);

Семитко Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тлепина Шолпан Валерьевна – доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Шабуров Анатолий Степанович – доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент

Зам. главного редактора

Анисимов Владимир Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Галиев Фарит Хатинович – доктор юридических наук, доцент;

Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Эксархопуло Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;

Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства»

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru;
- в базу Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА:

- теоретические вопросы формирования правового государства;
- правовое государство в системе естественно-исторических закономерностей развития общества;
- правовое государство в системе обществоведческих институтов;
- принципы правового государства и практика законодательства;
- правовая жизнь современных муниципалитетов;
- правовое государство в системе юридической науки

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor:

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERS:

Aslan Kh. Abashidze – Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow)

Nikolai N. Arzamaskin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Bashkir State University, Ufa);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor, (Togliatti State University);

Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Chairperson of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);

Victor P. Salnikov – Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and Modernity», St. Petersburg);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Aslyam N. Khalikov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Anatoly S. Shaburov – Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief:

Vladimir A. Anisimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Nataliya S. Latypova – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor;

Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor;

Denis N. Karhalev – Doctor of Law, Professor;

Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Alexey A. Exarkhopulo – Doctor of Law, Professor

FOUNDERS

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»;

Institution «Research Institute of the Rule-of-Law State»

Translation Reviewer – *Z.A. Yusupova*

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131

THE JOURNAL IS INCLUDED:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the Web of Science platform

THE SCOPE OF THE JOURNAL COVERS THE FOLLOWING TOPICS:

- theoretical issues of the formation of the rule-of-law state;
- rule-of-law state in the system of natural history laws of social development;
- rule-of-law state in the system of social science institutes;
- rule-of-law state principles and legislation practice;
- legal life of modern municipalities;
- rule-of-law state in the system of legal science

СОДЕРЖАНИЕ

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю.	Некоторые аспекты определения сущности вызовов и угроз экономической безопасности России в условиях цифровизации	11
Гаймалеева А.Т.	Цифровизация судебной системы: анализ тенденций развития процессуального законодательства (на примере проекта изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации)	28
Галимханов А.Б., Халиуллина А.Ф.	Порядок обнаружения, изъятия и фиксации цифровых следов преступления	40
Крылов О.М.	К вопросу о соблюдении баланса публичных и частных интересов в денежном обращении на примере правового регулирования обращения цифровой валюты в Российской Федерации	45
Сайфутдинова В.М.	Информатизация в праве социального обеспечения	57
Шагеева Р.М.	Об использовании видеоконференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам	67

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

Каримова Г.Ю., Асеев И.А., Каримов Р.Р.	Некоторые аспекты реформы полиции Российской империи в начале XX века	77
Муратшин Ф.Р.	О некоторых проблемах легитимации власти и властных решений в современной России	98

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Байрамов Р.Р., Куруптев Н.Б., Семенов А.В.	К вопросу о составе преступления, связанного с уклонением от уплаты таможенных платежей	107
Гизатуллин И.А.	Проблемы реализации независимости судей при оценке заключения эксперта по уголовному делу	115
Кострова М.Б.	Факторы роста применяемости нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: критическое исследование	130
Пестрикова А.А., Холопова Е.Н.	Формирование принципов правового регулирования редактирования генома зародышевой линии человека	144
		157

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ**

Yusupova Z.A., Mukhametgareva N.M.	On the issue of the effectiveness of international environmental law	157
Савенко А.С.	Зарубежный опыт использования специальных знаний по делам, связанным с объектами интеллектуальной собственности	165

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Tokareva E.N., Yusupova R.R.	Distance and contact modes of teaching the discipline «Foreign language for business and professional communication» to students in non-linguistic universities	176
Сальников В.П., Брылева Е.А., Галиев Ф.Х.	Воспитание подрастающего поколения в условиях дистанционного образования и цифровизации: новые концептуальные подходы правового государства	186

**Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием «Современные проблемы
антикриминальной деятельности российского государства»**

Кузбагаров М.Н., Кузбагарова Е.В.	Единая биометрическая система и единая система идентификации и аутентификации как инструменты обеспечения безопасности банковских операций с использованием сети Интернет: правовые и организационные вопросы	199
Ситдикова Г.З.	Стратегия адаптивной цифровизации уголовного судопроизводства	213

Трибуна молодого ученого

Абдуллин Р.Р.	О роли цифровизации в регулировании перечня судебных экспертиз, проводимых вне государственных судебно-экспертных организаций	223
----------------------	--	-----

Персоналии

Авенир Самиг (Самигуллин В.К.)	В.В. Лазареву – 80 лет	233
---	------------------------	-----

CONTENTS

**CHALLENGES TO THE DEVELOPMENT
OF STATE AND LAW IN A DIGITAL ENVIRONMENT**

Arutyunyan M.S., Hismatullin O.Y.	Some aspects of defining the essence of challenges and threats to Russia's economic security in the context of digitalization	11
Gaymaleeva A.T.	Digitalization of the judicial system: analysis of trends in the development of procedural legislation (on the example of draft amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation)	28
Galimkhanov A.B., Haliullina A.F.	Procedure for detecting, seizing and recording digital traces of crime	40
Krylov O.M.	To the issue of balancing public and private interests in monetary circulation on the example of the legal regulation of digital currency circulation in the Russian Federation	45
Saifutdinova V.M.	Informatization in social security law	57
Shageeva R.M.	On the use of videoconferencing in pre-trial criminal proceedings	67

**GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL PROBLEMS
OF THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE**

Karimova G.Y., Aseev I.A., Karimov R.R.	Some aspects of the police reform in the Russian Empire at the beginning of the XX century	77
Muratshin F.R.	On some problems of legitimizing power and powerful decisions in contemporary Russia	98

**CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT
OF SECTORAL LEGISLATION**

Bajramov R.R., Kuroptev N.B., Semenov A.V.	On the issue of the composition of the crime related to evasion of customs payments	107
---	---	-----

Gizatullin I.A.	Problems in the exercise of the independence of judges in assessing an expert opinion in a criminal case	115
Kostrova M.B.	Factors contributing to the increased applicability of the rule providing for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine: critical research	130
Pestrikova A.A., Kholopova E.N.	Formation of principles of legal regulation of human germline genome editing	144

**LAW OF FOREIGN COUNTRIES:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

Yusupova Z.A., Mukhametgareva N.M.	On the issue of the effectiveness of international environmental law	157
Savenko A.S.	International experience in the use of the expertise in cases related to intellectual property	165

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

Tokareva E.N., Yusupova R.R.	Distance and contact modes of teaching «Foreign language for business and professional communication» to students in non-linguistic universities	176
Salnikov V.P., Bryleva E.A., Galiev F.Kh.	Upbringing the younger generation in the conditions of distance education and digitalization: new conceptual approaches in the rule-of-law State	186

**Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference
with international participation «Modern Problems of Anti-Criminal
Activities of the Russian State»**

Kuzbagarov M.N., Kuzbagarova E.V.	The Unified Biometrical System and Unified System of Identification and Authentication as tools to ensure the security of banking operations using the Internet: legal and organizational issues	199
Sitdikova G.Z.	Strategy of adaptive digitalization of criminal proceedings	213

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Abdullin R.R.	Digitalization in regulating the list of forensic examinations held in non-state forensic expert organizations	223
----------------------	--	-----

PERSONALIA

Avenir Samige (Samigullin V. K.)	On the Occasion of V.V. Lazarev's 80 th Birthday	233
---	---	-----

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

CHALLENGES TO THE DEVELOPMENT OF STATE AND LAW IN A DIGITAL ENVIRONMENT

УДК 338.2

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.20

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

АРУТЮНЯН Марина Самвеловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: marina.arochka@mail.ru

ХИСМАТУЛЛИН Оливер Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

E-mail: tekwin@mail.ru

Совершенствование правового регулирования механизма обеспечения экономической безопасности является важной перманентной задачей. Изменчивость внешних и внутренних факторов, становление и развитие цифровой экономики обуславливают необходимость своевременной разработки и реализации комплекса адекватных мер, обеспечивающих экономические интересы общества, государства и граждан. **Цель:** характеристика легально закрепленных вызовов и угроз экономической безопасности России, определение их сущности, значения, форм и степени влияния на состояние охраняемых интересов в процессе цифровизации экономических отношений. **Методы:** эмпирические методы анализа, сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и

метод толкования правовых норм. **Результаты:** определены сущность, значение и роль угроз и вызовов экономической безопасности, предпосылки их возникновения и существующие в цифровой среде формы угроз, сформулированы обобщающие выводы и предложения, направленные на снижение негативных влияний угрожающих факторов.

Ключевые слова: экономическая безопасность; вызовы и угрозы; экономическая система; цифровая экономика; стратегия безопасности; экономические меры.

Под угрозой принято понимать запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло. Действующее законодательство не содержит определения понятия «угроза безопасности», в связи с чем представляется необходимым обратить внимание на положения действовавшего ранее Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», в соответствии с которым, угрозы – это явления, угрожающие жизненно важным интересам личности, общества и государства.

В науке нет единого подхода к понятию «угроза экономической безопасности». В отношении экономической системы угрозами принято считать:

1) такое экономическое состояние, при котором в результате действия совокупности внутренних и (или) внешних факторов существует вероятность утратить контроль со стороны государства за производственной и иной хозяйственной деятельностью [1];

2) обобщенный показатель ущерба, отражающего совокупную величину снижения экономических показателей финансового состояния государства в определенный период [2];

3) систему существующих или потенциально возможных факторов, угрожающих устойчивому функционированию экономической системы [3].

Угроза экономической безопасности может проявляться в сотрудничестве, в экономическом взаимодействии (как правило, в конкурентной борьбе на макроэкономическом уровне).

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Стратегия) принята в целях обеспечения противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращения кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также недопущения снижения качества жизни населения.

Внедрение цифровых инструментов в экономические отношения неизбежно влечет трансформацию форм проявления угрожающих экономическим институтам факторов. Все большее значение в современном обществе приобретает глобализация применяемых финансовых цифровых инструментов, придающая угрозам международный характер. В этой связи, полагаем, необходимо законодательное и технологическое обеспечение выстраивания международного механизма противодействия вызовам и угрозам.

В соответствии со Стратегией угроза экономической безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере. С формально-правовой точки зрения представляется интересным подход законодателя к изложению угроз экономической безопасности в одном ряду с вызовами экономической безопасности (раздел II Стратегии), под которыми он понимает совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности.

Пункт 12 Стратегии к основным вызовам и угрозам экономической безопасности относит целый комплекс внешних и внутренних факторов, негативно влияющих на экономическую ситуацию в России.

1. Стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) как инструмент глобальной конкуренции. В этой связи можно указать, что стремление к повышению технологического суверенитета России направлено в том числе на увеличение доли товаров российского производства и возмещение затрат на импорт за счет экспортных доходов. Необходимо стремительное развитие ключевых научно-технических направлений, в том числе на базе имеющихся и вновь появляющихся разработок, создание эффективных и промышленно применимых технологий, которые могут быть востребованы на глобальном рынке. Распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р утверждена «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.». Ее основная цель – определение подходов к трансформации системы правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с разработкой и применением технологий искусственного интеллекта и робототехники, обеспечение возможности создания и применения указанных технологий в различных сферах.

2. Усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, рост частной и суверенной задолженности, увеличение разрыва между стоимостной оценкой реальных активов и производных ценных бумаг. «Глобальные дисбалансы» трактуются, например, как чрезмерный по сравнению с уровнем реальной экономики финансовый сектор, безосновательное увеличение инвестиций в операции с производными финансовыми инструментами [4]. Глобально существующий разрыв между стоимостной оценкой реальных активов и производных ценных бумаг свидетельствует о наличии структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе. Суверенный долг (от англ. *sovereign debt*) можно понимать как субъективную обязанность государства по возврату определенной суммы денежных средств иным участникам финансово-экономических отношений. В состав суверенного долга государств с федеративным государственным устройством входят субфедеральные задолженности субъектов федерации и муниципалитетов.

3. Использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям.

Дискриминация (от лат. *discriminatio* – различение) в юриспруденции понимается как ущемление прав конкретного лица по сравнению с правами других лиц [5]. В финансово-экономическом аспекте ее можно рассматривать как применение одним государством в отношении другого (отдельных физических и (или) юридических лиц) более худших условий, режимов по сравнению с условиями, применяемыми ко всем другим государствам [6].

Дискриминационные экономические меры могут применяться в отношении таких факторов, как цены и (или) доступность товаров и услуг, инвестиции в недоступные большинству финансовые инструменты и др. Развитие глобальной мировой экономики повышает возможности политической и экономической межгосударственной дискриминации. В современном мире наиболее распространенными формами международной экономической дискриминации являются экономические санкции и антидемпинговые меры. Применение экономико-правовых санкций по отношению к России имеет длительную историю. Несмотря на накопленный опыт минимизации негативных последствий и применения контрмер, полностью исключить их отрицательный эффект невозможно. С 2014 г. по отношению к Российской Федерации принят целый комплекс санкций экономического характера, что привело к приостановке взаимоотношений со многими организациями и государствами. В результате применяемых

«зеркальных» мер в России постепенно стабилизировалась экономическая ситуация, заметен рост в отдельных секторах экономики, создана и функционирует национальная платежная система.

4. Повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов Российской Федерации и вблизи ее границ. Обеспечение политических и экономических интересов в непосредственной близости от внешних границ – стратегическая задача государства. Осложнение политических и экономических отношений с ближайшими соседями негативно влияет на состояние и возможность развития экономики государства и на политическую инфраструктуру, способно вызвать политическую напряженность, породить дву- и многосторонние конфликты. Изменение приоритетных направлений внешнеэкономического сотрудничества в сторону стран Азиатско-Тихоокеанского региона способно повлечь неоднозначные последствия, в том числе снижение степени экономического и политического взаимодействия с государствами-соседями.

5. Усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков. В широком смысле слова конъюнктура означает состояние (ситуацию) на рынке в конкретных обстоятельствах, обусловленную влиянием конъюнктурообразующих причин. Конъюнктура финансового рынка постоянно изменяется под воздействием различных факторов: экономических, научно-технических, политических, социальных и др. Подъем конъюнктуры финансового рынка обусловлен ростом экономики. Он проявляется в повышении спроса и цен на финансовые инструменты. Период ослабления конъюнктуры финансового рынка характеризуется снижением спроса на финансовые активы. Происходит стабилизация цен на финансовые инструменты, а в последующем – их снижение. В стадии спада конъюнктура финансового рынка достигает минимального спроса на финансовые инструменты, сокращаются объемы их продаж и их доходность. В связи с указанным необходимо создать систему постоянного мониторинга колебаний в наиболее значимых секторах экономики.

6. Изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие «зеленых» технологий. До сих пор значительную часть доходов государства составляют средства от реализации энергоресурсов. Необходимы инновационные технологические решения по совершенствованию системы энергообеспечения.

7. Деятельность создаваемых без участия Российской Федерации межгосударственных экономических объединений в сфере регулирования торгово-экономических и финансово-инвестиционных отношений, кото-

рая может нанести ущерб национальным интересам Российской Федерации. Участие в международных организациях, осуществляющих деятельность в сферах экономических интересов Российской Федерации, позволит обеспечить собственные потребности и будет способствовать балансу глобальной экономической ситуации.

8. Подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам (в том числе в результате влияния спекулятивного иностранного капитала), уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы. Понятие «спекулятивный иностранный капитал» может быть определено как средства нерезидентов России, инвестированные либо предназначенные для вовлечения в сферы, в которых доходы значительно превышают размер средней доходности по рынку за счет искусственного повышения цен [7]. Негативные финансовые последствия может вызвать как приток такого капитала в экономику страны, так и его резкое сокращение. Информационная составляющая данной угрозы предполагает дальнейшее совершенствование механизма обеспечения специального режима не только банковских сведений, но и любой финансово значимой информации.

9. Исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста, связанное с научно-технологическими изменениями. Модель развития экономических отношений – это тенденция изменения отдельных объектов экономики, которая приводит к конкретному экономическому результату [8]. Модель экономического развития, по нашему мнению, может рассматриваться как совокупность показателей развития отдельных финансово-экономических, технологических и иных отношений, достижение которых обусловлено предпринимаемыми со стороны государства мерами.

Современная модель развития национальной экономики Российской Федерации характеризуется следующими признаками: значительная роль доходов от реализации минерально-сырьевых ресурсов, в том числе от международной торговли; превалирование доходов от платежей за пользование природными ресурсами и объектами в формировании бюджетов; ведущая роль публично-правовых субъектов и «крупного» бизнеса в экономике страны; разработка и реализация инновационных технологий в добывающей отрасли и в металлургии. Указанное позволяет характеризовать существующую модель экономического развития как экспортно-сырьевую.

Научно-технический прогресс с формальной позиции представляет собой постоянный объективно обусловленный процесс развития науки, совершенствования технологий и техники [9]. В объективном смысле научно-технологическое развитие – это перманентное инновационное совершенствование технологий на основе достижений современной науки. Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 утверждена государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Реализация ее запланирована в течение 2019–2030 гг. Программа предусматривает следующие направления: «Развитие национального интеллектуального капитала», «Обеспечение глобальной конкурентоспособности российского высшего образования», «Фундаментальные научные исследования для долгосрочного развития и обеспечения конкурентоспособности общества и государства», «Формирование и реализация комплексных научно-технических программ по приоритетам Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, а также научное, технологическое и инновационное развитие по широкому спектру направлений», «Инфраструктура научной, научно-технической и инновационной деятельности». Документ предусматривает консолидацию ассигнований федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения. Полагаем, в целях сохранения и увеличения доли экспортного присутствия товаров российского производства на иностранных рынках необходимо планомерное смещение акцентов в сторону наукоемких технологий.

10. Отсутствие российских несырьевых компаний среди глобальных лидеров мировой экономики. Указанное в значительной степени является вызовом. Лоббирование международных экономических интересов сырьевого сектора экономики снижает возможности выхода на рынок товаров (работ, услуг) иных участников. Государственная (в том числе законодательная) поддержка несырьевого экспорта будет соответствовать как частным, так и публичным интересам.

В остальных пунктах содержится перечень внутренних факторов, присущих российской экономике.

1. Недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности. Напомним, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», инвестиции – денежные средства, ценные бумаги,

иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. В самом широком понимании понятие «реальный сектор экономики» можно определить как сферу, в которой осуществляется создание ВВП. В таком понимании в него включают производство и торговлю, организацию сектора нефинансовых корпораций (кроме услуг финансового посредничества) [10]. В последние годы наиболее привлекательными для инвестиций остаются нефтегазовый сектор, технологии и инновационная деятельность, со стороны частных инвесторов популярны вложения в жилую и коммерческую недвижимость [11]. Полагаем, преодоление указанной угрозы возможно при условии реализации комплекса правовых и организационных мероприятий.

2. Слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов. Инновационная активность, по нашему мнению, – это многоаспектная характеристика, определяющая возможность осуществлять новую, инновационную деятельность, отражающая степень восприимчивости к новациям, способности к своевременной разработке и внедрению новых технологических процессов. Постановлением Правительства РФ от 27 июня 2016 г. № 584 предусмотрено, что применение профессиональных стандартов обязательно для отдельных организационно-правовых форм юридических лиц. Для остальных организаций применение стандартов обязательно в части наименования должностей, профессий, специальностей и требований к ним.

К ключевым (базовым) компетенциям относятся те из них, которые применяются не только в различных профессиональных сферах, но и в повседневной жизни. Ключевые профессиональные компетенции формируются заказчиками системы профессионального образования – работодателями, государством и обществом, определяются существующими запросами с учетом развития уровня технологий на производстве и в иных сферах труда. Перманентное развитие производственно-хозяйственной сферы вызывает необходимость актуализации образовательных программ, развитие форм, методов и технологий образования.

3. Истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей по мере истощения действующих месторождений. Истощение ресурсов – это выработка полезных ископаемых до степени нерентабельности дальнейшей

разработки, значительное превышение темпов и объемов их добычи над способностью естественного воспроизводства возобновляемых ресурсов.

Запасы минерально-сырьевой базы углеводородов, расположенные на территории Российской Федерации, позволяют обеспечивать высокий уровень добычи нефти и газа как на современном этапе развития, так и на перспективу. Нефтегазовый комплекс сегодня является одной из ведущих отраслей экономики страны и оказывает определенное влияние на мировую энергетическую стабильность. В то же время около 70 % нефти и 50 % угля, извлеченных из недр, добыты за последние 15–20 лет. Освоенные и наиболее экономически эффективные месторождения все больше истощаются. Произошедшее в течение последних десятилетий сокращение темпов воспроизводства углеводородов отрицательно влияет на объемы добычи и ставит под угрозу выполнение Энергетической стратегии России на период до 2030 г. в соответствующей части.

4. Ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта, связанная с его низкой конкурентоспособностью, недостаточно развитой рыночной инфраструктурой и слабой вовлеченностью в мировые «цепочки» создания добавленной стоимости. По сведениям Российского экспортного центра, в 2019 г. объем несырьевого неэнергетического экспорта из России составил \$154,5 млрд, что свидетельствует об отставании от прогнозируемых темпов, утвержденных в паспорте нацпроекта «Международная кооперация и экспорт». Такая ситуация связана со снижением мировой конъюнктуры по многим важным для российского экспорта группам товаров. В денежном выражении снижение произошло в химической отрасли, нефте- и газохимии.

5. Низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры. Повышение экономических показателей (англ. *economic growth*) – перманентно актуальная задача всех современных государств. Положительные изменения экономически значимых показателей отражают динамику социально-экономического развития. Под финансовыми ресурсами принято понимать совокупность средств, вовлеченных субъектами предпринимательской деятельности, в экономический оборот [12].

Энергетическая инфраструктура существенно влияет на экономическое развитие. Энергоснабжение определяет эффективность производственных объектов, обеспечивает удовлетворение бытовых потребностей граждан. В России разработана Стратегия развития энергокомплекса до

2020 г., по этому документу реализован ряд мероприятий по улучшению энергоснабжения городов и промышленных территорий.

Несбалансированность национальной бюджетной системы. Бюджетная несбалансированность – это несоответствие общей суммы бюджетных доходов совокупным расходам бюджета. Несбалансированность бюджетов имеет две формы проявления: дефицит и профицит¹.

6. Недостаточно эффективное государственное управление. С позиции философии управление – это целенаправленное воздействие субъекта на объект с целью упорядочения системы, обеспечения ее функционирования. Сегодня термин «управление» применяется для характеристики особого вида деятельности, под которым понимается совокупность действий, совершаемых для достижения определенных общественно значимых целей. Сущность управления – достижение результата путем целенаправленного воздействия. Государственное управление реализует публичную задачу достижения общественно значимых целей, обеспечивая соблюдение всеми объектами управления установленных правил поведения. Российская Федерация прилагает значительные усилия для повышения эффективности государственного управления. Особое внимание уделяется обеспечению планомерного и последовательного исполнения бюджета как одного из ключевых условий эффективной экономической деятельности государства [13].

7. Высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере. Криминализация в широком смысле – это процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксация их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых.

Несмотря на предпринимаемые со стороны государства усилия, наблюдается стабильное состояние теневой экономики, включающей неформальную, фиктивную и подпольные составляющие. Понятие «неформальная экономика» охватывает осуществление разрешенных видов деятельности без уплаты налогов и иных обязательных платежей в бюджет. Неформальная экономика в Российской Федерации тесно переплетена с легальной. Неформальные экономические показатели отражаются в данных статистики, что приводит к завышению ВВП, ИПП и других показате-

¹ Об утверждении Бюджетного прогноза Российской Федерации на период до 2036 года : распоряжение Правительства РФ от 29.03.2019 № 558-р (вместе с «Бюджетным прогнозом...» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2020).

телей. Фиктивная экономика напрямую связана с коррупцией и вытекает из нее. Для нее характерны такие формы противоправных деяний, как незаконные преференции, льготы и выгоды для отдельных субъектов финансовых правоотношений. Подпольная экономика включает запрещенные законодательством виды деятельности: производство и торговля наркотиками, оружием, ракет, убийства и другие преступления против личности, контрабанда и пр.

Коррупция – это некоторое злоупотребление должностным положением, полномочиями с целью получения некоторой выгоды имущественного характера. Коррупция в экономической сфере совершается в форме подкупа (получение, обещание, предложение, дача или вымогательство взятки), иного незаконного использования лицом своего публичного статуса для получения выгоды (имущества, услуг, льгот или преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для любых других лиц, незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу. Коррупция затрагивает все стадии процессов производства и перераспределения ресурсов, нарушает целостность экономических систем, сокращает доходы бюджетов всех уровней.

8. Сохранение значительной доли теневой экономики. Теневая экономика рассматривается как вид экономической деятельности, осуществляемой вне поля общественного, государственного внимания, учета и контроля, не в соответствии с действующими нормами и правилами осуществления хозяйственной деятельности. Фактически любая предпринимательская деятельность, экономические результаты которой не имеют юридического оформления, является теневой экономической деятельностью.

9. Увеличение дифференциации населения по уровню доходов. Денежные доходы населения представляют обобщенный совокупный денежный доход граждан от всех легальных видов приносящей прибыль деятельности из различных источников за вычетом принятых ими заемных (кредитных) сумм.

10. Снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала. Доступность образования является важной правовой гарантией. Она определяется как возможность получения желаемого образования независимо от индивидуальных особенностей личности, в том числе имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений и др. Доступность образовательных услуг обусловлена следующими факторами: реализуемой государством образовательной по-

литикой, доходами и материальным благосостоянием населения, степенью нравственно-ценностного развития граждан.

Качество медицинской помощи определяется рядом характеристик, отражающих способность удовлетворять потребности пациентов с учетом современных стандартов здравоохранения, а доступность – это действительная вероятность оказания требуемых медицинских услуг любому лицу.

11. Усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации. Подготовка кадров высшей квалификации – третий уровень высшего образования. По данным исследования международной рекрутинговой компании Naus и британского исследовательского центра Oxford Economics, Россия испытывает острую нехватку квалифицированных специалистов, что обусловлено демографическим кризисом 1990-х. Немногочисленные специалисты, которые появились в России, предпочитают покинуть страну ради работы за рубежом [14].

12. Недостаточность трудовых ресурсов. Трудовые ресурсы – сложное, комплексное понятие. По нашему мнению, под трудовыми ресурсами следует понимать совокупность трудоспособных граждан, которые обладают физиологическими и психологическими возможностями для осуществления трудовой деятельности. В течение достаточно продолжительного периода времени в России наблюдается ухудшение социальной среды регионов, в том числе снижение численности и ухудшение качества трудовых ресурсов, повышение уровня безработицы. Дефицит кадров – негативный фактор, ставящий под угрозу дальнейшее социально-экономическое развитие.

13. Неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития. Для обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорения темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечения национальной безопасности страны распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. По мнению многих исследователей, положения Стратегии следует учитывать при разработке и внесении изменений в национальные и федеральные проекты (программы) Российской Федерации.

14. Установление избыточных требований в области экологической безопасности, рост затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления. Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 утверждена Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. Она определяет основные цели государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности: сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

Данный документ определяет экологическую безопасность как составную часть национальной безопасности и содержит развернутый перечень глобальных и внутренних вызовов, внешних угроз экологической безопасности.

По мнению С.А. Боголюбова, установление избыточных требований в области экологической безопасности представляется парадоксальным, а их упоминание в Стратегии подтверждает усиление конкуренции экономических интересов и экологических требований [15]. Полагаем, основополагающее значение экономики предпрещает безусловный приоритет экономических интересов. В связи с указанным автор предлагает на законодательном уровне осуществлять перспективное «планирование экологии», обеспечив механизмы контроля, надзора, усиления ответственности [15].

По результатам проведенного краткого рассмотрения видов угроз экономической безопасности можно констатировать, что их содержание определяется совокупностью признаков, в числе которых значимость национальных интересов государства; потенциальные негативные последствия посягательств; субъективные и объективные условия, в которых возникают угрожающие факторы. Полагаем, дальнейшая разработка системы мер по предупреждению угроз является необходимым условием обеспечения и развития механизма защиты экономических интересов граждан, общества и государства.

Библиографический список

1. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 2005. 722 с.

2. Бенедиктов М., Хрусталева Е. Экономическая безопасность наукоемких производств // Вопросы экономики. 1999. № 9. С. 119–125.
3. Экономическая безопасность хозяйственных систем : учебник / под общ. ред. А.В. Колосова. М. : РАГС, 2001. 445 с.
4. Маричева Н.Н. Глобальные дисбалансы в мировой экономике // Молодой ученый. 2014. № 6 (65). С. 446–448.
5. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова. М., 2001. 790 с.
6. Государственное и муниципальное управление : терминологический словарь / К.Б. Шадыбеков, А.А. Исраилов, А.О. Кожошев. URL: <https://determiner.ru/slovari/gosudarstvennoe-i-municipalnoe-upravlenie-terminologicheskii-slovar.html>.
7. Зеленюк А.Н. Спекулятивный капитал в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 9. С. 3–17.
8. Модель экономического развития. URL: https://spravochnik.ru/ekonomika/ponyatie_ekonomicheskogo_razvitiya/model_ekonomicheskogo_razvitiya.
9. Иванова Е.В. Сущность НТП // European research. 2016. № 1. С. 83–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ntp>.
10. Балаганский С.П. Реальный сектор экономики как объект экономического анализа // Вестник Саратовск. гос. социально-экономич. ун-та. 2012. № 1. С. 9–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realnyy-sektor-ekonomiki-kak-obekt-ekonomicheskogo-analiza>.
11. Инвестиции в России в 2019 году. URL: <https://bankiros.ru/wiki/term/investicii-v-rossii-2>.
12. Финансовые ресурсы и их состав. URL: <https://economuch.com/osnovyi-finansov-ekonomika/finansovyye-resursyi-sostav-55043.html>.
13. Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю. К вопросу о повышении эффективности бюджетных расходов // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1 (59). С. 87–93.
14. Возврат к истокам. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/12/25/education>.
15. Боголюбов С.А. Потенциал экологических норм Конституции России // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 16–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-ekologicheskikh-norm-konstitutsii-rossii>.

Дата поступления: 06.12.2020

SOME ASPECTS OF DEFINING THE ESSENCE OF CHALLENGES AND THREATS TO RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

ARUTYUNYAN Marina Samvelovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor
of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of law,
Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: marina.aroehka@mail.ru*

HISMATULLIN Oliver Yuryevich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor
of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law,
Bashkir state University, Ufa, Russia.
E-mail: tekwin@mail.ru*

Improving the legal regulation of the mechanism for ensuring economic security is an important permanent task. The variability of external and internal factors, the formation and development of the digital economy necessitates the timely development and implementation of a set of adequate measures to ensure the economic interests of the society, the state and its citizens. **Purpose:** to characterize legally established challenges and threats to Russia's economic security, to determine their essence, meaning, forms and degree of influence on the state of protected interests in the process of digitalization of economic relations. **Methods:** the research is based on empirical methods of analysis, comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Special scientific methods are used: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. **Results:** the study allows us to determine the essence, meaning and role of threats and challenges to economic security, to determine the prerequisites for their occurrence and the forms existing in the digital environment, to formulate generalizing conclusions and proposals aimed at reducing the negative impact of threatening factors. **Keywords:** economic security; challenges and threats; economic system; digital economy; security strategy; economic measures.

References

1. Rumyantseva E.E. *Novaya ekonomicheskaya enciklopediya* [New Economic Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. 722 p.

2. Benediktov M., Hrustalev E. Economic security of high technology industries. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*, 1999, no. 9, pp. 119–125. (In Russian).
3. Kolosov A.V. (ed.). *Ekonomicheskaya bezopasnost' hozyajstvennykh sistem* [Economic security of economic systems]. Moscow, RAGS Publ., 2001. 445 p.
4. Maricheva N.N. Global imbalances in the world economy. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2014, no. 6 (65), pp. 446–448. (In Russian).
5. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Large legal dictionary]. Moscow, 2001. 790 p.
6. SHadybekov K.B., Israilov A.A., Kozhoshev A.O. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: terminologicheskij slovar'* [State and municipal management: terminological dictionary]. Available at: <https://determiner.ru/slovari/gosudarstvennoe-i-municipalnoe-upravlenie-terminologicheskii-slovar.html>. (In Russian).
7. Zelenyuk A.N. Speculative capital in the world economy. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2009, no. 9, pp. 3–17. (In Russian).
8. *Model' ekonomicheskogo razvitiya* [Economic development model]. Available at: https://spravochnik.ru/ekonomika/ponyatie_ekonomicheskogo_razvitiya/model_ekonomicheskogo_razvitiya. (In Russian).
9. Ivanova E.V. The essence of NTP. *European research*, 2016, no. 1, pp. 83–84. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ntp>. (In Russian).
10. Balaganskij S.P. The real sector of the economy as an object of economic analysis. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*, 2012, № 1, pp. 9–12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/realnyy-sektor-ekonomiki-kak-obekt-ekonomicheskogo-analiza>. (In Russian).
11. *Investicii v Rossii v 2019 godu* [Investments in Russia in 2019]. Available at: <https://bankiros.ru/wiki/term/investicii-v-rossii-2>. (In Russian).
12. *Finansovye resursy i ih sostav* [Financial resources and their composition]. Available at: <https://economuch.com/osnovyi-finansov-ekonomika/finansovye-resursyi-sostav-55043.html>. (In Russian).
13. Arutyunyan M.S., Hismatullin O.YU. On the issue of increasing the efficiency of budget spending. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 1 (59), pp. 87–93. (In Russian).

14. *Vozvrat k istokam* [Back to basics]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2019/12/25/education>. (In Russian).

15. Bogolyubov S.A. The potential of environmental norms of the Constitution of Russia. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 5, pp. 16–25. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-ekologicheskikh-norm-konstitutsii-rossii>. (In Russian).

Received: 06.12.2020

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ:
АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ИЗМЕНЕНИЙ В ГРАЖДАНСКИЙ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

ГАЙМАЛЕЕВА Айсылу Тагировна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия.*

E-mail: Lillas@yandex.ru

Мировая тенденция к всеобщей цифровизации не могла не затронуть и сферу правосудия. С учетом угрозы, с которой столкнулся мир в виде новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также с введением в 2020 г. ограничений на доступ в здания судов актуальной и своевременной стала инициатива о внесении изменений в процессуальное законодательство, касающихся уравнивания правового положения письменных документов и документов, направленных в электронном виде, о способах извещения лиц, участвующих в деле, об использовании систем, позволяющих суду и сторонам участвовать в процессе дистанционно, соблюдая при этом все процессуальные нормы. В статье предпринята попытка изучить тенденции развития гражданского процессуального законодательства, руководствуясь законопроектом, который был вынесен на обсуждение Министерством юстиции РФ 19 октября 2020 г. **Цель:** анализ тенденций развития гражданского процессуального законодательства в современном мире. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** анализ законопроекта позволил выявить положительные и некоторые спорные моменты, которые подлежат уточнению и более детальному раскрытию в случае его принятия. Отражена позиция исследователей, изучающих вопросы информатизации правосудия, указаны перспективы развития судебной власти в сфере дальнейшей цифровизации.

Ключевые слова: правосудие; цифровизация; судебная система; гражданский процесс; суд; правовая система.

Центром развития современного права был подготовлен доклад «Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад», основанный на результатах Программы фундаментальных исследований НИУ «ВШЭ» в 2020 г.¹, согласно которому информатизация судебных систем посредством использования IT-технологий является сегодня одним из наиболее передовых методов улучшения уровня доступности и качества правосудия не только в России, но и в мире. По мнению исследователей, внедрение электронных сервисов правосудия повлечет за собой ускорение процесса судопроизводства, сокращение нагрузки на аппарат суда, повысит уровень открытости судебной системы и, что самое главное, облегчит доступ физических и юридических лиц к судебной процедуре в результате сокращения расходов на физическое присутствие сторон в процессе или же на оплату профессионального представителя. Кроме этого, применение информационных технологий поможет расширить практику досудебного и внесудебного урегулирования споров, разрешать их на начальных стадиях, а также поможет гражданам, не имеющим юридического образования, эффективно защищать свои права. Также сделан вывод о том, что использование информационных технологий позволит существенно сократить временные, трудовые и финансово-экономические затраты на выполнение повторяющихся, рутинных процессов, характерных для различных этапов судопроизводства, на которые уходит много времени не только у участников судебных споров, но и у самих судей.

В настоящее время судебной системой используются системы электронной подачи документов и онлайн-взаимодействия сторон спора и судей, видео-конференц-связи, автоматического протоколирования и транскрибирования судебных заседаний. Исследователи полагают, что в ближайшем будущем развитие информационных технологий приведет к тому, что очные слушания по широкому перечню дел на небольшие суммы, а также по бесспорным делам перейдут в онлайн-формат, что обеспечит оперативность и доступность правосудия для участников процесса. При этом отмечается, что Российская Федерация характеризуется высоким

¹ Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад / НИУ «ВШЭ» [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--o1abds.xn--p1ai/wp-content/uploads/2020/07/tezis-informacionnie-tehnologii-v-pravosudii.pdf> (дата обращения: 28.10.2020).

уровнем информатизации судебной системы. Лидером и пионером по внедрению и использованию новейших технологий является система арбитражных судов, в которых онлайн-правосудие можно считать состоявшимся фактом. Уровень информатизации российской системы экономического правосудия, по результатам экспертной оценки, составляет 7,5 баллов из 11, что превосходит показатели Австралии, Германии, Канады и соответствует уровню Сингапура и Китая.

Исследователи пришли к выводу о том, что в период ограничений, связанных с коронавирусом, судебная система Российской Федерации сделала значительный шаг вперед в цифровизации правосудия, прежде всего в арбитражных судах. В частности, успешно внедрена и подтвердила свою эффективность практика проведения онлайн-заседаний с использованием веб-конференции. С 21 апреля 2020 г. к рассмотрению дел с использованием системы веб-конференции приступил Верховный Суд РФ, далее практика рассмотрения дел с использованием личных средств видеотрансляции была распространена и на нижестоящие суды. Постановлением от 29 апреля 2020 г. президиумы Верховного Суда РФ и Совета судей РФ официально поддерживали и рекомендовали проведение всех судебных заседаний в формате веб-конференции с использованием личных средств связи.

Как уже упоминалось, наиболее широко IT-технологии внедрены в арбитражных судах. Сервис дистанционного веб-участия в судебном заседании был совмещен с Картотекой арбитражных дел и системой «Мой арбитр», которые обеспечивают возможность подачи документов и доказательств в электронном виде с соблюдением требований к их аутентичности, возможность дистанционного ознакомления с материалами дела, установления личности участников через Единый портал государственных услуг. Совокупность произведенных действий позволяет полноценно рассматривать любые категории дел в онлайн-режиме с соблюдением всех прав участников процесса и требований к судебной процедуре. Согласно данным портала «Право.ru» на 13 июля 2020 г. к системе веб-конференции было подключено 90 арбитражных судов, проведено 19 213 онлайн-заседаний, при этом назначено к рассмотрению еще 30 131 заседание, а всего подано 59 381 ходатайство о проведении судебных заседаний в онлайн-режиме¹. Безусловно, все это привело к необходимости урегулирования электронного документооборота и приведения процессуального законодательства в соответствие со сложившимися реалиями.

¹ Развитие российского правосудия: информатизация и технологизация [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/223787> (дата обращения: 27.10.2020).

Министерством юстиции РФ 19 октября 2020 г. был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства и иные законодательные акты» № 01/05/10-20/00109498¹ (далее – законопроект). Основные изменения, изложенные в нем, касаются удаленного участия в судебных заседаниях, электронного документооборота, извещения участников судебного процесса. С учетом того, что вот уже почти год мы живем под гнетом COVID-19 и возникших в связи с распространением данной инфекции ограничений, в том числе и некоторых ограничений физического доступа к судебной власти, указанные изменения являются вполне ожидаемыми и оправданными.

Разберем подробнее, что предлагает законодатель в целях улучшения электронного документооборота в судах. Хотелось бы отметить, что в данной статье я коснусь лишь изменений, вносимых в ГПК РФ, поскольку именно суды общей юрисдикции на фоне арбитражных судов выглядят как субъекты, требующие наиболее пристального внимания в части цифровизации документооборота.

Документооборот в судах общей юрисдикции регулируется приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. № 161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов». Судами также используется приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», который регламентирует порядок подачи именно электронных документов и согласно которому под электронным документом понимается документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Часть 1 ст. 3 ГПК РФ устанавливает возможность подачи в суд искового заявления, заявления, жалобы и иных документов двумя способами – в бумажном и в электронном виде, в том числе в форме электронно-

¹ О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства и иные законодательные акты : проект федер. закона [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=109498> (дата обращения: 28.10.2020).

го документа. Законопроект предлагает внести в ч. 1 ст. 3 ГПК РФ изменения, позволяющие участнику судебного процесса подавать документы через личный кабинет – информационный ресурс, который размещен в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (всем известный портал «Госуслуги»), или через системы электронного документооборота участника процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Ранее направление электронного документа было возможно лишь посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет, а именно через личный кабинет пользователя, созданный в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» официального сайта суда, который расположен на интернет-портале ГАС «Правосудие».

Нужно отметить, что из текста законопроекта не совсем ясно, что именно подразумевает законодатель под единой системой межведомственного электронного взаимодействия, поскольку в настоящее время в судах имеется ГАС «Правосудие», являющаяся информационной системой для участников судебного процесса, работающая совместно с ЕСИА – Единая система идентификации и аутентификации, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, которая позволяет идентифицировать физическое лицо путем создания ему учетной записи ЕСИА. Возможно, в данном случае подразумевается какая-то иная новая система, которая будет разрабатываться специально для таких целей, однако законодателем ее название не упомянуто. При этом законопроект указывает, что в случае подачи электронных документов через «Госуслуги» необходимо будет использовать простую электронную подпись, тогда как подача документов через систему электронного документооборота будет требовать усиленной квалифицированной электронной подписи.

Таким образом, способы подачи электронных документов законодателем расширяются. Это личный кабинет на «Госуслугах», а также система электронного документооборота участника процесса в единой системе межведомственного электронного взаимодействия. Какую роль в этой цепочке будет играть ГАС «Правосудие», пока неизвестно.

В законопроекте появился и новый термин – «системы веб-конференции», о которых в ГПК РФ не говорится. Посредством систем веб-конференции и уже указанных в ГПК РФ систем видео-конференц-связи могут быть получены объяснения сторон и третьих лиц, показания свиде-

телей, которые в силу ст. 55 ГПК РФ являются доказательствами. Также предлагается дополнить ГПК РФ новой ст. 155.2, которая разъясняет, каким образом судом будет использована система веб-конференции. При этом предполагается, что участие в судебном заседании путем использования веб-конференции будет осуществляться при условии заявления лицами, участвующими в деле, и другими участниками процесса ходатайства об этом, подаваемого в суд в электронном виде, и при наличии в судах технической возможности организации веб-конференции. Личность гражданина, его представителя или представителя юридического лица, участвующего в судебном заседании, при использовании системы веб-конференции осуществляется по документам, удостоверяющим личность гражданина, с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих дистанционную идентификацию и аутентификацию лица, включая Единую систему идентификации и аутентификации и Единую информационную систему персональных данных, обеспечивающую обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, проверку и передачу информации о степени их соответствия представленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации. Предполагается, что об участии указанных лиц в судебном заседании путем использования системы веб-конференции суд выносит определение, в котором указывается время проведения судебного заседания.

Что это будут за системы веб-конференции – всем известные Whatsapp, Zoom, Skype или же будет создана отдельная защищенная система, позволяющая судам проводить судебные заседания, – из законопроекта неясно. К примеру, 30 марта 2020 г. судьей Невьянского городского суда было вынесено постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.3 КоАП РФ, в отношении ИП Чумичева В.Г. с применением видеозвонка в мессенджере Whatsapp, на что указано в тексте постановления¹. Данных о пересмотре данного дела вышестоящей инстанцией в открытом доступе на сайте Свердловского областного суда не имеется.

Согласно изменениям в ч. 1 ст. 35 ГПК РФ законодатель предлагает получать в электронном виде не только копии судебных постановлений, выполненных в форме электронного документа, что было и ранее, но

¹ Постановление судьи Невьянского городского суда Свердловской области от 30.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://neviansky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=106111874&delo_id=1500001&new=&text_number=1 (дата обращения: 28.10.2020).

и их оригиналы в электронном виде. Кроме того, в электронной форме предлагается получать судебные повестки и иные судебные извещения, что также является нововведением.

К числу абсолютно новых процессуальных прав для лиц, участвующих в деле, предусмотренных законопроектом, относится право на доступ к материалам дела в электронном виде при наличии в суде такой технической возможности (ст. 35 ГПК РФ).

Статью 169 ГПК РФ предлагается дополнить таким основанием для отложения судебного заседания, как возникновение у суда обоснованных сомнений относительно аутентификации лица, участвующего в судебном заседании с использованием системы веб-конференции.

Часть 1 ст. 177 ГПК РФ «Порядок допроса свидетеля» законопроект предлагает дополнить порядком установления личности свидетеля при его допросе путем использования системы веб-конференции, это осуществляется по документам, удостоверяющим личность гражданина с использованием информационно-технических средств, обеспечивающих дистанционную идентификацию и аутентификацию лица, включая Единую систему идентификации и аутентификации и Единую биометрическую систему. Подписка, которая берется у свидетеля о том, что ему разъяснены его обязанности и ответственность, заверяется усиленной квалифицированной электронной подписью свидетеля либо усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса. «Допрос свидетеля проводится судом, рассматривающим гражданское дело по существу, по общим правилам, установленным настоящим Кодексом, с учетом особенностей, предусмотренных статьей 155.2 настоящего Кодекса».

Большие изменения предусматривает законопроект и в области судебных извещений и вызовов. Так, предлагается направлять судебные извещения в электронном виде в личный кабинет на «Госуслугах», в систему электронного документооборота участника процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия или посредством информационной системы организации федеральной почтовой связи. Также законопроект вновь исключает из способа доставки информации о принятии искового заявления и заявления к производству суда данных о времени и месте судебного заседания, а также совершении отдельных процессуальных действий путем указания данной информации на официальном сайте соответствующего суда. Законопроект предполагает размещение этих данных в сети Интернет. Это вызывает некоторые сомнения в юридической технике написания нормы права, поскольку непонятно, где же в Интернете должна быть указана данная информация,

ведь понятие «Интернет» очень обширно и неконкретно. В данном случае, на мой взгляд, должно быть четкое указание на конкретное место размещения указанной информации, доступное для участников процесса.

Важным также является вопрос о том, когда лицо будет считаться надлежаще извещенным. Этому в законопроекте посвящена ст. 117, которая изложена полностью в новой редакции. Законодатель увеличивает количество оснований, когда лица, участвующие в деле и другие участники, считаются надлежаще извещенными. К имеющимся в настоящее время в законодательстве основаниям добавляются также и те, когда у суда имеются доказательства доставки судебного извещения в систему электронного документооборота участника процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия; имеются доказательства доставки судебного извещения в личный кабинет участника процесса, давшего согласие в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» на уведомление через личный кабинет, если адресат не ходатайствовал о направлении ему судебных извещений на бумажном носителе; также имеются доказательства доставки копии судебной повестки или иного судебного извещения на бумажном носителе по почтовому адресу пользователя, направленных посредством информационной системы организации федеральной почтовой связи в электронном виде, в том числе в форме электронного документа.

Данная норма также необходима для того, чтобы участники процесса не злоупотребляли своими процессуальными правами, как на то ранее указал Конституционный Суд РФ в Определении от 19 октября 2010 г. № 1286-О-О: «часть вторая статьи 117 ГПК Российской Федерации, устанавливающая, что адресат, отказавшийся принять судебную повестку или иное судебное извещение, считается извещенным о времени и месте судебного разбирательства или совершения отдельного процессуального действия, направлена на пресечение злоупотреблений со стороны участников процесса принадлежащими им процессуальными правами, а потому сама по себе не может рассматриваться как нарушающая права заявительницы, перечисленные в жалобе»¹. Таким образом, законопроект существенно расширяет основания для признания участника процесса надлежаще извещенным, что является, безусловно, положительной тенденцией для судов, поскольку ранее им приходилось давать оценку тому, яв-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2010 г. № 1286-О-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс (дата обращения: 28.10.2020).

ляется ли лицо надлежащим образом извещенным на основании совокупности установленных данных, а также определять, не имеется ли в каждом конкретном случае ненадлежащего извещения недобросовестности со стороны участника процесса. С другой стороны, участникам процесса придется сложнее в доказывании своего ненадлежащего извещения, что приведет к количественному уменьшению отмен судебного акта по такому основанию.

Также следует отметить и нововведение, которое предлагает законопроект в части изменения приказного производства.

Так, расширяются способы подачи заявления о вынесении судебного приказа и документов, приложенных к нему. Они могут быть поданы не только в письменном виде, как это сейчас предусмотрено ст. 124 ГПК РФ, но и в форме электронного документа. Также законопроект предусматривает возможность выполнения судебного приказа в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, в двух экземплярах на бумажном носителе. Указанное, безусловно, положительно отразится на документообороте с иными ведомственными органами, в частности сократит бумажный документооборот с органами службы судебных приставов. Тем не менее законопроект не урегулировал иные способы уведомления лица, в отношении которого вынесен судебный приказ, кроме отправки его копии должнику путем направления почтового отправления, оставив ст. 128 ГПК РФ «Извещение должника о вынесении судебного приказа» без изменений. При необходимости отмены судебного приказа должнику также не предоставлено право направления заявления об отмене путем направления электронного документа, поскольку законопроект оставил ст. 129 ГПК РФ «Отмена судебного приказа» в действующей редакции.

Что касается изменений в ст. 131 ГПК РФ «Форма и содержание искового заявления», то законопроект расширяет возможность для истца обратиться в суд в письменной форме на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. В настоящее время ГПК РФ предусматривает возможность обращения в суд в письменной форме, без уточнения конкретных способов доставки иска в суд.

Внесены изменения и в ч. 2 ст. 214 ГПК РФ «Выдача и направление копий решений суда». Действующей нормой предусматривается, что решение суда, выполненное в форме электронного документа, с согласия лиц, участвующих в деле, их представителей направляется им посредством его размещения на официальном сайте суда в сети Интернет в режиме ограниченного доступа не позднее пяти дней после дня его принятия и

(или) составления. Законопроект же предлагает внести изменения в указанную часть статьи и изложить ее в следующей редакции: «Решение, выполненное в форме электронного документа, с согласия лиц, участвующих в деле, их представителей направляется им посредством его размещения в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" в режиме ограниченного доступа не позднее следующего дня после дня составления мотивированного решения.

Решение или копия решения в электронном виде могут быть направлены участнику процесса в личный кабинет, в систему электронного документооборота участника процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия или посредством информационной системы организации федеральной почтовой связи.

В случае, если решение суда выполнено только на бумажном носителе, суд направляет копии решения суда лицам, участвующим в деле, их представителям не позднее пяти дней после дня принятия и (или) составления решения суда заказным письмом с уведомлением о вручении или по ходатайству указанных лиц вручает им под расписку».

Таким образом, законодатель вновь предлагает исключить такой способ размещения судебного акта, как размещение на официальном сайте суда, заменив его тремя иными способами доставки участнику процесса – в личный кабинет на «Госуслугах», в систему электронного документооборота посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия или посредством информационной системы организации федеральной почтовой связи.

Аналогичные изменения в способах доставки предлагаются законопроектом и в отношении высылки лицам, участвовавшим в деле, определений суда.

С учетом того, что в 2019 г. проведена процессуальная реформа, выразившаяся в создании новых апелляционных и кассационных судов, и данные суды, как правило, расположены в разных субъектах Российской Федерации, то возможность направления апелляционных и кассационных жалоб не только в письменном, но и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, представляется очень своевременной и удобной для подателя апелляционной или кассационной жалобы. Такая возможность предоставляется заявителям ст. 321 законопроекта. Также законопроект устанавливает и возможность подачи заявления об отказе от апелляционных жалобы, представления в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, тогда как ранее они могли быть поданы только в письменном виде.

Аналогичные возможности законопроект предоставляет и тем заявителям, которые планируют подавать надзорную жалобу или заявление о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам – все они также могут обратиться в соответствующий суд в форме электронного документа.

Вновь возвращаясь к результатам исследования Центра развития современного права, следует отметить, что, по мнению исследователей, наиболее перспективными направлениями развития информатизации правосудия в настоящее время являются: упрощение требований закона к проведению онлайн-процессов и расширение практики их использования; стремление к дальнейшей автоматизации и цифровизации рассмотрения дел, а именно в порядке упрощенного и приказного производства; перевод рассмотрения некоторых категорий споров полностью в онлайн-формат, как это уже сделано в Китае, Канаде и Австралии. Также в докладе предлагается распространить требования о представлении документов и доказательств в арбитражные суды в электронном виде на исковое производство, чтобы предоставить участникам процессов возможность дистанционно знакомиться с материалами дела. Указывается на необходимость активнее распространять передовой опыт информатизации арбитражных судов и на суды общей юрисдикции – как в части внедрения прогрессивных электронных сервисов, так и в части повышения их доступности.

Таким образом, исследователями подтверждается тот факт, что суды общей юрисдикции находятся на более низкой ступени своей цифровизации, уступая в первенстве арбитражным судам. В этой связи внесение изменений в гражданское процессуальное законодательство представляется весьма своевременным. Несмотря на некоторые неточности в формулировках юридических норм, данные изменения положительно повлияют на законодательство.

Кроме того, нужно отметить тот факт, что движение законодателя в сторону легитимации электронных процессуальных документов путем приравнивания их по своему юридическому значению к письменным, является прогрессивным и отражает тенденции современного мира к оцифровке документооборота, что стало особенно актуальным во время вынужденного карантина по причине пандемии, вызванной COVID-19.

Дата поступления: 02.11.2020

**DIGITALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM:
ANALYSIS OF TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF PROCEDURAL LEGISLATION
(ON THE EXAMPLE OF DRAFT AMENDMENTS TO THE CIVIL
PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

GAYMALEEVA Aisylu Tagirovna

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Law
of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.*

E-mail: Lillas@yandex.ru

The sphere of justice has also been affected by the global trend of universal digitalization. In view of a threat facing the world in the form of the new coronavirus infection COVID-19, as well as restrictions on access to court buildings in 2020, the initiative to amend the procedural legislation is relevant and timely. These amendments concern equalizing the legal status of written documents and electronic documents, about the methods of notifying the persons involved in the case, about the use of systems that allow the court and the parties to participate in proceedings remotely, while observing all procedural norms. The article attempts to study the trends in the development of civil procedural legislation, guided by the draft law, which was submitted for discussion by the Ministry of Justice of the Russian Federation on October 19, 2020.

Purpose: to analyze trends in the development of civil procedural legislation in the modern world. **Methods:** the author uses empirical methods of comparison, description, interpretation and theoretical methods of formal and dialectical logic. Special scientific methods are used: legal-dogmatic and the method of interpreting legal norms. **Results:** the analysis of the draft law reveals some positive and some controversial points that are subject to clarification and more detailed disclosure if it were adopted. The position of researchers studying the issues of informatization of justice is reflected, the prospects for the development of the judiciary in the field of further digitalization are indicated.

Keywords: justice; digitalization; judicial system; civil procedure; court; legal system.

Received: 02.11.2020

УДК 343.985.7

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.22

ПОРЯДОК ОБНАРУЖЕНИЯ, ИЗЪЯТИЯ И ФИКСАЦИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ГАЛИМХАНОВ Азат Булатович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия.*

E-mail: alflaw@mail.ru

ХАЛИУЛЛИНА Айгуль Фаатовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия.*

E-mail: aigul229@mail.ru

Активное использование информационно-коммуникационных технологий привело не только к изменениям во всех сферах человеческой деятельности, но и обусловило появление новых возможностей для преступной деятельности. С помощью цифровых технологий совершаются сегодня преступления в сфере компьютерной информации, против жизни и здоровья человека, против собственности и др. В этой связи возникают вопросы, связанные с выявлением, фиксацией и исследованием цифровых следов, которые образуются в результате совершения противоправных деяний. Для большинства практических работников работа с цифровыми следами вызывает большую сложность, поскольку отсутствует четкий алгоритм действий и рекомендаций по рассматриваемому вопросу. **Цель:** анализ действующего законодательства в области применения цифровых технологий и разработка тактических рекомендаций для обнаружения, изъятия и фиксации цифровых следов. **Методы:** в работе использованы общенаучные методы, сравнительно-правовой, а также такие логические приемы, как анализ и синтез. **Результаты:** исследование позволило разработать тактические рекомендации по обнаружению, изъятию и фиксации цифровых следов преступления.

Ключевые слова: цифровые технологии; следы; обнаружение следов; фиксация; цифровизация.

Криминалистическое изучение следов занимает центральное место в системе науки криминалистики.

С позиции теории отображения каждый объект материального мира всегда вызывает изменения в окружающей среде. Следы, образующиеся в процессе подготовки, совершения и сокрытия противоправных деяний, являются отражением совершенного преступления. При этом свойство отражения присуще всем видам и формам материи.

С наступлением эпохи цифровизации изменилось отношение к понятию и классификации следов. Сегодня в оборот теории и практики повсеместно входят «цифровые следы» [1, с. 35], «виртуальные следы» [2, с. 112], «электронные следы» [3, с. 79] и т. д. Не вдаваясь подробно в анализ этих понятий, отметим лишь, что мы разделяем позицию Е.Р. Россинской и считаем, что следы, образованные при совершении преступлений с использованием компьютерных технологий, уместно называть цифровыми.

Обнаружение, изъятие и фиксация цифровых следов имеют свои особенности и требуют научно обоснованных рекомендаций и методов. Поскольку такие следы быстро трансформируются и легко уничтожаются, промедление или неосторожные действия при их выявлении в ходе производства следственных действий могут привести к необратимым последствиям.

Опрос практических работников показал, что в процессе расследования компьютерных преступлений они практически всегда привлекают специалистов. Однако стоит отметить, что не все специалисты обладают должной компетенцией, поэтому следователю самому важно знать и уметь руководить следственным действием. При производстве обыска или осмотра в ходе расследования преступлений могут быть обнаружены не только цифровые следы, но и следы рук, микрообъекты, следы ДНК и пр. Исходя из этого, на наш взгляд, стоит придерживаться следующего алгоритма действий в ходе осмотра места происшествия при расследовании компьютерных преступлений:

1) статическая стадия осмотра:

- определить местоположение компьютерной техники и подробно описать его в протоколе следственного действия;
- осмотреть все внешние устройства, которые подключены к ПК (клавиатура, мышь, веб-камера и др.);
- обратить пристальное внимание на индивидуальные особенности всей компьютерной техники (системного блока, клавиатуры, монитора и пр.);

2) динамическая стадия осмотра:

- с помощью криминалистической техники обнаружить на поверхности внешних устройств материальные следы преступления (микрообъекты, следы пальцев рук);
- изучить аппаратное обеспечение (координатные устройства, устройства для ввода текста, устройства ввода изображений и видео и т. п.);
- определить операционную систему;
- установить IP-адрес;
- посмотреть данные о пользователе с помощью браузера. При этом стоит отметить, что, работая с браузером, не следует закрывать открытые вкладки, а переходить по гиперссылкам необходимо в режиме новой вкладки;
- изучить историю просмотра веб-страниц;
- изучить электронную почту;
- определить, имеются ли у пользователя средства анонимизации;
- исследовать средства синхронизации данных;
- использовать программы для поиска и восстановления недавно удаленных файлов (Recuva, Hetman Partition Recovery, EaseUS Data Recovery и др.).

На заключительной стадии осмотра, если следователь принимает решение изъять компьютерную технику, следует позаботиться о том, чтобы компьютер был переведен в «спящий» режим, поскольку это позволит сохранить информацию с жесткого диска и с запущенных приложений. Далее, соблюдая все требования уголовно-процессуального законодательства, необходимо изъять электронные носители информации и упаковать их должным образом. После чего с соблюдением уголовно-процессуальных требований необходимо упаковать осмотренный объект.

В заключение хотелось бы отметить, что процесс цифровизации должен существенно изменить и порядок подготовки практических работников. К сожалению, рабочие программы высших учебных заведений не предусматривают нужного количества часов и информации, посвященной этой тематике, что наводит нас на мысль о необходимости концептуальных изменений образовательного процесса. А действующие сотрудники правоохранительных органов должны постоянно повышать свою квалификацию в области расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Библиографический список

1. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 31–44.
2. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 387 с.
3. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие для вузов / отв. ред. С.В. Зуев. М. : Юрайт, 2020. 193 с.

Дата поступления: 28.10.2020

PROCEDURE FOR DETECTING, SEIZING AND RECORDING DIGITAL TRACES OF CRIME

GALIMKHANOV Azat Bulatovich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Forensics,
Bashkir State University, Ufa, Russia
E-mail: alflaw@mail.ru*

HALIULLINA Aigul Faatovna

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Forensics,
Bashkir State University, Ufa, Russia
E-mail: aigul229@mail.ru*

The active use of information and communication technologies has led to changes in all spheres of human activity. However, this has also affected the emergence of new opportunities for criminal activity. Digital crime today is computer-related, it is committed against human life and health, against property, etc. This raises issues related to detecting, recording and researching digital crime traces of unlawful acts. Working with digital traces is very difficult for most practitioners, because there is no clear algorithm of actions and recommendations on the issue under consideration. **Purpose:** to analyze the current legislation in the field of digital technologies and develop tactical recommendations for detecting, seizing and recording digital traces. **Methods:** the authors use general scientific methods, comparative law method, as well as logical techniques such as analysis and synthesis.

Results: the study allows us to develop tactical recommendations for detecting, seizing and recording digital traces of crime.

Keywords: digital technologies; traces; trace detection; recording; digitalization.

References

1. Rossinskaya E.R. Problems of using special knowledge in forensic investigation of computer crimes in the context of digitalization. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 5, pp. 31–44. (In Russian).

2. Meshcheryakov V.A. *Osnovy metodiki rassledovaniya prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii. Dokt. Diss.* [Fundamentals of methods for investigating computer-related crimes Doct. Diss.]. Voronezh, 2001. 387 p.

3. Zuev S.V. (ed.). *Elektronnye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve* [Electronic evidence in criminal proceedings]. Moscow, YUrajt Publ., 2020. 193 p.

Received: 28.10.2020

УДК 347.73

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.23

**К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ
И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ
НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КРЫЛОВ Олег Михайлович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия.*

E-mail: ok2004@list.ru

Денежное обращение, опосредующее любую сферу общественной жизни, предопределяет потребность в нем у всего общества, возводящего денежное обращение в ранг публичной потребности, которая может быть удовлетворена посредством его определенной организации с помощью разнообразных способов и приемов, составляющих содержание публичного интереса. **Цель:** анализ категорий «публичный интерес» и «частный интерес», а также баланса публичных и частных интересов в денежном обращении. Особое внимание в статье уделено соблюдению баланса публичных и частных интересов в денежном обращении на примере современного правового регулирования обращения цифровой валюты в Российской Федерации. **Методы:** использованы эмпирические методы сравнения, анализа и синтеза, обобщения, описания; специальные методы: сравнительно-правовой, логический, системный. **Результаты:** исследование позволило на основе сравнительно-правового анализа нормативно-правовых документов сформировать выводы о выразителях публичного интереса в денежном обращении и несоблюдении баланса публичных и частных интересов в денежном обращении на примере современного правового регулирования обращения цифровой валюты в Российской Федерации.

Ключевые слова: публичный интерес; частный интерес; цифровая валюта; денежное обращение; организация денежного обращения; деньги.

Общеизвестно, что категория «интерес» может употребляться как для обозначения общественного бытия людей (объективная категория), так

и явления их сознания (субъективная категория), и отражает способы удовлетворения потребностей, представляющих собой нужды различных субъектов [1; 2; 3]. В случае, когда такими субъектами являются общество, государство в целом, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, возникают публичные интересы. Выявление содержания публичных интересов – предмет современных научных дискуссий [4; 5; 6; 7].

Публичные потребности возникают во всех сферах (материально-производственной, духовной, организационной и социальной) общественной жизни. Денежное обращение в той или иной степени опосредует процессы, происходящие в каждой сфере общественной жизни, что возводит его в ранг публичной потребности. В качестве публичной потребности денежное обращение представляет собой элемент иных публичных потребностей сфер общественной жизни. Публичная потребность в денежном обращении может быть удовлетворена посредством его организации с помощью разнообразных способов и приемов, составляющих содержание публичного интереса.

Формирует и выражает публичные интересы, отражающие суммарные частные интересы, Российская Федерация [8, с. 17], в чьем ведении в соответствии со ст. 71 Конституции РФ¹ находятся вопросы финансового и валютного регулирования, а также денежной эмиссии. Субъекты Российской Федерации и муниципальные образования формируют и выражают публичные интересы в соответствии с вопросами, находящимися в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, а также в исключительном ведении субъектов Российской Федерации и в ведении органов местного самоуправления (например, денежное обращение в сфере публичных финансов – гл. 8, ст. 72, 73 Конституции РФ). Именно по указанной причине, а вовсе не потому, что финансы есть денежные отношения, связанные с выполнением государством своих функций и задач [9, с. 8–10], сформированные государством или иным публично-территориальным образованием публичные интересы реализуются ими же.

Сформированный и выраженный публично-территориальным образованием публичный интерес в удовлетворении публичной потребности в денежном обращении закрепляется в нормативных правовых актах, как правило, путем отражения в абстрактном виде наиболее существенных, повторяющихся признаков моделируемого поведения [10, с. 8–11].

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2020).

Публичный интерес может быть сформулирован через цели, задачи, направления, приоритеты, принципы, функции и иные характеристики, на что уже обращалось внимание в правовой науке [11, с. 14–19]. Например, в указе Президента РФ от 4 августа 1997 г. № 822 «Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен»¹ способами осуществления публичного интереса являются укрепление национальной валюты, стимулирование притока капитала, упрощение учета и расчетов в хозяйстве и т. д.

В российской правовой науке сложилось мнение об относительности понятий публичного и частного интереса ввиду их тесной взаимосвязи и взаимопроникновения и невозможности их противопоставления [12; 13]. Подтверждение этому можно встретить и в нормах права, устанавливающих для определенных сфер общественной жизни общность публичного и частного интереса. Так, объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности объединены в национальные интересы Российской Федерации, к которым относится, в частности, повышение конкурентоспособности национальной экономики. Удовлетворение указанного национального интереса предполагается с помощью различных способов организации денежного обращения (укрепление финансовой системы, устойчивости валютного курса рубля, снижение инфляции, возврат российского капитала и сокращение его вывоза за рубеж, обеспечение сбалансированности бюджетной системы и совершенствование межбюджетных отношений – п. 6, 30, 62 указа Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»²). Как видно, с позиций государства национальная безопасность представляет собой потребность, предопределяющую настолько тесную взаимосвязь публичных и частных интересов, что невозможно не только их противопоставить, но следует сделать вывод о совпадении публичных и частных интересов. К сожалению, такая ситуация возникает лишь применительно к общим потребностям в отдельных сферах общественной жизни.

Имеющиеся различия публичных и частных потребностей в денежном обращении предопределяют разницу между публичными и частными интересами, а также между различными публичными интересами в организации денежного обращения ввиду того, что они, в сущности, со-

¹ Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен» (с послед. изм. и доп. от 03.12.2001 № 1387) : указ Президента РФ от 04.08.1997 № 822 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.10.2020).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

стоят из государственных интересов в части, отражающей интересы общества и интересы гражданского общества [14].

В юридической науке распространено мнение о приоритете публичного интереса над частным, особенно применительно к финансовой деятельности публично-территориальных образований [15; 16] или к сфере денежного обращения [9, с. 8–10], которое автором не разделяется. Наоборот, справедливым видится вывод о том, что публичный и частный интерес состоят в отношении бинарности, устанавливая взаимные пределы реализации в различных отношениях, а итогом балансирования выступает такой результат согласования публичного и частного интересов, при котором ни один из них не отрицается и не в состоянии вытеснить другой [17, с. 62–71].

Современная организация денежного обращения в Российской Федерации далека не только от баланса частных и публичных интересов, но и от баланса публичных интересов публично-территориальных образований и общества, что особенно контрастно проявляется в правовом регулировании обращения цифровой валюты. В Российской Федерации принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О цифровых финансовых активах»), вступающий в силу с 1 января 2021 г. В соответствии с п. 3 ст. 1 указанного закона цифровая валюта предстает совокупностью электронных данных, содержащихся в информационной системе. Эти данные могут быть предложены или приняты в качестве средства платежа, при этом указанное средство платежа не является денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства или международной денежной или расчетной единицей. Самое главное, что на основании п. 5 ст. 14 этого закона организации и физические лица-резиденты (для организаций необходимо условие о том, что их личным законом является российское право либо обладание гражданской правоспособностью, для физических лиц – фактическое нахождение в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев) не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иным способом оплачивать цифровой валютой товары, работы, услуги.

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

Как видно из приведенных положений ФЗ «О цифровых финансовых активах», цифровая валюта отличается от всех видов денег, официально установленных в Российской Федерации. В качестве объекта права цифровая валюта не является вещью (и этим отличается от наличных денежных средств), признается имуществом, но не является имущественным или цифровым правом, поскольку в отношении цифровой валюты обязанного лица нет (и этим отличается от безналичных денежных средств и электронных денежных средств). Разумеется, есть и иные отличия от денег. Отличаясь в качестве объекта права от иных видов денег в Российской Федерации, цифровая валюта не становится при этом самостоятельным видом денег по причине ограниченной возможности выполнения такой экономической функции, как быть средством платежа, что проявляется в обозначенном запрете резидентам использовать ее в качестве встречного предоставления.

В Российской Федерации многие объекты права выполняют функции денег с определенными ограничениями, не являясь деньгами и не становясь при этом с позиций права денежными суррогатами [18, с. 2–5] (в экономической науке для идентификации любого объекта в качестве денежного суррогата достаточно установить выполнение им каких-либо экономических функций денег [19; 20]), образуя группу объектов права, выполняющих санкционированные государством отдельные функции денег. В указанную группу входят иностранная валюта, ценные бумаги, драгоценные металлы и др. Действующий правовой режим цифровой валюты определяет ее место в этой же группе объектов права. Являясь денежным суррогатом в экономическом смысле, цифровая валюта с позиций права предстает имуществом, правовой режим которого предполагает ограниченное выполнение ею функций денег, в частности функции средства платежа применительно к субъектам, являющимся резидентами.

Появившись помимо воли государства, цифровая валюта представляет собой данность, которая существует вопреки этой воле. Каждое государство относится к ней по-разному, что проявляется в особенностях квалификации и использования криптовалюты: от валюты или товара до средства платежа или обмена [21, с. 21–25]. Выбор отношения государства может иметь различные мотивы, например, криптовалюта в Германии не выполняет функцию валюты и не является частью денежной системы страны, в том числе по причине отсутствия признака ценовой стабильности, который должно иметь любое средство платежа [22, с. 197–206].

В российской правовой литературе подробно рассматривались риски появления цифровой валюты, которые следует учесть при выборе

правового режима, регулирующего ее обращение: развитие теневого сектора экономики (оплата криптовалютой за совершаемые преступления, сложность конфискации криптовалюты), сложность противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем (отсутствие специального контролирующего органа), разнородность мировой законодательной практики в сфере цифровых активов и легализации криптовалют и т. д. [23, с. 81–91].

Безусловно, указанные риски являются существенными, но не исключительными и не могут служить непреодолимым препятствием для легитимации последних [24, с. 12–15]. Более того, механизм децентрализации выпуска криптовалюты не означает неопровержимую презумпцию ее неизбежной и безусловной криминализации [25, с. 5–17]. Доказательством этого являются правовые режимы криптовалют в странах, приравнивающих их к валютам (например, США).

Представляется, что одной из главных причин, по которой цифровая валюта в Российской Федерации лишена возможности быть деньгами наравне с наличными или безналичными и электронными денежными средствами, является расхождение интересов в организации денежного обращения со стороны государства, с одной стороны, и общества (частных субъектов) – с другой, описанных в до сих пор не потерявших своей актуальности работах экономистов А. Хайека «Частные деньги» [26], М. Фридмана и А. Шварца «Монетарная история Соединенных Штатов. 1867–1960» [27]. В современном обществе вообще невозможно рассматривать отношения в отрыве от экономики и ее законов [28; 29].

Основываясь на эмпирическом законе денежного обращения Грешема, характеризующего закономерности вытеснения из обращения одних денег другими («лучшие» деньги имеют внутреннюю стоимость, обладают большей ликвидностью и наибольшей стабильностью, позволяют получать доход, способны к обретению дополнительных функций [19, с. 63–65]), в указанных работах деньги представлены обычным товаром. Между государственными деньгами (которые устанавливает государство с помощью права) и частными (появляются вопреки воле государства, например цифровая валюта) возникает конкуренция, которая может в соответствии с законом Грешема вытеснить государственные деньги как плохо обеспеченные и управляемые и оставить лишь те, которые наилучшим образом будут выполнять функции денег. Естественно, что государство в этом не заинтересовано. Как следствие, с помощью права оно будет препятствовать созданию равноправных условий обращения объектов права, выполняющих функции денег, с условиями обращения госу-

дарственных денег, ограничивая выполнение такими объектами права отдельных функций денег. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что негосударственный характер цифровой валюты вообще исключает какую-либо возможность в будущем полноценно выполнять ее функцию платежного средства, что вполне отвечает интересам государства в организации денежного обращения, но не отвечает интересам общества и частных субъектов и требует соблюдения баланса их интересов.

В идеале соблюдение баланса публичных и частных интересов в денежном обращении предполагает создание государством условий для нормальной конкуренции объектов права, выполняющих функции денег (особенно для частных денег), что неминуемо повлечет минимизацию правовых ограничений в вопросах выполнения этими объектами права отдельных функций денег. Определенные тенденции в этом направлении можно наблюдать на примере законодательства отдельных государств, допускающего многообразие денег и законных средств платежа на своих территориях [30, с. 166–183].

Подводя итоги, акцентируем внимание на основных выводах.

1. Выразителем публичных интересов для удовлетворения публичной потребности в денежном обращении, отражающих суммарные частные интересы, реализуемые в нормах права, является государство в лице Российской Федерации. Субъекты Российской Федерации и муниципальные образования выражают публичные интересы в соответствии с вопросами, находящимися в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также в исключительном ведении субъектов Российской Федерации и в ведении органов местного самоуправления.

2. Формирующиеся публично-территориальным образованием публичные интересы как способы и приемы удовлетворения публичных потребностей в денежном обращении закрепляются в нормативных правовых актах, что предопределяет их постоянный, длительный характер по отношению ко всему денежному обращению в целом.

3. Применительно к отдельным потребностям в отдельных сферах общественной жизни (в том числе в организации денежного обращения) взаимосвязь и взаимопроникновение публичных и частных интересов делает невозможным их противопоставление во всех остальных случаях, однако в целом имеющиеся различия публичных и частных потребностей в денежном обращении предопределяют разницу между публичными и частными интересами, а также между различными публичными интересами в его организации, что требует соблюдения баланса их интересов.

Библиографический список

1. Тихомиров Ю.А. Публичное право : учебник для юрид. факультетов и вузов. М. : Бек, 1995. 485 с.
2. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. 211 с.
3. Бакаева О.Ю., Погодина Н.А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 36–47.
4. Егорова М.А. Особенности содержания понятия «публичный интерес» для целей антимонопольного регулирования // Юрист. 2009. № 6. С. 56–58.
5. Ручкина Г.Ф. Новые специальные налоговые режимы в законодательстве Российской Федерации как реализация публичных интересов государства // Налоги. 2019. № 1. С. 28–33.
6. Кикавец В.В. Обеспечение публичных интересов государства в товарах, работах, услугах в период реализации стратегии развития информационного общества // Финансовое право. 2018. № 4. С. 28–31.
7. Давидян Г.М., Макдональд Т. Высока ли цена публичных интересов? // Закон. 2017. № 11. С. 82–90.
8. Публичные и частные интересы в финансовом праве : моногр. / Е.И. Спектор [и др.]. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2013. 166 с.
9. Саттарова Н.А. Денежное обращение: особенности реализации публичного интереса // Финансовое право. 2016. № 2. С. 8–10.
10. Крохина Ю.А. Принцип сочетания частных и публичных интересов в финансовом праве // Финансовое право. 2012. № 5. С. 8–11.
11. Краснова И.О. Квалификация публичных интересов при разрешении судами споров об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Экологическое право. 2020. № 2. С. 14–19.
12. Михайлов С.В. Категория интереса в гражданском праве / под науч. ред. В.С. Ема. М. : Статут, 2002. 203 с.
13. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : Городец, Формула права, 2003. 528 с.
14. Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 423 с.
15. Химичева Н.И. Научно обоснованные принципы финансового права как вектор его действия, развития и формирования новой методологии преподавания // Финансовое право. 2009. № 2. С. 4–6.

16. Поветкина Н.А. Правовой режим иммунитета бюджета: теоретико-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 101–110.
17. Ядрихинский С.А. Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства: поиск компромисса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 62–71.
18. Кучеров И.И. Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства // Финансовое право. 2012. № 2. С. 2–5.
19. Деньги. Кредит. Банки : учебник / Г.Е. Алпатов, Ю.В. Базулин [и др.] ; под ред. В.В. Иванова, Б.И. Соколова. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 624 с.
20. Генкин А.С. Денежные суррогаты в российской экономике. М. : Альпина, 2000. 463 с.
21. Иноземцев М.И. Современные подходы к цифровизации объектов гражданских прав: обзор зарубежного опыта // Международное публичное и частное право. 2020. № 2. С. 21–25.
22. Камальян В.М. Правовое регулирование криптовалют и блокчейн-технологий в Германии и Италии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 197–206.
23. Егорова М.А., Кожевина О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81–91.
24. Кучеров И.И., Печегин Д.А. К вопросу о легитимации криптовалют в зарубежных странах // Финансовое право. 2020. № 4. С. 12–15.
25. Фролов И.В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019. № 6. С. 5–17.
26. Хайек Ф.А. Частные деньги. Б. м. : Ин-т нац. модели экономики, Б. г. (1996). 229 с.
27. Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов. 1867–1960. Киев : Ваклер, 2007. 880 с.
28. Горбунова О.Н., Назаркин И.Ж. Значение естественно-научных подходов при изучении финансового права // Финансовое право. 2013. № 11. С. 2–5.
29. Запольский С.В. Глобализация экономики: финансово-правовой аспект // Финансовое право. 2011. № 11. С. 2–6.
30. Ситник А.А. Регулирование денежного обращения в Великобритании // Lex Russica. 2017. № 2. С. 166–183.

Дата поступления: 05.11.2020

**TO THE ISSUE OF BALANCING PUBLIC AND PRIVATE
INTERESTS IN MONETARY CIRCULATION
ON THE EXAMPLE OF THE LEGAL REGULATION
OF DIGITAL CURRENCY CIRCULATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

KRYLOV Oleg Mikhailovich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of State Law
of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.*

E-mail: ok2004@list.ru

Money circulation, which mediates any sphere of public life, determines the need for it in the whole society, which elevates it to the rank of a public need, which can be met through its specific organization using various methods and techniques that make up the content of public interest. **Purpose:** to analyze the categories «public interest» and «private interest» and balancing of public and private interests in monetary circulation. The author pays special attention to the balance of public and private interests in monetary circulation on the example of modern legal regulation of digital currency circulation in the Russian Federation. **Methods:** empirical methods are used: comparison, analysis and synthesis, generalization, description, as well as special methods: comparative legal, logical, systemic. **Results:** on the ground of a comparative legal analysis of regulatory documents, the study shows indicators of public interest in monetary circulation and non-compliance with the balance of public and private interests in monetary circulation on the example of modern legal regulation of digital currency circulation in the Russian Federation.

Keywords: public interest; private interest; digital currency; money circulation; organization of money circulation; money.

References

1. Tihomirov YU.A. *Publichnoe pravo* [Public law]. Moscow, Bek Publ., 1995. 485 p.
2. Kurbatov A.YA. *Sochetanie chastnyh i publichnyh interesov pri pravovom regulirovanii predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity]. Moscow, Centr YUrInfoR Publ., 2001. 211 p.
3. Bakaeva O.YU., Pogodina N.A. On the relationship between private and public interests. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2011, no. 4, pp. 36–47. (In Russian).

4. Egorova M.A. Features of the content of the concept of «public interest» for the purposes of antimonopoly regulation. *YUrist = Lawyer*, 2009, no. 6, pp. 56–58. (In Russian).
5. Ruchkina G.F. New special tax regimes in the legislation of the Russian Federation as the implementation of the public interests of the state. *Nalogi = Taxes*, 2019, no. 1, pp. 28–33. (In Russian).
6. Kikavets V.V. Ensuring the public interests of state in goods, works, services during the implementation of the information society development strategy. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2018, no. 4, pp. 28–31. (In Russian).
7. Davidyan G.M., MacDonald T. Is the price of public interests high? *Zakon = Law*, 2017, no. 11, pp. 82–90. (In Russian).
8. Spektor E.I. *Publichnye i chastnye interesy v finansovom prave* [Public and private interests in financial law]. Moscow, IZiSP pri Pravitel'stve RF Publ., 2013. 166 p.
9. Sattarova N.A. Currency circulation: features of the implementation of public interest. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2016, no. 2, pp. 8–10. (In Russian).
10. Krokhnina YU.A. The principle of combining private and public interests in financial law. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2012, no. 5, pp. 8–11. (In Russian).
11. Krasnova I.O. Qualification of public interests in the settlement of disputes by courts on the seizure of land plots for state or municipal needs. *Ekologicheskoe pravo = Environmental law*, 2020, no. 2, pp. 14–19. (In Russian).
12. Mihajlov S.V.; Em V.S. (ed.). *Kategoriya interesa v grazhdanskom prave* [Category of interest in civil law]. Moscow, Statut Publ., 2002. 203 p.
13. Lazarev L.V. *Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. Moscow, Gorodec, Formula prava Publ., 2003. 528 p.
14. Vasil'eva M.I. *Publichnye interesy v ekologicheskom prave* [Public interests in environmental law]. Moscow, Moskovskij universitet Publ., 2003. 423 p.
15. Khimicheva N.I. Scientifically grounded principles of financial law as a vector of its action, development and formation of a new teaching methodology. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2009, no. 2, pp. 4–6. (In Russian).
16. Povetkina N.A. Legal regime of budget immunity: theoretical and legal analysis. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 5, pp. 101–110. (In Russian).
17. YAdrikhinsky S.A. The principle of the priority of public interests in state financial activities: finding a compromise. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 1, pp. 62–71. (In Russian).

18. Kuchеров I.I. Monetary surrogates and other quasi-monetary means of payment. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2012, no. 2, pp. 2–5. (In Russian).
19. Alpatov G.E., Bazulin YU.V.; Ivanoa V.V., Sokolov B.I. (eds.). *Den'gi. Kredit. Banki* [Money. Credit. Banks]. Moscow, TK Velbi, Prospekt Publ., 2008. 624 p.
20. Genkin A.S. *Denezhnye surrogaty v rossijskoj ekonomike* [Monetary surrogates in the Russian economy]. Moscow, Al'pina Publ., 2000. 463 p.
21. Inozemtsev M.I. Modern approaches to digitalization of objects of civil rights: an overview of foreign experience. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and private law*, 2020, no. 2, pp. 21–25. (In Russian).
22. Kamalyan V.M. Legal regulation of cryptocurrencies and block-chain technologies in Germany and Italy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 7, pp. 197–206. (In Russian).
23. Egorova M.A., Kozhevina O.V. Place of cryptocurrency in the system of objects of civil rights. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 1, pp. 81–91. (In Russian).
24. Kuchеров I.I., Pechegin D.A. On the issue of legitimizing cryptocurrencies in foreign countries. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2020, no. 4, pp. 12–15. (In Russian).
25. Frolov I.V. Cryptocurrency as a Digital Financial Asset in the Russian Jurisdiction: On the Problem of the Real or Obligatory Nature. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2019, no. 6, pp. 5–17. (In Russian).
26. Hajek F.A. *CHastnye den'gi* [Private money]. Institut nacional'noj modeli ekonomiki Publ., 1996. 229 p.
27. Fridman M., SHvarc A. *Monetarnaya istoriya Soedinennyh SHtatov. 1867–1960* [Monetary history of the United States. 1867–1960]. Kiev, Vakler Publ., 2007. 880 p.
28. Gorbunova O.N., Nazarkin I.ZH. The value of natural science approaches in the study of financial law. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2013, no. 11, pp. 2–5. (In Russian).
29. Zapolsky S.V. Globalization of the economy: financial and legal aspect. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2011, no. 11, pp. 2–6. (In Russian).
30. Sitnik A.A. Regulation of money circulation in the UK. *Lex Russica*, 2017, no. 2, pp. 166–183. (In Russian).

Received: 05.11.2020

УДК 349.3

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.24

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

САЙФУТДИНОВА Венера Максutowна

*старший преподаватель кафедры финансового и экологического права
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия.*

E-mail: venera-svm@mail.ru

Статья посвящена одной из важнейших проблем – цифровизации права социального обеспечения. В теории права социального обеспечения до сих пор обсуждается вопрос о кодификации данной отрасли права, создании Социального кодекса РФ как способа систематизации норм права. Данная кодификация, безусловно, является удобным и необходимым способом объединения правовых норм в данной сфере, в том числе и в целях доведения информации до граждан. Между тем правообеспечительное законодательство довольно динамично, имеет разнообразный, сложный субъектный состав, обширно по содержанию, что затрудняет создание кодифицированного акта в данной сфере. **Цель:** анализ проблем кодификации и развития цифровизации права социального обеспечения. **Методы:** сравнения, описания, интерпретации, формальной и диалектической логики, толкования правовых норм. **Результаты:** XXI век диктует новые требования – доступности информации, что, на взгляд автора, возможно благодаря процессам информатизации, стремительно входящим в законодательство права социального обеспечения.

Ключевые слова: кодификация; цифровизация; единое информационное пространство; меры социальной поддержки; ЕГИССО; ЕГИСЗ; проактивное реагирование; реестровая модель.

Общеизвестно, что российское правообеспечительное законодательство включает в себя обширную нормативную базу по мерам поддержки различных групп населения, а кодифицированного акта не существует. Мер социальной поддержки в Российской Федерации достаточно количество и на федеральном, и на региональном уровне. Разобраться в таком количестве законодательных и подзаконных актов простому гражданину достаточно сложно.

Существует мнение, что исправить все недочеты и неточности в данной сфере правового регулирования поможет кодификация, хотя существуют иные виды и способы систематизации российского законодательства (инкорпорация, консолидация). Кодификация – это способ систематизации, подразумевающий внутреннюю и внешнюю переработку действующего законодательства.

Многие исследователи, обосновывая важность кодификации права социального обеспечения, в качестве примера приводят не только зарубежные правовые системы, но и российскую практическую действительность, ведь в ряде регионов имеются соответствующие кодексы (Белгородская, Волгоградская области, Санкт-Петербург и др.), в которых учитываются региональные особенности норм права социального обеспечения.

Однако на данный момент процесс кодификации социально-обеспечительного законодательства не завершен и, в общем-то, продвигается недостаточными темпами. Тем временем в России продолжается информатизация и цифровизация, предполагающие расширение доступности нормативных правовых актов в информационном пространстве. Общемировой тренд цифровизации основывается на процессах преобразования информации в цифровую форму, что повышает эффективность не только экономических процессов, но и мер социальной поддержки, оказываемой государством гражданам, а значит, способствует улучшению качества жизни.

Достаточно длительный период в Российской Федерации функционирует электронное правительство, в работе которого применяются технологии цифрового обмена информацией между органами государственной власти, гражданами, организациями и другими субъектами экономики. Функционирование российского электронного правительства, безусловно, повышает эффективность экономики, управления на государственном и местном уровнях власти, создает условия для свободного доступа к необходимой информации и получения необходимых услуг.

Цифровые технологии, цифровизация как тренды современного развития государств, их экономических, социальных платформ не только проникли во все сферы деятельности человека и общества, но и формируют новые запросы и новые веяния в жизни граждан и государства. Поэтому в России появляется все больше проектов, призванных сделать предоставление социальных услуг удобнее за счет цифровизации.

Так, Правительством РФ еще в 2018 г. были запланированы и утверждены мероприятия по повышению эффективности предоставления мер социальной защиты (поддержки), которые являются составляющей

национального проекта «Цифровая экономика», а их реализация намечена на 2019–2021 гг.¹.

Наибольшее значение в данном цифровом процессе доступности актуальных сведений о тех или иных мерах социальной поддержки, которые предоставляются из бюджетов всех уровней, имело внедрение системы Единой государственной информационной системы социального обеспечения – ЕГИССО. Создание ее предусмотрено Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»², постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2017 г. № 181 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения»³ (ЕГИССО) и иными подзаконными актами <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/585>⁴. Оператором ЕГИССО выступает Пенсионный фонд РФ, а поставщиками информации являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, подведомственные им организации.

Сама система функционирует с 1 января 2018 г. С марта 2019 г. некоторые субъекты тестируют техническую составляющую ЕГИССО, обязательность ее использования планируется с 2021 г. для каждого субъекта Российской Федерации в процессе назначения регионами мер социальной поддержки в рамках переданных с федерального уровня полномочий. Информация, содержащаяся в ЕГИССО, доступна как в отношении отдельного субъекта правоотношений, так и в целом по Российской Федерации. Например, по состоянию на октябрь 2020 г. меры социальной поддержки получили 37 628 320 лиц, достигших пенсионного возраста,

¹ План мероприятий по повышению эффективности предоставления мер социальной защиты (поддержки), социальных услуг в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иных социальных гарантий и выплат, а также оптимизации деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Федеральной службы по труду и занятости, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации, учреждений медико-социальной экспертизы (утв. зам. Председателя Правительства РФ 28.12.2018) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2020).

² О государственной социальной помощи : федер. закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ // Российская газета. 1999. 23 июля.

³ О Единой государственной информационной системе социального обеспечения : постановление Правительства РФ от 14.02.2017 № 181 // Российская газета. 2017. 1 марта.

⁴ Об утверждении состава информации, предоставляемой конкретному пользователю Единой государственной информационной системы социального обеспечения, направившему запрос о предоставлении информации : приказ Министерства труда РФ от 12.07.2017 № 477н [Электронный ресурс]. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/585> (дата обращения 01.11.2020).

лиц старшего возраста; 12 244 133 инвалида; 2 307 018 членов семей, потерявших кормильца; 14 195 646 ветеранов [1].

Внедрение данной системы, безусловно, повышает качество и эффективность государственного управления в области социального обеспечения и особенно государственной социальной помощи. При этом при оказании помощи, предоставлении мер социальной поддержки на первый план выходят такие принципы права социального обеспечения, как адресность и нуждаемость. Используя ЕГИССО, органы власти могут более результативно проводить аналитическую работу по важнейшим социальным показателям, кроме того, увеличиваются возможности более эффективного прогнозирования расходной части бюджетов в части выполнения социальных обязательств.

Использование ЕГИССО гражданами повышает информированность о предусмотренных законодательством мерах социальной поддержки, снижает физические и временные издержки в процессе их назначения и получения. Таким образом, цифровизация социального обеспечения посредством внедрения ЕГИССО улучшает качество получения и предоставления услуг, удовлетворяя не только частные, но и публичные интересы в системе социального обеспечения. Однако проблема на данный момент заключается еще и в том, что многие граждане не только не знают о предоставляемых мерах социальной поддержки, но и о существовании такой информационной системы, как ЕГИССО.

С помощью ЕГИССО агрегируется информация об уже предоставленных мерах государственной социальной поддержки, но функциональное исполнение назначения самих мер социальной поддержки и их предоставление осуществляется в различных информационных системах. В отдельных муниципальных образованиях сохранились и традиционные способы предоставления информации – без применения информационных систем.

Говоря об информатизации в данной сфере правового регулирования, отметим, что Фонд социального страхования РФ запустил новый канал взаимодействия с получателями социальных услуг – мобильное приложение «Социальный навигатор». С его помощью можно произвести расчет размера пособий и социальных выплат, получить информацию о социальных услугах, оставить обращение к сотрудникам Фонда социального страхования.

Тем не менее, как мы уже указали, информирование граждан с помощью цифровых платформ требует совершенствования. Так, несмотря на внедрение ЕГИССО, в октябре 2019 г. на заседании Правительства РФ

Д.А. Медведев, тогда еще Председатель Правительства РФ, призвал к активизации процессов информирования граждан о мерах социальной поддержки: «сегодня в стране насчитывается более 380 видов социальной поддержки. Большая часть – 343 – установлены на региональном уровне, меньшая – на федеральном, и сориентироваться в них – задача не из самых простых... Очень часто человек просто не в курсе того, что ему полагается от государства» [2]. Д.А. Медведев подчеркнул, что необходимо подходить к системе информирования персонализированно, продолжить работу по созданию единого контакт-центра и доработать единую государственную систему социального обеспечения, а в дальнейшем внедрить специальные сервисы, суперсервисы – новый вид государственных услуг, позволяющий человеку получить необходимые услуги в зависимости от жизненной ситуации при его минимальном участии.

Поставленные предыдущим Правительством задачи продолжает решать новое Правительство РФ, и необходимо отметить, что цифровизация социальной политики – одно из приоритетных направлений деятельности Министерства труда и социальной защиты и подведомственных ему структур на ближайшие годы.

Так, в 2020 г. Министерством труда и социальной защиты вводятся механизмы, интегрирующие личные кабинеты россиян в Фонде социального страхования (ФСС), Пенсионном фонде (ПФР), Федеральном реестре инвалидов, учреждениях медико-социальной экспертизы. Конечной целью данного процесса будет взаимодействие с Единым порталом государственных услуг и реализация принципа «одного окна». До 2021 г. планируется унифицировать для всех субъектов процесс социальной поддержки с использованием ЕГИССО [3]. Например, в случае инвалидности не будет необходимости последовательно обращаться сначала в учреждение медико-социальной экспертизы, а далее в ПФР, ФСС, чтобы получить соответствующие меры социальной поддержки. Гражданин сможет обратиться в любую из этих организаций и получить там требуемую услугу. Кроме того, предусмотрено использование указанными органами социальной поддержки единых информационных систем и сервисов при взаимодействии с гражданами, что позволит объединить статистическую составляющую фондов, повысить эффективность использования ресурсов в силу того, что используется общая инфраструктура для хранения и передачи данных.

Следует также отметить и еще одно направление цифровизации права социального обеспечения – проактивное реагирование, включающее в себя получение уведомления гражданами об имеющихся у них пра-

вах на получение мер социальной поддержки, иных событиях, например, таких как приближающееся окончание срока действия инвалидности, что позволит гражданину совершить необходимые действия заранее. В основе проактивного реагирования – ЕГИССО, которая сможет реагировать на изменение данных о человеке и в зависимости от его нового статуса. Изменение статуса позволит ЕГИССО предложить гражданину обратиться за какой-либо мерой поддержки, а использование электронного документооборота сократит сроки назначения некоторых социальных услуг, уменьшит набор документов, необходимых для их назначения.

Так, рождение ребенка регистрируется органами ЗАГС с внесением соответствующей записи в Единый государственный реестр ЗАГС, а затем необходимые сведения передаются в ЕГИССО. ЕГИССО, произведя идентификацию родителей и проанализировав сведения о них, подбирает возможные меры социальной защиты, предназначенные в случае рождения ребенка, далее актуальная информация поступает в информационную систему взаимодействия с гражданами для доведения ее до родителей. При этом каждому из родителей предоставление информации и порядок получения социальных мер поддержки осуществляется наиболее предпочтительными для них способами: через личный кабинет Единого портала государственных услуг, направлением на электронную почту, SMS-сообщением, звонком на телефонный номер.

Развитие цифровых технологий в данной сфере в перспективе приведет к тому, что значительное количество услуг будет функционировать в проактивном режиме, без необходимости подавать документы. Кроме того, реализовывать взаимодействие с гражданами с использованием различных сервисов можно будет с учетом их физических особенностей. Допустим, граждане с нарушением слуха смогут воспользоваться чат-ботом веб-версии или мобильного приложения, а с нарушением зрения – позвонить на единый телефонный номер контакт-центра.

Таким образом, Правительство ожидает, что уже в 2020 г. информация о возникновении прав на меры поддержки будет направляться 70–80 % потенциальных получателей. В разработке для включения в информационные системы более 150 различных жизненных событий, возникновение которых является основанием для определенных государством прав на получение конкретных мер социальной поддержки [4]. Так, к числу уникальных жизненных ситуаций относятся: статус инвалида I, II группы или категория «ребенок-инвалид», иные жизненные ситуации. Завершение данного процесса планируется в 2021 г.

Также ведется работа по формированию различных реестров в процессе оказания государственных и муниципальных услуг. Процесс создания «реестровой модели» включает в себя оформление конечного результата услуги включением в базовый государственный информационный ресурс соответствующих сведений. При этом выдавать результаты на бумажном носителе будет необходимо только по обращению гражданина. Несомненными достоинствами внедрения «реестровой модели» станут снижение расходов на содержание персонала и изготовление материальных носителей, исключение возможности подделки документов на материальном носителе.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ст. 91.1 обосновал введение еще одной информационной системы в праве социального обеспечения – Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)¹. Основной ее целью является обеспечение доступа граждан к услугам в сфере здравоохранения в электронной форме, взаимодействие информационных систем в сфере здравоохранения. ЕГИСЗ действует в соответствии с определяющими ее положение нормативными правовыми актами².

ЕГИСЗ – это часть крупного проекта по созданию единого цифрового пространства в здравоохранении с целью предоставления услуг в сфере здравоохранения на принципиально новом уровне. Данный цифровой проект позволит к 2024 г. ввести в Российской Федерации систему электронных рецептов, автоматизировать управление льготным лекарственным обеспечением. Планируется, что в личном кабинете пациента «Мое здоровье» на портале «Госуслуги» в любом субъекте Федерации будут доступны запись к врачу, на диспансеризацию, подача заявления на медицинский полис и иные медицинские документы. ЕГИСЗ будет включать в себя 13 подсистем: федеральный регистр медицинских работников, федеральный реестр медицинских организаций, федеральную электронную регистратуру, федеральную интегрированную электронную медицинскую карту, федеральный реестр электронных медицинских документов и др.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 нояб.

² О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения : постановление Правительства РФ от 05.05.2018 № 555 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2020).

Приоритетность внедрения и использования цифровых платформ в сфере права социального обеспечения и, в частности, здравоохранения подчеркивает и тот факт, что Правительство РФ дополнительно направляет 898,5 млн руб. на развитие ЕГИСЗ¹. Это позволит ускорить перевод важных для граждан государственных услуг в электронный вид и осуществлять предоставление их по принципу цифровых суперсервисов.

Таким образом, в настоящий момент в сфере правового регулирования права социального обеспечения полным ходом идет процесс цифровизации, что делает более доступным предоставление различных услуг гражданам, особенно нуждающимся в мерах социальной поддержки. Такое развитие отрасли права социального обеспечения, на наш взгляд, как минимум отодвинет создание и принятие Социального кодекса РФ, а как максимум его актуальность отойдет на второй план или исчезнет вовсе.

Библиографический список

1. Численность получателей мер социальной защиты (поддержки). URL: <http://egisso.ru/site/statistics/measures>.
2. Кузьмин В. Вам положено // Российская газета. 2019. 17 окт.
3. Минтруд, ПФР и ФСС могут обзавестись единой цифровой платформой. URL: <https://www.computerworld.ru/news/Mintrud-PFR-i-FSS-mogut-obzavestis-edinoy-tsifrovoy-platformoy>.
4. Гусенко М. Граждан предупредят о положенных им льготах // Российская газета. 2019. 26 нояб.

Дата поступления: 03.12.2020

¹ О выделении из резервного фонда Правительства РФ в 2020 году Министерству здравоохранения РФ бюджетных ассигнований на осуществление закупки товаров, работ, услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий в целях развития подсистем единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения и увеличение мощности федерального центра обработки данных : распоряжение Правительства РФ от 07.11.2020 № 2897-р. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2020).

INFORMATIZATION IN SOCIAL SECURITY LAW

SAIFUTDINOVA Venera Maksutovna

*Senior Instructor of the Chair of Financial and Environmental Law
of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.*

E-mail: venera-svm@mail.ru

The article is devoted to one of the most important problems - the digitalization of social security law. In theory of social security law, the issue of codification of this branch of law, the creation of the Social Code of the Russian Federation as a way of systematizing the norms of law is still being discussed. This codification is certainly a convenient and necessary way to combine legal norms in this area, including for the purpose of bringing information to citizens. Meanwhile, the law enforcement legislation is quite dynamic, has a diverse, complex subject composition, and is extensive in content, which makes it difficult to create a codified act in this area. **Purpose:** to analyze the problems of codification and development of digitalization of social security law. **Methods:** the author uses the methods of comparison, description, interpretation, formal and dialectical logic, interpretation of legal norms. **Results:** the XXI century dictates new requirements - the accessibility of information, which, in the author's opinion, is possible due to informatization processes that are rapidly entering the legislation of social security law.

Keywords: codification; digitalization; single information space; social support measures; EGISSO (Unified State Social Security Information System of the Pension Fund); EGISZ (Unified Public Health Information System); proactive response; registry model.

References

1. *CHislennost' poluchatelej mer social'noj zashchity (podderzhki)* [Number of recipients of social protection (support) measures]. Available at: <http://egisso.ru/site/statistics/measures>. (In Russian).
2. Kuz'min V. You are entitled to. *Rossiyskaya gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2019, October 17. (In Russian).

3. *Mintrud, PFR i FSS mogut obzavestis' edinoj cifrovoj platformoj* [Ministry of Labor, Pension Fund and Social Insurance Fund can have a single digital platform]. Available at: <https://www.computerworld.ru/news/Mintrud-PFR-i-FSS-mogut-obzavestis-edinoy-tsifrovoy-platformoy>. (In Russian).

4. Gusenko M. Citizens will be warned of the benefits they are entitled to. *Rossiyskaya gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2019, November 26. (In Russian).

Received: 03.12.2020

УДК 343.14

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.25

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

ШАГЕЕВА Регина Мансуровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Бакирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: shageevarm@yandex.ru

Актуальным вопросом на современном этапе развития уголовного процесса является использование видеоконференц-связи¹ в досудебном производстве по уголовным делам. Интерес к данной теме вызван как правовой неурегулированностью и продолжающимися дискуссиями в научной среде, так и складывающейся непростой ситуацией в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции. В условиях пандемии у суда появилось право проводить все судебное разбирательство по уголовному делу с использованием систем видеоконференц-связи, а следовательно и дознаватели лишены возможности использовать дистанционные технологии даже при производстве такого следственного действия, как допрос. Данная проблема требует исследования и решения как учеными, так и законодателем. **Цель:** анализ и развитие научных и правовых основ использования видеоконференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** исследование позволило проследить поэтапное расширение возможности использования видеоконференц-связи в уголовном процессе, проанализировать положительные и отрицательные стороны внедрения дистанционных технологий на стадии предварительного расследования, выявить пробелы в правовом регулировании данного вопроса в уголовном судопроизводстве, предложить решение проблемы с

¹ Несмотря на то что нормами современного русского литературного языка предусмотрено написание этого слова с двумя дефисами – видео-конференц-связь (Русский орфографический словарь : ок. 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 5-е изд., стер. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. С. 81), мы будем придерживаться написания, соответствующего УПК РФ (ст. 35, 240, 241 и др.).

учетом формирующейся судебной практики и законодательства ряда зарубежных государств.

Ключевые слова: видеоконференц-связь; досудебное производство; уголовное дело; судебное разбирательство; следственные и иные процессуальные действия; допрос и очная ставка.

Вопросам применения цифровых технологий в уголовном процессе, в том числе использования видеоконференц-связи для производства следственных и судебных действий, посвящено большое количество научных трудов [1; 2; 3], формируется и судебная практика¹. Однако последние события, обусловленные пандемией коронавируса, вынуждают вновь обратиться к этой теме.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики от 30 апреля 2020 г. подтвердил право суда в условиях карантинных мероприятий и режима самоизоляции в случаях, требующих безотлагательного рассмотрения уголовного дела (или материала), принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем видеоконференц-связи². Реализация такого права возможна благодаря существующим правовым основам и технической оснащенности судебной системы.

В УПК РФ понятие видеоконференц-связи появилось в 2009 г. в связи с изменениями, внесенными в ст. 35, где была предусмотрена возможность участия обвиняемого в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи при рассмотрении ходатайства об изменении

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.04.2019 № 15-АПУ-19-1СП [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2020); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2020 № 77-2748/2020, 77-2749/2020, 77-2750/2020, 77-2883/2020 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2020); Апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл от 15.07.2020 по делу № 22-549/2020 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2020) и др.

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2020).

территориальной подсудности¹. В дальнейшем применение этих технических средств в судебных заседаниях постепенно расширялось: в надзорном производстве (ст. 407 УПК РФ), в апелляционной инстанции (ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ), в кассационной инстанции (ст. 401.13 УПК РФ), при рассмотрении вопросов в связи с исполнением приговора (ст. 399 УПК РФ). В 2011 г. в УПК РФ была закреплена возможность допрашивать свидетелей, а затем и потерпевших по уголовному делу в суде посредством видеоконференц-связи (ч. 4 ст. 240, ч. 1 ст. 278.1)², а в 2014 г. – право суда при рассмотрении уголовных дел по некоторым составам тяжких преступлений обеспечить участие содержащегося под стражей подсудимого путем применения видеоконференц-связи (ч. 6.1 ст. 241, ст. 293)³. Все указанные нормы регулируют использование видеоконференц-связи на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Между тем, и в условиях распространения новой коронавирусной инфекции это стало особенно наглядным, органы, осуществляющие предварительное расследование, столкнулись с трудностями обеспечения явки участников уголовного судопроизводства для проведения следственных и иных процессуальных действий в установленные законом процессуальные сроки. При этом правовая и техническая возможность применения дистанционных технологий при собирании доказательств на стадии досудебного производства в настоящее время отсутствует.

Для целей статьи под видеоконференц-связью мы будем понимать «способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами». Такое определение содержится в п. 1.5 Регламента организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрис-

¹ О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 27.12.2009 № 346-ФЗ [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2020).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 20.03.2011 № 39-ФЗ [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2020).

³ О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 251-ФЗ [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2020).

дикции от 28 декабря 2015 г. № 401¹. Видеоконференц-связь – это современная технология обмена видео- и аудиоинформацией между несколькими участниками, которая может быть использована для проведения следственного действия дистанционно, то есть при удаленном нахождении участников друг от друга.

В 2016 г. Государственной Думой РФ был отклонен проект Федерального закона № 764131-6 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференц-связи)», внесенный депутатом К.А. Лазаревым, где было предложено дополнить гл. 22 УПК РФ статьей 164.1 «Общие правила применения видеоконференц-связи при производстве следственных и иных процессуальных действий»². В замечаниях на проект указано на неурегулированность в статье ряда процессуальных моментов (в частности, не предусмотрена процедура удостоверения личности, порядок разъяснения участникам прав и обязанностей, не учтены особенности участия в уголовном деле несовершеннолетнего, его законного представителя, педагога, особенности использования видеоконференц-связи при наличии в материалах дела сведений, составляющих государственную тайну, и др.). В целом оценивая положительно появление в УПК РФ подобной нормы, в этой части законопроект необходимо доработать.

Правительство РФ и Счетная палата РФ в своих отрицательных заключениях указали, что реализация законопроекта может привести к значительному увеличению нагрузки на следователей, дознавателей, которым в соответствии с указанной нормой будет поручаться проведение видеоконференц-связи, что может повлечь необходимость увеличения их штатной численности и бюджетных ассигнований на их содержание, а также дополнительных финансовых затрат из федерального бюджета на обеспечение технической возможности осуществления данного вида связи, приобретение необходимого оборудования и его обслуживание.

¹ Об утверждении Регламента организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 3 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2020).

² О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференц-связи) : паспорт проекта Федерального закона № 764131-6 (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ К.А. Лазаревым) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2020).

Также в заключениях на законопроект в качестве аргумента против указано на нормы УПК РФ, которые предусматривают возможность производства следственных и иных процессуальных действий вне места расследования преступлений путем дачи поручений другому следователю или органу дознания (ч. 1 ст. 152), право следователя провести допрос в месте нахождения допрашиваемого (ч. 1 ст. 187). Полагаем, наличие указанных норм не уменьшает значимости дистанционных технологий при производстве предварительного расследования. Использование видеоконференц-связи позволит следователю, ведущему производство по уголовному делу, не только услышать и увидеть показания допрашиваемого, но и провести сам допрос, задать вопросы в режиме реального времени, наблюдать условия, в которых проводится следственное действие, оценивать поведение допрашиваемого лица, выстраивать тактику производства следственного действия, не затрачивая при этом время на прибытие к месту нахождения допрашиваемого.

Из паспорта проекта Федерального закона № 764131-6 видно отсутствие единой позиции у представителей разных органов по вопросу о необходимости (или возможности) существования как таковой процедуры производства следственных (процессуальных) действий посредством видеоконференц-связи. Противники использования видеоконференц-связи на стадии досудебного производства указывают также на то, что это может открыть недобросовестным работникам правоохранительных органов путь к манипуляциям, в частности к надиктовке показаний. Также они отмечают «эффект отсутствия», то есть невозможность непосредственно наблюдать за поведением допрашиваемого, его эмоциональной, физиологической реакцией на вопросы [4]. Представляется, что указанные опасения не учитывают современные технические возможности, которые позволяют фиксировать все мельчайшие подробности допроса в текущем моменте, вести видеозапись для подтверждения хода и результатов следственного действия.

В научной литературе учеными и правоприменителями приводится значительное количество противоположных доводов, обосновывающих необходимость использования видеоконференц-связи на стадии досудебного производства [5; 6; 7].

Одним из главных аргументов за введение в досудебное производство дистанционных технологий является возможность таким образом ускорить процесс производства расследования, увеличить его эффективность за счет процессуальной экономии сил и средств. Производство следственных действий посредством видеоконференц-связи может быть

востребовано, например, при проведении их в регионах, где удаленность населенных пунктов друг от друга исчисляется сотнями километров; при допросе, где одним из участников является лицо, отбывающее наказание в местах лишения свободы, чтобы избежать временных и финансовых затрат, связанных с его доставлением.

Существенным аргументом за введение системы видеоконференц-связи в досудебное производство являются интересы самих допрашиваемых лиц, которые проживают или находятся в населенных пунктах, удаленных от места производства предварительного расследования. Кроме того, ряд авторов указывает, что допрос в рассматриваемой дистанционной форме является в некоторых случаях своего рода мерой безопасности, а также способствует получению достоверных и более полных показаний [8, с. 5–6]. Также значимо, что видеоконференц-связь всегда сопровождается видеофиксацией, которая является дополнительным источником информации для последующих субъектов доказывания.

Исследователи отмечают, что дистанционный допрос уже давно предусмотрен законодательством многих стран, в частности, есть опыт его применения в Германии, Италии, Финляндии, Швеции, США, Эстонии, Молдове, Казахстане [9; 10; 11]. Например, в УПК Казахстана допрос посредством видеоконференц-связи может быть произведен в случаях невозможности явки в связи с состоянием здоровья, возрастом или в связи с необходимостью обеспечения безопасности допрашиваемого, оперативности досудебного расследования и минимизации затрат по явке. Последние два основания актуальны и для российского уголовного процесса.

Сближение российского уголовно-процессуального законодательства с законодательством зарубежных стран по рассматриваемым вопросам позволило бы российским следователям и дознавателям в рамках запросов о правовой помощи посредством видеоконференц-связи лично допрашивать лиц, находящихся за пределами Российской Федерации.

На наш взгляд, единственным препятствием для внедрения видеоконференц-связи в досудебные стадии уголовного процесса являются финансовые затраты. Между тем исследователи отмечают, что «экстраординарный характер будут иметь лишь расходы по первоначальной установке оборудования и налаживанию каналов для видеоконференц-связи, однако в последующем они станут не столь значительными». Тем более «к настоящему времени основа такого оборудования (аппаратные компьютерные средства) имеется в большинстве органов предварительного следствия и судов, а по мере развития технологии стоимость дополнительного оборудования постоянно снижается» [12].

Н.А. Колоколов верно отмечает, что российский уголовный процесс технологически очень отстает. Ввиду финансовой затратности внедрения цифровых технологий перспективы выглядят не очень радужно, особенно на фоне мирового финансового кризиса [13].

Научно-технический прогресс не остановить и не замедлить, востребованность дистанционных технологий на практике будет только возрастать, поэтому российскому законодателю необходимо сформировать правовые основы для их внедрения в различных сферах, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Использование видеоконференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам востребовано участниками как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, оно будет способствовать соблюдению разумных сроков предварительного расследования, процессуальной экономии сил и средств, эффективному расследованию уголовных дел. Представляется, как и для судебных стадий, законодатель должен поэтапно вводить в УПК РФ нормы об использовании видеоконференц-связи в ходе предварительного расследования, начиная с такого следственного действия, как допрос, в исключительных случаях, связанных с трудностями обеспечения явки потерпевшего или свидетеля ввиду состояния здоровья, отдаленности местонахождения или стихийного бедствия, для обеспечения безопасности участников.

Библиографический список

1. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : моногр. / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М. : ИЗиСП : КОНТРАКТ, 2019. 212 с.
2. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica. 2019. № 5. С. 117–131.
3. Качалов В.И., Качалова О.В. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017. № 12. С. 34–38.
4. Желтухин Е. Видеоконференц-связь: требование времени или повод для злоупотреблений? // Судебно-юридическая газета. 2012. 20 авг. URL: <http://sud.ua/newspaper/2012/08/20/41817-videokonferentssvyaz>.
5. Желтобрюхов С.П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видеоконфе-

ренц-связи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 62–64.

6. Пашутина О.С., Алымов Д.В. Очная ставка: проблемные аспекты уголовно-процессуального регулирования // Российский следователь. 2020. № 6. С. 13–16.

7. Александров А.И. Предварительное следствие в уголовном процессе России: между прошлым и будущим // Российский следователь. 2018. № 3. С. 30–35.

8. Дмитриева А.А. Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела // Российский следователь. 2017. № 1. С. 3–6.

9. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видеоконференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 2–6.

10. Антонович Е.К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 125–136.

11. Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю. Организационно-правовые аспекты защиты свидетелей в Соединенных Штатах Америки // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1 (59). С. 162–167.

12. Волеводз А.Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференц-связи // Военно-юридич. вестник Приволжск. региона : сб. науч. тр. Самара, 2003. Вып. 1. С. 70–96. URL: <http://www.mgimo.ru/files/114971/114971.pdf>.

13. Колоколов Н.А. Директивный, коммуникативный и технологический аспекты уголовного судопроизводства // Вестник Московск. ун-та МВД России. 2012. № 4. С. 118–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/direktivnyy-kommunikativnyy-i-tehnologicheskij-aspekty-ugolovnogo-sudoproizvodstva/viewer>.

Дата поступления: 15.11.2020

ON THE USE OF VIDEOCONFERENCING IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

SHAGEEVA Regina Mansurovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: shageevarm@yandex.ru

An urgent issue at the current stage of the development of criminal procedure is the use of videoconferencing in pre-trial criminal proceedings. The interest in this topic is caused both by the lack of legal regulation and ongoing discussions in the scientific community, as well as by the emerging and challenging situation with regard to the threat of coronavirus infection. In the context of the pandemic, the Court has acquired the right to conduct all criminal proceedings using videoconferencing systems, and investigators and interrogators are prevented from using remote technologies even during such an investigative action as an interrogation. This problem requires research and resolution by both scientists and legislators. **Purpose:** to analyze and develop scientific and legal foundations for the use of videoconferencing in pre-trial criminal proceedings. **Methods:** the author uses empirical methods of comparison, description, interpretation as well as theoretical methods of formal and dialectical logic. **Results:** the study makes it possible to trace the gradual increase in the use of videoconferencing in criminal proceedings, to analyze the advantages and disadvantages of the introduction of remote technologies at the preliminary investigation stage, to identify gaps in the legal regulation of this issue in criminal proceedings, to propose a solution to the problem taking into account the emerging judicial practice, and the legislation of a number of foreign countries. **Keywords:** videoconferencing; pre-trial proceedings; criminal case; trial; investigative and other procedural actions; interrogation and confrontation.

References

1. Golovanova N.A., Gravina A.A., Zajcev O.A. *Ugolovno-yurisdikcionnaya deyatel'nost' v usloviyah cifrovizacii* [Criminal jurisdictional activity in the context of digitalization]. Moscow, IZiSP Publ., KONTRAKT Publ., 2019. 212 p.
2. SHeremet'ev I.I. The use of digital technologies in court criminal cases: reality and prospects. *Lex Russica*, 2019, no. 5, pp. 117–131. (In Russian).
3. Kachalov V.I., Kachalova O.V. On the use of videoconferencing in criminal proceedings. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*, 2017, no. 12, pp. 34–38. (In Russian).

4. ZHeltuhin E. Videoconferencing: a time requirement or a reason for abuse? *Sudebno-yuridicheskaya gazeta = Judicial-legal Newspaper*, 2012, August 20. Available at: <http://sud.ua/newspaper/2012/08/20/41817-videokonferentssvyaz>. (In Russian).

5. ZHeltobryuhov S.P. On the need to provide the preliminary investigation body with the possibility of using videoconferencing at the stage of pre-trial proceedings. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2016, no. 1, pp. 62–64. (In Russian).

6. Pashutina O.S., Alymov D.V. Face-to-face confrontation: problematic aspects of criminal procedure regulation. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 6, pp. 13–16. (In Russian).

7. Aleksandrov A.I. Preliminary investigation in the criminal procedure of Russia: between the past and the future. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2018, no. 3, pp. 30–35. (In Russian).

8. Dmitrieva A.A. Security measures applied in relation to participants in the process at the stage of preliminary criminal investigation. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 1, pp. 3–6. (In Russian).

9. Novikov S.A. Interrogation using videoconferencing systems: tomorrow of the Russian preliminary investigation. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2014, no. 1, pp. 2–6. (In Russian).

10. Antonovich E.K. The use of digital technologies in the interrogation of witnesses at the pre-trial stages of criminal proceedings (comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the legislation of some foreign states). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 125–136. (In Russian).

11. Karimov R.R., Karimova G.Yu. Institutional aspects of witness protection in the United States of America. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 1 (59), pp. 162–167. (In Russian).

12. Volevodz A.G. Legal framework for mutual legal assistance in criminal cases using videoconferencing. *Voenno-yuridicheskij vestnik Privolzhskogo regiona* [Military Legal Bulletin of the Volga Region]. Samara, 2003, iss. 1, pp. 70–96. Available at: <http://www.mgimo.ru/files/114971/114971.pdf>. (In Russian).

13. Kolokolov N.A. Directive, communicative and technological aspects of criminal proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4, pp. 118–120. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/direktivnyy-kommunikativnyy-i-tehnologicheskij-aspekty-ugolovnogo-sudoproizvodstva/viewer>. (In Russian).

Received: 15.11.2020

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**GENERAL-PURPOSE AND HISTORICAL PROBLEMS
OF THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE**

УДК 340

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.26

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМЫ ПОЛИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

КАРИМОВА Гузель Юрисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: guzel-karimova-80@mail.ru;

АСЕЕВ Игорь Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия.

E-mail: aseev60@mail.ru;

КАРИМОВ Рим Римович

кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия

E-mail: karimov_rim@mail.ru

В последние годы своего существования в Российской империи проводился ряд реформ, одной из которых была реформа полиции. В статье рассматриваются основные положения проекта закона Российской империи «О преобразовании полиции в Империи», например, распределение всех местностей по разрядам, определение перечня городов, в которых имелись сыскные отделения, улучшение материального состояния поли-

цейских чинов и др. Особое внимание уделено ходу обсуждения данного законопроекта в Государственной Думе, возникающим проблемам и путям их реализации. Основной **целью** является раскрытие сути реформы полиции, обстановки, в которой она проходила. При подготовке статьи авторы использовали сравнительно-правовой и исторический **методы**. В **результате** исследования авторы пришли к следующим выводам: реформа была крайне важна, проходила в сложной политической обстановке, сам проект реформы в случае ее одобрения позволил бы значительно улучшить состояние полиции, особенно на местном уровне.

Ключевые слова: городская и уездная полиция; Российская империя; корпус жандармов; уездная полицейская стража; реформа.

Реформа полиции, как и других государственных органов, проводилась в Российской империи начиная со второй половины XIX в. Сфера деятельности государства расширялась как в России, так и в Европе в течение всего XIX в. и потребовала более многочисленного и более профессионального аппарата управления, особенно после 1861 г., когда правительство больше не могло полагаться на помещиков, чтобы контролировать крестьянство [1]. Однако после убийства императора Александра II реформы сменили либеральный характер, а многие вообще прекратились.

Необходимость реформы полиции была продиктована изменившейся после отмены крепостного права социальной и экономической обстановкой в Империи. Между 1861 г. и революцией 1905 г. Россия переживала значительные экономические изменения. Началась постепенная эмансипация крепостных после реформ, направленных на улучшение гражданских прав сельского населения. Проводилась земельная реформа, расширялась железнодорожная сеть, произошел значительный рост промышленности и приток сельского населения в города. Социальные изменения в результате промышленного роста в России были слишком внезапными. Городской рабочий класс более чем удвоился в 1865–1890 гг. Так, к 1900 г. рабочих было уже более 2 млн. Безработица, нищета, плохие социально-бытовые условия обусловили рост преступности и недовольства в крупных городах [2].

Продолжились реформы уже в начале XX в. В 1911 г. Особой межведомственной комиссией под председательством бывшего товарища министра внутренних дел, сенатора А.А. Макарова был подготовлен законопроект «О преобразовании полиции в Империи», включавший в себя проект «Учреждения полиции» и проект «Устава полицейского». В конце 1913 г. законопроект был направлен для обсуждения в специально обра-

зованную комиссию во главе с депутатом Н.А. Хомяковым, но рассмотреть все намеченные вопросы не удалось по причине вступления России в войну.

В законопроекте «О преобразовании полиции в Империи» говорилось о недостатках в деятельности полицейских органов. Так, обращалось внимание «на отсутствие должного единства в полицейском устройстве, на сложность его, разнообразие отдельных видов полиции и проистекающее от этого многоначалие. На отсутствие должной планомерности в распределении между служащими возлагаемых на них полицейских обязанностей. На отсутствие служебного ценза и надлежащей устойчивости в служебном положении чинов полиции. На малочисленность состава чинов полиции и несоответствие его количеству и плотности населения. На материальную необеспеченность чинов полиции. На обремененность их как прямыми обязанностями, так и обязанностями, не соответствующими прямому назначению полиции. На отсутствие общего полицейского устава, объединяющего сложные и многообразные обязанности чинов полиции» [3] (см. табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Расписания должностей и окладов содержания чинов городской полиции по четырем разрядам

Должности	Одному в год				Классы и разряды	
	жалованья	столовых	квартирных	всего	по должности	по пенсии
1	2	3	4	5	6	7
В городах 1-го разряда						
Полицмейстер	2000	2000	1000	5000	VI	III
Помощник полицмейстера	1400	1400	700	3500	VII	V
Городской или участковый пристав	1120	1120	560	2800	VIII	VI
Помощник пристава	920	920	460	2300	IX	VI

1	2	3	4	5	6	7
Полицейский надзиратель	480	480	240	1200	X	VII
Смотритель арестного помещения	600	600	нат.	1200	X	VII
Городовой конный	480	—	120	600		
— пеший	440		110	550		
Полицейский служащий — рассыльный	400 350	—	нат.	400 350		
Полицейский резерв						
Начальник резерва	1120	1120	560	2800	VIII	VI
Офицер резерва	480	480	240	1.200	X	VII
Сыскное отделение						
Начальник отделения	1400	1400	700	3500	VII	V
Помощник начальника отделения	1120	1120	560	2800	VIII	VI
Письмоводитель	400	400	200	1000	IX	VII
Чиновник, заведующий регистрацией преступников и перепиской по розыскам и наблюдению	400	400	200	1000	X	VII
Фотограф (он же помощник регистратора преступников)	400	400	200	1000	XII	IX

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Надзиратель 1-го разряда	540	540	270	1350	X	VII
Надзиратель 2-го разряда	280	280	140	700	XIV	IX
Переводчик	160	160	80	400	XII	IX
<i>Канцелярские чины</i>						
Секретарь	1000	1000	500	2500	VIII	V
Помощник секретаря	600	600	300	1500	IX	VII
Столоначальник	480	480	240	1200	X	VIII
Помощник столоначальника	320	320	160	800	XII	IX
Бухгалтер (казначей)	400	400	200	1.000	X	VII
Регистратор (журналист)	320	320	160	800	X	VIII
Архивариус	320	320	160	800	X	VIII
Письмоводитель городского или участкового пристава	360	360	180	900	XII	IX
Заведующий адресным столом	400	400	200	1000	XII	IX
<i>В городах 2-го разряда</i>						
Полицмейстер	1680	1680	840	4200	VI	III
Помощник полицмейстера	1120	1120	560	2800	VII	V
Городской или участковый пристав	960	960	480	2400	VIII	VI
Помощник пристава	720	720	360	1800	IX	VI

1	2	3	4	5	6	7
Полицейский надзиратель	400	400	200	1000	X	VII
Смотритель арестного помещения	475	475	нат.	950	X	VII
Городовой конный	440	–	110	550		
– пеший	400		100	500		
Полицейский служитель	350	–	нат.	350		
– рассыльный	300			300		
Полицейский резерв						
Начальник резерва	960	960	480	2400	VIII	VI
Офицер резерва	400	400	200	1000	X	VII
Сыскное отделение						
Начальник отделения	1120	1120	560	2.800	VIII	VI
Помощник начальника отделения	960	960	480	2.400	IX	VII
Письмоводитель	360	360	180	900	IX	VII
Чиновник, заведующий регистрацией преступников и перепиской по розыскам и наблюдению	360	360	180	900	X	VII
Фотограф (он же помощник регистратора преступников)	360	360	180	900	XII	IX

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Надзиратель 1-го разряда	460	460	230	1.150	X	VII
Надзиратель 2-го разряда	240	240	120	600	XIV	IX
Переводчик	160	160	80	400	XII	IX
<i>Канцелярские чины</i>						
Секретарь	720	720	360	1800	VIII	V
Столоначальник	420	420	210	1050	X	VIII
Помощник столоначальника	280	280	140	700	XII	IX
Бухгалтер (казначей)	360	360	180	900	X	VII
Регистратор (журналист)	280	280	140	700	X	VIII
Архивариус	280	280	140	700	X	VIII
Письмоводитель городского или участкового пристава	280	280	140	700	XII	IX
Заведующий адресным столом	360	360	180	900	XII	IX
<i>В городах 3-го разряда</i>						
Полицмейстер	1400	1400	700	3500	VI	III
Помощник полицмейстера	1000	1000	500	2500	VII	V
Городской или участковый пристав	840	840	420	2100	VIII	VI
Помощник пристава	600	600	300	1500	IX	VI
Полицейский надзиратель	360	360	180	900	X	VII

1	2	3	4	5	6	7	
Смотритель арестного помещения	425	425	нат.	850	X	VII	
Городовой конный	400	—	100	500			
— пеший							
Полицейский служитель							
— рассыльный							
Сыскное отделение							
Начальник отделения	1000	1000	500	2500	VIII	VI	
Помощник начальника отделения	840	840	420	2100	IX	VII	
Письмоводитель	320	320	160	800	IX	VII	
Чиновник, заведующий регистрацией преступников и перепиской по розыскам и наблюдениям	320	320	160	800	X	VII	
Фотограф (он же помощник регистратора преступников)	320	320	160	800	XII	IX	
Надзиратель	1-го разряда	420	420	210	1.050	X	VII
	2-го	220	220	110	550	XIV	IX
Переводчик	160	160	80	400	XII	IX	
Канцелярские чины							
Секретарь	600	600	300	1500	VIII	V	
Столоначальник	380	380	190	950	X	VIII	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Бухгалтер (казначей)	320	320	160	800	X	VII
Регистратор (журналист)	260	260	130	650	X	VIII
Письмоводитель городского или участкового пристава	260	260	130	650	XII	IX
<i>В городах 4-го разряда</i>						
Полицмейстер	1200	1200	600	3000	VI	III
Помощник полицмейстера	880	880	440	2200	VII	V
Городской или участковый пристав	720	720	360	1800	VIII	VI
Помощник пристава	480	480	240	1.200	IX	VI
Полицейский надзиратель	320	320	160	800	X	VII
Смотритель арестного помещения	400	400	нат.	800	X	VII
Городовой	конный	360	—	90	450	
	пеший	320	—	80	400	
Полицейский	служащий	250	—	нат.	250	
	рассылный	220	—	нат.	220	
<i>Канцелярские чины</i>						
Секретарь	480	480	240	1.200	VIII	V
Столоначальник	340	340	170	850	X	VIII
Регистратор (журналист)	240	240	120	600	X	VIII

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Письмоводитель городского или участкового пристава	240	240	120	600	XII	IX

Таблица 2

**Расписание норм численного состава
полицейских служителей и рассыльных**

Разряды городов	Полицейских служителей при канцелярии		Полицейских рассыльных при канцелярии	
	полицмейстера	городского или участкового пристава	полицмейстера	городского или участкового пристава
1-го	по 6	по 3	по 4	по 3
2-го	4	2	3	2
3-го	3	2	2	1
4-го	2	1	1	1

Таблица 3

**Расписания должностей и окладов содержания
чинов уездной полиции**

Должности	Одному в год				Классы и разряды	
	жалованья	столовых	квартирных	всего	по должности	по пенсии
1	2	3	4	5	6	7
В уездах 1-го разряда						
Уездный исправник	1600	1600	800	4000	VI	III

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
Помощник уездного исправника	1200	1200	600	3000	VII	V
Становой пристав	960	960	480	2400	VIII	VI
Помощник станового пристава	640	640	320	1600	IX	VI
<i>Уездная полицейская стража</i>						
Урядник	700	–	100	800		
Старший стражник	550	–	60	610		
Стражник	490	–	60	550		
<i>Канцелярские чины</i>						
Секретарь	600	600	300	1500	IX	VII
Столоначальник	480	480	240	1200	X	VIII
Регистратор	320	320	160	800	XII	IX
Бухгалтер	400	400	200	1000	X	VIII
<i>В уездах 2-го разряда</i>						
Уездный исправник	1440	1440	720	3600	VI	III
Помощник уездного исправника	1000	1000	500	2500	VII	V
Становой пристав	850	850	440	2200	VIII	VI
Помощник станового пристава	600	600	300	150	IX	VI
<i>Уездная полицейская стража</i>						
Урядник	650	–	100	750		

1	2	3	4	5	6	7
Старший стражник	510	—	60	570		
Стражник	450	—	60	510		
<i>Канцелярские чины</i>						
Секретарь	560	560	280	1400	IX	VII
Столоначальник	400	400	200	1000	X	VIII
Бухгалтер	360	360	180	900	X	VIII
Регистратор	280	280	140	700	XII	IX
<i>В уездах 3-го разряда</i>						
Уездный исправник	1360	1360	680	3400	VI	III
Помощник уездного исправника	960	960	480	2400	VII	V
Становой пристав	840	840	420	2100	VIII	VI
Помощник станового пристава	560	560	280	1400	IX	VI
<i>Уездная полицейская стража</i>						
Урядник	600	—	100	700		
Старший стражник	470	—	60	530		
Стражник	410	—	60	470		
<i>Канцелярские чины</i>						
Секретарь	520	520	260	1300	IX	VII
Столоначальник	360	360	180	900	X	VIII
Регистратор	240	240	120	600	XII	IX
<i>В уездах 4-го разряда</i>						
Уездный исправник	1280	1280	640	3200	VI	III

1	2	3	4	5	6	7
Помощник уездного исправника	920	920	460	2300	VII	V
Становой пристав	800	800	400	2000	VIII	VI
Помощник станowego пристава	480	480	240	1200	IX	VI
<i>Уездная полицейская стража</i>						
Урядник	550	–	100	650		
Старший стражник	430	–	60	490		
Стражник	370	–	60	430		
<i>Канцелярские чины</i>						
Секретарь	480	480	240	1200	IX	VII
Столоначальник	340	340	170	850	X	VIII
Регистратор	220	220	110	550	XII	IX

Было намечено три направления преобразований. Во-первых, предполагалось реорганизовать полицию, изменить условия полицейской службы, в частности порядок назначения, перемещения, дисциплинарной ответственности и увольнения полицейских чинов, улучшить их материальное обеспечение. Во-вторых, точно определить права и обязанности чинов полиции, а также порядок их служебной деятельности в различных областях государственной и общественной жизни. В-третьих, ввести в действующие законы только те обязанности, которые обеспечат всем и каждому безопасность, общественный порядок и пресекут преступные деяния [4].

Следующим шагом по реализации данного законопроекта стало создание Государственной Думой особой комиссии, которая рассмотрела проект «Учреждения полиции» и начала рассматривать проект «Устава полицейского». К сожалению, данная работа была прервана в связи с началом Первой мировой войны.

Вместе с тем военные события потребовали ускоренного рассмотрения внесенного законопроекта об общем преобразовании полиции Российской империи. Осуществление реформы полиции в том объеме, в ка-

ком она намечалась проектом, было неразрывно связано с учреждением в составе почти всех ведомств новых исполнительных органов, на которые должны были быть переложены не соответствующие полиции обязанности, не отвечавшие прямому ее назначению [5, с. 7]. Проект предусматривал учреждение вневедомственных органов в лице податных сборщиков, а также городских и уездных рассыльных, к которым должны были перейти наиболее обременительные и не характерные для полиции обязанности по взысканию разного рода сборов и вручению всевозможных бумаг и документов. Данная работа, безусловно, требовала не только профессионализма, но и достаточно длительного времени.

Несмотря на сложность поставленных задач и сложившиеся неблагоприятные обстоятельства, предполагалось до введения в действие общего преобразования полиции принять первостепенные меры хотя бы к приблизительному доведению численного состава полиции до норм, устанавливаемых проектом и одобренных комиссией Государственной Думы, а также повысить чинам полиции оклады содержания, «на какие они могли бы существовать при все возрастающей дороговизне на все предметы первой необходимости» [6]. Кроме этого, предполагалось отказаться от действующей системы закрепления всех полицейских должностей определенными штатами и установить, чтобы численность полиции определялась по известным нормам соотношения с количеством населения. Подчеркивалась необходимость повысить оклады содержания чинов полиции.

Таким образом, предлагалось увеличить численный состав чинов полиции и размеры получаемого ими содержания. Министерство внутренних дел Российской империи, с одной стороны, в целях возможного сбережения средств государственного казначейства, с другой стороны, чтобы ускорить проведение настоящего законопроекта, решило при исчислении количества чинов как городских, так и уездных полиций не требовать с мест доставления новых требований о числе жителей каждого города и уезда, а исходить из того количества населения, которое было принято во внимание при разработке законопроекта, а оклады содержания чинам определить в тех размерах, в каких они определены комиссией Государственной Думы, несмотря на то обстоятельство, что размеры эти были установлены до войны.

Намечалось количество урядников устанавливать по необходимости по действительному в текущем году числу волостей. В Москве и Петербурге увеличить число как классных, так и нижних чинов полиции ввиду значительного увеличения населения в них и роста преступности.

Вместе с тем предлагалось действующие штаты столичных полиций оставить по численности прежними. Оклады содержания полиции предлагалось повysить в столицах, где дороговизна жизни особенно высока, цены на квартиры огромны, что особенно важно для высших полицейских чиновников, которым необходимо жить в пределах своих участков, в том числе и центральных, то есть наиболее дорогих районах города [7]. Во всех остальных местностях оклады содержания намечались в полном соответствии с нормами, принятыми комиссией Государственной Думы, по четырем разрядам.

Согласно проекту о преобразовании полиции все местности распределялись по разрядам, вне разрядов стояли Москва, Петербург, Архангельск и Ялта. Таким образом, к первому разряду были отнесены 9 городов и 12 уездов, ко второму – 14 городов и 26 уездов, к третьему – 64 города и 104 уезда. Предполагалось при распределении по разрядам уездов принять положение, что разряд уезда не может быть ниже разряда уездного города, так как в последнем обязаны проживать не только чины городской полиции, но и высшие чины уездной полиции. Выделение Архангельска и Ялты объяснялось их особым значением и тем, что штаты полиции в них не вполне соответствовали нормам, устанавливаемым для городов первого разряда. В частности, в Архангельске число канцелярских чинов соответствовало нормам, установленным для городов второго разряда. Штат полиции Ялтинского градоначальства был утвержден 18 июня 1914 г. и поэтому оснований к изменению его Министерством внутренних дел не было предусмотрено [8].

Кроме этого, был дополнен перечень городов, в которых имелись сыскные отделения, в частности в него были включены Екатеринбург, Гомель, Елец, Рыбинск, Сызрань, Царицын и Челябинск. Эти меры отвечали действительной потребности иметь в этих городах специальную сыскную полицию и соответствовали пожеланиям комиссии Государственной Думы о том, чтобы число намеченных законопроектом сыскных отделений было увеличено, чтобы вообще сыскное дело было поставлено на надлежащую высоту. Для достижения данной цели предполагалось не жалеть средств.

Вместе с тем в представлении Уфимского губернатора от 5 января 1916 г. министру внутренних дел Российской империи говорилось, что согласно ст. 188 Устава о содержащихся под стражей содержащиеся при полиции арестанты должны быть наблюдаемы штатными сторожами этих мест или вольнонаемными из нижних чинов.

Законом об Уфимской городской полиции¹ штатные сторожа для охраны полицейских арестантских при Уфимском городском полицейском управлении и при управлениях участков не были установлены, поэтому арестантские помещения при названных учреждениях обслуживались городовыми, поскольку наем особых сторожей не был возможен за отсутствием средств, так как отпускаемого полицейскому управлению канцелярского кредита вследствие удорожания труда писцов, канцелярских принадлежностей и типографских работ хватало только на удовлетворение самых ограниченных потребностей.

Таким образом, отвлечение городских от их прямых обязанностей вредно отражалось на охране города, тем более что наличный состав городских Уфы не соответствовал количеству населения. Предполагалось увеличить состав Уфимской городской полиции на шесть должностей штатных сторожей для охраны арестантских помещений [9].

В сообщении Департаменту полиции указывались сведения о числе арестованных, содержащихся за последние три года при арестантских помещениях Уфимского городского полицейского управления, с подразделением арестованных по категориям: подследственные, пересыльные, по судебным приговорам, административно наказанные, до вытрезвления. Всего 16 662 арестованных. Далее сообщалось, что арестные помещения при названных управлениях устроены в домах, отведенных городом для участковых управлений, и особых средств на содержание их не отпускается, охрана и обслуживание этих помещений осуществляются исключительно городовыми, также имеется арестный дом для арестованных по приговорам городских судей и земских начальников, который содержится на средства местного уездного земства [10]. В подтверждение необходимости удовлетворения своего ходатайства уфимский губернатор обратил внимание на то, что отвлечение городских от прямых их обязанностей вредно отражается на охране города, тем более что наличный состав городских Уфы не соответствует количеству имеющегося населения. Наем особых сторожей невозможен за отсутствием средств, так как отпускаемого Уфимскому полицейскому управлению канцелярского кредита не хватает.

Осенью 1916 г. в составе Уфимского городского полицейского управления были учреждены шесть должностей штатных сторожей для охраны арестантских помещений с окладом в 240 руб. в год [11].

Министерство внутренних дел признавало необходимым улучшить во время Первой мировой войны материальное положение чинов уездной полицейской стражи и ходатайствовало через Совет Министров об отпуске

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1909. № 136.

соответствующей суммы на выдачу в текущем году пособий упомянутым чинам за первое полугодие текущего 1916 г. в размере 74 309 руб. Офицеры стражи получали до 30 % содержания (жалование и столовые); нижние чины (урядники и стражники) – до 40 % (без квартирных, фуражных и иного дополнительного довольствия), причем процентное отношение пособия к окладам жалования было одинаково для всех нижних чинов стражи [1].

Пособие начислялось с 1 января текущего года, а для лиц, поступивших на службу после 1 января, – с первого числа месяца, в течение которого они поступили на службу. Пособие выдавалось всем состоящим на службе чинам стражи, проживающим как в городе, так и в селениях, но при выдаче пособий первым из них надлежало разъяснить, что в пособие входят и те процентные прибавки, касающиеся «вздорожания» жизни, которые были установлены законом от 11 мая 1916 г. Чинам стражи, проживающим в городах и уже получающим прибавки к содержанию по закону от 11 мая 1916 г., пособие должно было назначаться в размере разницы между означенной прибавкой и размером пособия, выдаваемого таким же чинам в селениях.

Вместе с тем чины стражи, которые состояли в текущем году на службе, но службу оставили, право на получение пособия не имели. Прикомандированных в другие губернии или к другим учреждениям чинов, если они не получали по месту прикомандирования военных порционных или суточных денег на основании каких-либо особых узаконений или распоряжений, надлежало направить для получения пособия по принадлежности к тем учреждениям, в которых они получали содержание. Если отпущенная сумма превышала размер, необходимый для выдачи пособий чинам стражи, то получившийся остаток не мог расходоваться до получения от Департамента полиции соответствующих указаний [12].

Комиссия Государственной Думы установила ценз, который давал право на занятие полицейских должностей, с целью улучшения состава полиции, учитывая, что в период войны и после ее окончания будет не просто пополнить ряды полиции лицами, удовлетворяющими строгим цензовым условиям. Согласно проекту о преобразовании полиции поступлению на полицейские должности должно было предшествовать испытание по программам, утверждаемым министром внутренних дел, но ввиду отсутствия указанных программ данное положение не было внесено в настоящий законопроект.

С целью пополнения полицейской канцелярии чиновниками Министерство внутренних дел предполагало допустить к занятию должностей уездных исправников, полицмейстеров и приставов. Предполагалось

принимать на службу не только лиц мужского, но и женского пола, с образованием не ниже среднего, но не допускать их на должности заведующих регистрацией преступников, поскольку лица, занимающие эти должности, непосредственно соприкасаются с преступным элементом.

Положение о том, что расходы на полицию финансируются за счет казны, не было включено в настоящий законопроект по «соображениям финансового характера» [13]. Было только указано, что на города не возлагается никаких новых расходов, связанных с увеличением числа чинов городских полиций и с увеличением им окладов содержания.

Начальным сроком вступления в действие законопроекта должен был быть первый год после окончания войны. До этого времени полицейские чины должны были приниматься на службу на прежних основаниях. На осуществление реформы предполагалось потратить 92 млн руб. Реформа касалась только полиции европейской части России [14].

26 сентября 1916 г. Положение «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов» было внесено в Государственную Думу. 23 декабря 1916 г. за № 137160 Совет Министров обсудил данное представление, одобрил его, но в то же время признал соответственным отпустить ныне необходимые Министерству внутренних дел средства лишь на 1916 г. [15].

30 октября 1916 г. Николай II утвердил Положение «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов»¹. Этой частичной реформой устанавливался численный полицейский состав в соответствии с численностью населения, повышались оклады содержания, вводился образовательный ценз [16]. Однако эта мера была безнадежно запоздавшей.

В целом работа над реформой проходила сложно, в частности по таким вопросам, как установление новых кадров полиции в зависимости от количества населения, наличие фабрик и заводов и других местных условий, поскольку на местах запрашивали больше должностей, чем полагалось по норме. Вследствие этого поступали жалобы, возникали пререкания. Во всем этом приходилось разбираться, на что уходило много времени. Внимание правительства к усилению полиции было обусловлено сложными внутренними условиями и в первую очередь усилившимся революционным движением, поэтому кроме разрастания штатов полицейских управлений и увеличения бюджетного финансирования, которые могли быстро усилить надежность полиции, реформа не продолжилась.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1916. № 307, ст. 2426.

Таким образом, нестабильная политическая ситуация в начале XX в. не позволила довести начатые проекты по реорганизации полиции до конца. Работа по совершенствованию и согласованию проекта полицейской реформы затянулась на годы. В конечном счете Государственная Дума не утвердила проект реформы. В условиях новой революционной ситуации и начавшейся войны власть не смогла и не захотела проводить реформирование полиции. Работа комиссии А.А. Макарова свелась не столько к поискам более современных способов и форм организации полицейской службы, сколько к борьбе различных группировок внутри полицейского аппарата. Значимый для государства проект сенатора А.А. Макарова «О преобразовании полиции в Империи» практически не был реализован.

Библиографический список

1. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 38–4.
2. Taranovski T. Constitutionalism and Political Culture in Imperial Russia (Late 19th–Early 20th Century) // BRICS Law Journal. 2019. № 6 (3). С. 22–48.
3. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 66–1.
4. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 66–1 об.
5. Асеев И.А., Масалимов А.С. К вопросу о реорганизации полиции Российской империи после революции 1905–1907 годов // Вестник ВЭГУ. 2014. № 4 (72). С. 5–9.
6. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 66–2.
7. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 66–2 об.
8. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 66–3.
9. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 12–1; 1 об.
10. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 12–4; 4 об.
11. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 12–7.
12. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 38–5.
13. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 66–4.
14. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 66–34.
15. ГА РФ. Ф. 102. Д. 2, 1916. Л. 66–445.
16. Вестник полиции. 1916. № 41–42.

Дата поступления: 15.10.2020

**SOME ASPECTS OF THE POLICE REFORM IN THE RUSSIAN
EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

KARIMOVA Guzel Yurisovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Financial and Environmental Law, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: guzel-karimova-80@mail.ru

ASEEV Igor Anatolevich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of History and Theory of State and Law, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia.

E-mail: aseev60@mail.ru

KARIMOV Rim Rimovich

Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of History and Theory of State and Law, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

E-mail: karimov_rim@mail.ru

During the last years of its existence, in the Russian Empire a number of reforms was carried out, one of which was a police reform. The article discusses the main provisions of the draft law of the Russian Empire «On the transformation of the police in the Empire». The specific provisions of this project are separately studied, for example, the distribution of all localities by rank, determining the list of towns in which there were detective offices, improving the material status of police officers, etc. Particular attention is paid to the discussion of this bill in the State Duma, the problems encountered and ways to settle them. The main **purpose** of the article is to reveal the essence of the police reform in the context in which it took place. The authors use comparative legal and historical **methods**. As a **result** of the study, the authors come to the following conclusions: the reform was extremely important, it took place in a difficult political situation, if the draft law had been approved, it would have significantly improved the state of the police, especially at the local level.

Keywords: city and county police; Russian Empire; gendarme corps; county police guard; reform.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 38–4.
2. Taranovski T. Constitutionalism and Political Culture in Imperial Russia (Late 19th–Early 20th Century). *BRICS Law Journal*, 2019, no. 6 (3), pp. 22–48.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 66–1.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 66–1 об.
5. Aseev I.A., Masalimov A.S. On the issue of the reorganization of the police of the Russian Empire after the revolution of 1905–1907. *Vestnik VEGU* = *VEGU Bulletin*, 2014, no. 4 (72), pp. 5–9. (In Russian).
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 66–2.
7. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 66–2 об.
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 66–3.
9. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 12–1; 1 об.
10. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 12–4; 4 об.
11. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 12–7.
12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 38–5.
13. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 66–4.
14. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 66–34.
15. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State Archives of the Russian Federation, f. 102, d. 2, 1916, s. 66–445.
16. *Vestnik policii* = *Police Bulletin*, 1916, no. 41–42. (In Russian).

Received: 15.10.2020

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ И ВЛАСТНЫХ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МУРАТШИН Фларит Рашитович

доктор юридических наук, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета, судья Конституционного Суда Республики Башкортостан в отставке, г. Уфа, Россия.

E-mail: Flaritmurat@yandex.ru

В статье раскрыто содержание терминов «легальность», «легитимность» и «легитимация», проанализированы правовые и неправовые формы легитимации государственной власти и законодательства, выявлены негативные последствия недостаточной легитимности при принятии законов и иных нормативных правовых актов, при формировании отдельных институтов государственной власти, обозначены и исследованы проблемы легитимации российского конституционного законодательства, при этом особое внимание уделено вопросам усиления легитимности действующих конституций и уставов субъектов Российской Федерации. **Цель:** анализ легитимации государственной власти в ее правовой форме с точки зрения ее сущности и конкретных проявлений в современных условиях государственной и общественной жизни. **Методы:** теоретические методы формальной и диалектической логики, метод сравнения, аксиологическая (ценностная) методология, раскрывающая мотивационную составляющую правовой легитимации государственной власти. **Результаты:** в современных условиях государственная власть особенно нуждается в легитимации. Для обеспечения поддержки властных решений со стороны населения необходима открытость власти и серьезная разъяснительная работа, что в полной мере касается и законотворчества, и в первую очередь совершенствования конституционного законодательства, стоящего на защите прав, свобод и интересов граждан.

Ключевые слова: легитимность; легитимация; легальность; законодательство; конституционное законодательство; субъекты Российской Федерации; референдум; органы конституционной юстиции; конституционный контроль; совершенствование законодательства; законотворчество.

В последнее время учеными, политиками и журналистами на телевидении и радио, в Интернете и других средствах массовой информации к месту и не к месту стали использоваться слова «легальность», «легитимность» и «легитимация». Употребляя термин «легитимность» применительно к тому или иному правовому документу или государственному институту, авторы хотят подчеркнуть их законный характер, соответствующий требованиям конституционных норм, общепризнанным принципам и нормам международного права, а зачастую и установившимся в обществе нравственным и этическим нормам, интересам и потребностям населения. И наоборот, говоря о нелегитимности, пытаются продемонстрировать юридическую и социальную ущербность таких правовых актов и властных структур, их неправомерной, противоречащей интересам граждан характер, что ведет к нарушению прав и свобод гражданина и человека. При недостаточной легитимности подчеркивается потребность ее усиления, то есть необходимость дальнейшей легитимации.

Термин «легитимность» произошел от латинского *legitimus*, то есть «соотносимый с законом, законный, правомерный» [1, с. 305]. Чаще всего в юридической, политологической и социологической литературе он используется для обозначения единения граждан с государством, согласия народа с властью, общенародного признания за властью права принимать обязательные для населения решения. Причем чем выше уровень легитимности власти, тем выше ее авторитет в глазах населения и, как следствие, выше уровень одобрения гражданами властных решений, которые добровольно, без какого-либо принуждения исполняют эти решения. А чем ниже степень легитимности, тем чаще государство отходит от демократических методов управления, вынуждено прибегать к использованию мер принуждения к гражданам для обеспечения реализации своих решений.

Понятие «легитимность» в указанном смысле в научный оборот впервые было введено видным немецким социологом М. Вебером. Он, в частности, отмечал, что важнейшим принципом легитимности является доверительное отношение людей к власти, вера в ее способность решать жизненные задачи. В то же время ученый признавал, что если власть будет опираться лишь на страх и силу, то ни о какой легитимности не может быть и речи [2; с. 212].

Таким образом, легитимность – серьезное требование к любой государственной власти для обеспечения признания и поддержки ее населением, важное условие исполнения гражданами принятых органами государственной власти решений. Утратив легитимность, государство не

только теряет свой авторитет, в таком государстве существенно снижается эффективность управления, происходит отказ от демократических принципов, страдает режим законности, усиливаются репрессивные механизмы.

Легитимность следует отличать от «легальности». Тот же М. Вебер указывал, что легальность – это соблюдение неких процедурных правил, касающихся формирования и исполнения собственных решений со стороны государства как структуры неличностной власти. Он утверждал, что приказы и директивы являются строго формальными и не имеют какой-либо внутренней правильности, не могут быть оценены внешним субъектом [2, с. 237].

Тем самым легальность, в отличие от легитимности, чисто юридическое понятие, обозначающее формальное соответствие властных структур в плане их формирования и деятельности требованиям существующих правовых норм. Легальность власти не поддается оценке с позиций справедливости и нравственности. Между легальностью и легитимностью возможны нестыковки. Не исключены ситуации, когда властные структуры и принимаемые ими решения вполне легальны, но с точки зрения легитимности далеко не безупречны.

Практика показывает, что государство, прежде всего в лице его властных структур, нуждается в обеспечении своей легитимности, то есть в легитимации. Причем легитимация не единовременный акт, а, скорее, постоянный процесс поддержания качества власти, придания государственной власти особой ценности для граждан, выработки в общественном сознании идеи потребности в государстве, правильности принимаемых политических и правовых решений.

Современная российская власть и принимаемые ею решения также нуждаются в легитимации, особенно если это касается наиболее важных властных решений, которые могут вызвать неоднозначную реакцию в обществе, по-разному интерпретироваться различными политическими силами. В этих случаях властные структуры всячески стремятся «заручиться поддержкой» населения и политических сил, получить у них одобрение, используя при этом как чисто легальные, так и иные, в том числе не прописанные законодательно, следовательно, юридически не обязательные, приемы. Неслучайно ученые, занимающиеся проблемами легитимации, выделяют правовые и неправовые ее способы [3].

Наглядным примером усиления легитимации принимаемого властного решения может служить проведенное с 25 июня по 1 июля 2020 г. по инициативе Президента РФ общероссийское голосование по вопросу

внесения изменений в Конституцию РФ. Организация такой процедуры законодательством не предусматривалась. Согласно ст. 136, входящей в гл. 9 «Конституционные поправки и пересмотр Конституции» Конституции РФ, поправки к гл. 3–8 Основного закона вносятся в том же порядке, который предусмотрен для принятия федерального конституционного закона. Вступают в силу они только после одобрения законодательными органами региональной власти не менее чем двух третей субъектов Федерации.

Таким образом, после всех необходимых, предусмотренных конституционными нормами процедур по принятию поправок в Конституцию РФ, было проведено еще и общенародное голосование или, как его обычно называют, «плебисцит», который по своему замыслу близок к референдуму, но под действие Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» не подпадает. В этой связи данное голосование проводилось по правилам, установленным Центральной избирательной комиссией.

По мнению Председателя Центризбиркома Э.А. Памфиловой, поправки в Конституцию и без проведения плебисцита были легитимны, поскольку приняты легитимно сформированным российским парламентом и одобрены двумя третями легитимно образованных законодательных органов власти российских регионов. Поэтому, по словам главы ЦИК, с большим уважением нужно отнестись к воле Президента России услышать еще и мнение народа. Э.А. Памфилова также признала легитимность и самого процесса организации голосования [4].

Как усиливающий легитимацию принимаемого властного решения можно оценить и направленный Президентом РФ в Конституционный Суд РФ запрос от 14 марта 2020 г. о соответствии Конституции России не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции страны. В запросе, в частности, содержалась просьба разрешить вопросы о конституционности так называемого «обнуления» сроков действующего президента, о конституционности проведения всенародного голосования по поправкам к Конституции. Заметим, по действующему законодательству направления такого запроса в федеральный орган конституционной юстиции не требовалось.

В своем заключении Конституционный Суд России указанные в запросе положения Закона о поправке к Конституции страны и намечен-

ное всенародное голосование оценил как соответствующие Основному закону Российской Федерации¹.

Тем самым признание Конституционным Судом РФ соответствующими Конституции страны ключевых конституционных изменений и конституционности намеченного всенародного голосования, а также порядка проведения самого плебисцита означает не что иное, как усиление легитимации вносимых изменений в Конституцию России, которые и без того, как уже указывалось, были вполне легитимными.

Результаты данного голосования (почти 78 % высказались за изменения, вносимые в Конституцию) наглядно показали факт одобрения населением предложенных изменений конституционных норм и, несомненно, способствовали повышению легитимности обновленной Конституции РФ.

Имеются положительные примеры легитимации принимаемых властных решений и на региональном уровне. Так, указом Главы Республики Башкортостан от 12 декабря 2018 г. № УГ-308 было принято решение о создании геопарка «Торатау»², а постановлением Правительства Республики Башкортостан от 2 сентября 2020 г. статус особо охраняемой природной территории регионального уровня был присвоен шихану (отдельно стоящей горе) Куштау, находящемуся на территории Ишимбайского района республики³. Принятию указанных решений предшествовало широкое обсуждение данных вопросов в средствах массовой информации экологами, общественниками и промышленниками республики, даже определенное «противоборство» с представителями Башкирской со-

¹ «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации»: заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант регион» (дата обращения: 25.09.2020).

² См.: О геопарке «Торатау»: указ Главы Республики Башкортостан от 12.12.2018 № УГ-308 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/22076/> (дата обращения: 25.09.2020).

³ О создании особо охраняемой природной территории республиканского значения в муниципальных районах Ишимбайский и Стерлитамакский районы Республики Башкортостан» (вместе с «Границами и режимом особой охраны территории памятника природы республиканского значения «Гора Куштау»): постановление Правительства Республики Башкортостан от 02.09.2020 № 529 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант регион» (дата обращения: 25.09.2020).

довой компании, которая поначалу рассматривала Куштау как сырьевую базу для производства соды. Несомненно, присвоение шиханам Башкортостана статуса особо охраняемых территорий, чего требовали экологи и общественность республики, придало названным властным решениям, да и самой республиканской власти дополнительную легитимность, авторитет и поддержку местного населения.

Вместе с тем нужно признать, что легитимность властных решений, принимаемых в нашей стране вследствие излишней «закрытости» и недемократичности, не всегда высока. Так, на наш взгляд, если бы региональная власть всегда при принятии важных решений, касающихся прав, свобод и жизненных интересов местного населения, предварительно обсуждала бы с народом эти решения, удалось бы избежать многих проблем, связанных с недовольством местных жителей, что в конечном счете повысило бы авторитет власти и обеспечило народную поддержку.

В настоящее время после внесения серьезных изменений в Конституцию России, видимо, последуют процедуры пересмотра отдельных положений конституционного законодательства субъектов Российской Федерации. Так, в одном из своих интервью радиостанции «Эхо Москвы» в Республике Башкортостан заместитель Председателя Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан Р.М. Ахмадинуров заявил, что и в Башкортостане поставлена задача по внесению некоторых изменений в свою Конституцию. Думается, это разумно, поскольку конституционные новшества федерального уровня, среди которых есть и напрямую касающиеся субъектов Федерации, должны найти отражение в региональном конституционном законодательстве. В этой связи хотелось бы предложить некоторые конституционные поправки, направленные в том числе на дальнейшую легитимацию существующих конституционных норм и самой региональной власти.

Во-первых, как показывает анализ, в отличие от Конституции РФ, которая, как уже отмечалось, была принята на общероссийском референдуме, действующие конституции и уставы субъектов Российской Федерации принимались в обычном порядке региональными парламентами. В этом плане порядок их принятия мало отличается от порядка принятия обычных законов субъектов Федерации. Также существует более простая, по сравнению с федеральным уровнем, процедура внесения изменений в учредительные документы субъектов Российской Федерации.

В связи с этим, учитывая особое место конституций и уставов субъектов Российской Федерации в региональном законодательстве, их высшую юридическую силу в системе нормативных правовых актов ре-

гионов, на наш взгляд, было бы целесообразно в обновленной Конституции Республики Башкортостан предусмотреть особую, более усложненную и демократическую (предусматривающую опрос населения) процедуру принятия этого учредительного документа и внесения в него поправок. Думается, это придаст конституционным положениям еще большей стабильности, что, как известно, является важнейшим требованием к конституционному законодательству вообще.

Во-вторых, назрела необходимость по аналогии с соответствующими положениями российской Конституции предусмотреть в Конституции Республики Башкортостан две разновидности республиканских законов: текущие и конституционные, принятие которых прямо предусматривается Конституцией республики. Разрабатывать и принимать последние следует по более усложненной процедуре, что придаст им более высокую юридическую силу.

Важность придания более высокой юридической силы предлагаемым конституционным законам Республики Башкортостан обусловлена имеющимися фактами нестыковок между отдельными законами республики. С подобными фактами автор настоящей статьи неоднократно сталкивался во время работы в Конституционном Суде Республики Башкортостан.

В-третьих, в целях дальнейшего повышения легитимности конституционного законодательства республики, обеспечения соответствия вновь вводимых в Конституцию Башкортостана поправок Конституции РФ, федеральному законодательству, общепризнанным принципам и нормам международного права, правам и свободам человека и гражданина, по нашему мнению, было бы оправданным определенное расширение полномочий Конституционного Суда Республики Башкортостан за счет наделения его полномочиями предварительного нормоконтроля применительно к содержанию проектов законов о внесении изменений в Конституцию Республики Башкортостан. Думается, приведенный в настоящей статье положительный опыт предварительного рассмотрения Конституционным Судом РФ законопроекта о поправках к Конституции России с большой пользой мог бы быть использован в тех российских регионах, где учреждены конституционные и уставные суды.

Таким образом, в современных российских условиях, связанных с экономическими трудностями, вызванными мировой коронавирусной пандемией, непростой международной обстановкой, падением цен на энергоносители, социальными проблемами в стране, вынужденным проведением не всегда популярных среди населения реформ, нерешенными

экологическими вопросами, государственная власть нуждается в легитимации. Для обеспечения поддержки населением властных решений как на федеральном, так и на региональном уровнях нужны, прежде всего, открытость власти, диалоги с населением, серьезная разъяснительная работа по поводу тех или иных властных решений. Это в полной мере касается и законотворчества, и в первую очередь совершенствования конституционного законодательства, стоящего на защите прав, свобод и интересов граждан.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др. М. : Инфа-М, 2001. 790 с.
2. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
3. Иванченко Ю.А. Сущность, механизм и формы правовой легитимации государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.

Дата поступления: 16.10.2020

ON SOME PROBLEMS OF LEGITIMIZING POWER AND POWERFUL DECISIONS IN CONTEMPORARY RUSSIA

MURATSHIN Flarit Rashitovich

*Doctor of Law, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.
E-mail: Flaritmurat@yandex.ru*

The article discloses the meaning of the terms: «legality», «legitimacy» and «legitimization» and analyzes legal and non-legal forms of legitimization of state authorities and legislation, identifies the negative consequences of the lack of legitimacy while enacting laws and other legal or regulatory instruments and establishing political institutions. The paper identifies and researches the problems of legitimization of the Russian constitutional legislation, with paying special attention to the issues of increasing legitimization of the current constitutions and charters of the Russian Federation's entities. **Pur-**

pose: to analyze the legitimization of public authority in terms of its essence and specific manifestations in the current conditions of state and public life.

Methods: theoretical methods of formal and dialectical logic; methods of comparison, axiological (value) methodology, revealing motivational component of legal legitimization of public authority. **Results:** in modern conditions, state power especially needs legitimization. In order to ensure support for power decisions by the population, authorities must be open and there should be serious explanatory work, which fully applies to lawmaking, and first of all to improve the constitutional legislation that protects citizens rights, freedoms and interests.

Keywords: legitimacy; legitimization; legality; legislation; constitutional legislation; entities of the Russian Federation; referendum; bodies of constitutional jurisdiction; constitutional control; improvement of the legislation, lawmaking.

References

1. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. *Bol'shoj juridicheskij slovar'* [Large legal dictionary]. Moscow, Infa-M Publ., 2001. 790 p.
2. Veber M.; Davydov YU.N. (ed.). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
3. Ivanchenko YU.A. *Sushchnost', mekhanizm i formy pravovoj legitimacii gosudarstvennoj vlasti. Avtoref. Kand. Diss.* [The essence, mechanism and forms of legal legitimization of state power. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2015. 28 p.

Received: 16.10.2020

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ
ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT
OF SECTORAL LEGISLATION**

УДК 343.378

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.28

**К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СВЯЗАННОГО С УКЛОНЕНИЕМ
ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ**

БАЙРАМОВ Рамзи Раджабович

*кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: ramzi019@mail.ru*

КУРОПТЕВ Никита Борисович

*кандидат экономических наук, декан факультета таможенного
дела Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской
таможенной академии, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: nkuroptev@yandex.ru*

СЕМЕНОВ Алексей Викторович

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского
им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: semrta@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы толкования признака состава преступления как законодательной характеристики юридически значимого свойства преступления. Изучается объект, субъективная и объективная сторона преступления, связанного с уклонением от уплаты таможенных платежей. Нормативной основой исследования является действующее за-

конодательство, регламентирующее взимание таможенных платежей в ЕАЭС. **Методы:** общий диалектический метод научного познания, системный, логический, сравнительно-правовой методы исследования, анализа и обобщения. **Результатом** выступает формулировка и анализ конкретных особенностей, выделяемых в составе преступления, связанного с уклонением от уплаты таможенных платежей. Делается вывод об особенностях основных существующих положений ст. 194 УК РФ.

Ключевые слова: уклонение от уплаты таможенных платежей; состав преступления; объект преступления; субъективная и объективная сторона преступления.

Только изучив элементы состава того или иного преступления, можно говорить о системе преступных деяний, запрещенных уголовным законодательством исходя из тех общественных отношений, которые им охраняются. В статье мы постараемся определить существенные признаки состава преступления, связанного с уклонением от уплаты таможенных платежей, дабы указать на особенности этого вида деяния.

Итак, под составом преступления понимается целостное единство (совокупность) установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, которые являются характеристикой общественно опасного деяния в качестве преступления. Ключевым моментом понятия состава преступления является именно относимость этого состава к признакам, прямо установленным уголовным законодательством, так как известно, что общественно опасных деяний множество в самых различных юридических плоскостях (административное правонарушение, гражданско-правовой деликт также являются опасными для общества деяниями, тем не менее их опасность несоизмеримо меньшая, нежели опасность преступного деяния).

Признаки состава преступления определяются как законодательные характеристики юридически значимого свойства преступления. Состав преступления является универсальной юридической конструкцией, с помощью которой можно произвести уголовно-правовую оценку общественно опасного деяния. Понятия «преступление» и «состав преступления» соотносятся между собой как явление и понятие о нем.

Ключевое значение состава преступления как уголовно-правовой категории состоит в следующем:

- наличие состава преступления является основанием уголовной ответственности;
- состав преступления – условие квалификации преступления, представляющее собой установление соответствия между признаками со-

вершенного общественно опасного деяния и признаками состава преступления, данными в норме Особенной части УК РФ;

– в зависимости от состава преступления суд назначает вид и размер наказания или другой меры уголовно-правового характера;

– состав преступления влияет на применение условно-досрочного освобождения, на сроки погашения судимости и пр.

Помимо классической конструкции состава преступления как единства объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны для понимания существа данного института, безусловно, следует остановиться на вопросе признаков состава преступления.

Доктрина уголовного права выделяет две группы указанных признаков: обязательные и факультативные. Обязательным признаком является такое качество, которое присуще любому составу преступления, вне зависимости от иных его характеристик. Как мы уже выяснили, если нет хотя бы одного из искомых признаков, говорить об уголовной ответственности не приходится. Подобное теоретическое, а потом и практическое (закрепленное в законе, позитивное) требование к составу преступления вытекает из общеправового принципа справедливости, который исключает любой произвол в правовой среде (по крайней мере, в идеальном случае). Дабы не создавать ситуацию искусственной криминализации поведения субъектов человеческого общества, должна существовать система, упразднив один из элементов которой, первая перестанет существовать. Иными словами, «состав не сложится», лицо не будет привлечено к ответственности априори.

Основными, или обязательными, признаками состава преступления являются следующие элементы:

– общественные отношения, а также блага, интересы общества в целом, то есть то, что уголовный закон призван защищать как основу функционирования конкретных социальных связей. Если не будет существовать общественных отношений, то и нечего будет регулировать, а в нашем случае – защищать; это основной принцип функционирования права вообще, а не только уголовного;

– деяние, совершение которого несет опасность для общественных отношений, защищаемых уголовным законодательством. Ключевым моментом здесь является то, что речь идет именно о действии или бездействии субъекта; его мысли, не выражаемые в активной форме убеждения, не могут быть расценены как наносящие вред социальным связям явления;

– вина, являющаяся краеугольным камнем привлечения к ответственности лица, совершившего то или иное общественно опасное деяние; невиновное поведение не влечет уголовной ответственности;

– возрастной «ценз» привлечения к ответственности. Действующий в России правопорядок считает допустимым привлекать лиц к уголовной ответственности с 14 лет (в особых случаях) и с 16 лет (в общем порядке). Законодательство восприняло тот подход, что до определенного этапа жизни человек в силу естественных особенностей своего развития не в состоянии понимать и оценивать те или иные последствия своих действий/бездействий;

– вменяемость как категория, позволяющая определить возможность реализации воспитательной функции уголовного наказания. Как и возраст, категория вменяемости относится к формальным признакам состава преступления, с той особенностью, что она тесно связана с медицинской стороной вопроса. Вменяемость лица, по общему правилу, может быть установлена специалистами с медицинским образованием, практикующими экспертами в этой области. Вменяемость предполагает понимание лицом своих действий и способность адекватно воспринимать общественно-государственную претензию к его поведению.

К вспомогательным, или факультативным, признакам следует отнести:

– предмет преступления; строго говоря, он является элементом объективной реальности, на который субъект преступления оказывает физическое влияние (воздействует) в ходе совершения уголовно наказуемого деяния;

– общественно опасное последствие в логической цепочке, где «А» является моментом начала преступления, а «Б» – его окончанием, выступает результатом. Без достижения преступного результата отдельные составы могут исключать уголовную ответственность;

– причинно-следственная связь между преступным деянием и результатом этого деяния также относится к факультативным признакам и является для целей квалификации того или иного состава элементарным требованием формальной логики;

– физические характеристики реальности, в которой происходило преступно наказуемое деяние: время, обстановка, место, средства и орудия совершения преступления;

– мотивация совершения преступно опасного деяния. Как далее будет выделено особо, немотивированных преступлений не бывает, а особенности того или иного мотива не всегда очевидны даже самому преступнику.

Какие же конкретные особенности можно выделить в составе преступления, связанного с уклонением от уплаты таможенных платежей?

Объект преступления – установленный порядок осуществления внешнеэкономической деятельности и уплаты таможенных платежей. Товары при перемещении через таможенную границу ЕАЭС подлежат обложению таможенными платежами, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством. Иными словами, подчеркивается, что речь идет именно об уклонении, которое подразумевает незаконное освобождение от обязанности уплатить таможенный платеж при пересечении товаров в границах ЕАЭС [1, с. 40].

Объективная сторона преступления выражается в бездействии – уклонении от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, последствию в виде крупного размера, причинной связи [2, с. 95]. Под уклонением понимается полная или частичная неуплата таможенных платежей, повлекшая их непоступление в бюджетную систему Российской Федерации. Способы уклонения в диспозиции ст. 194 УК РФ не указаны. Они могут быть разнообразными (например, представление подложных документов, подтверждающих факт уплаты таможенных платежей, простая неуплата таможенных платежей). Деяние является оконченным в момент фактической неуплаты таможенных платежей в крупном размере в срок, установленный действующим законодательством. Отсюда мы делаем вывод, что состав преступления является материальным. Для целей действующего уголовно-правового регулирования важным является именно факт нанесения ущерба общественным отношениям, то есть преступный результат, заключающийся в совершенном деянии, а не формальная «попытка».

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознает, что уклоняется от уплаты таможенных платежей в крупном размере, и желает этого.

Субъект преступления специальный – физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, ответственное за уплату таможенных платежей.

Показательна трактовка Конституционного Суда РФ: ст. 194 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, декларантом или иным лицом, у которых возникла обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов (ст. 50 ТК ЕАЭС). Однако сам по себе ввоз имущества с уклонением от уплаты таможенных платежей не свидетельствует ни о преступном происхождении этого имущества, ни о его предназначении для использования с общественно опасной целью, ни тем более о его противоправном либо недобросовестном приобретении третьими лицами, принимая, в частности, во внимание положение п. 5 ст. 10 ГК РФ

о том, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Помимо того, преступление, предусмотренное ст. 194 УК РФ, не включено и в перечень деяний, за совершение которых предусмотрена конфискация имущества в соответствии со ст. 104.1 данного Кодекса¹.

Анализируя положения УК РФ, в частности ст. 194, посвященной закреплению уклонения от уплаты таможенных платежей в качестве преступного деяния, следует отметить следующее:

1) преступное посягательство имеет своим предметом в данном конкретном случае непосредственно таможенные платежи, к которым относятся ввозная и вывозная таможенные пошлины, НДС, что взимается при ввозе товаров на территорию России и пр., предусмотренные ТК ЕАЭС платежи, которые в конечном итоге не поступают в бюджет государства [3, с. 124];

2) сроки уплаты платежей определены соответствующими нормативными правовыми актами, а уплата платежа производится, по общему правилу, непосредственно декларантом;

3) в качестве основы для исчисления таможенного платежа берется стоимость и количество соответствующего товара. Обозначенная стоимость и количество товара указываются в декларации на основании документации-подтверждения;

4) объективная сторона преступления состоит из непосредственного уклонения нарушителя от уплаты таможенных платежей в крупном размере. Сумма неуплаченных платежей должна составлять 2 млн руб. и 6 млн руб. – для квалификации крупного и особо крупного размера неуплаты;

5) преступление относится к группе длящихся преступлений и считается оконченным в момент совершения;

6) прямой умысел – характеристика субъективной стороны преступного деяния;

7) субъектами выступают как физические лица, так и представители юридических лиц.

Существующая редакция уголовного закона предусматривает повышение порога признания суммы неуплаты в качестве крупной и особо крупной. Это представляется разумным, так как слишком низкая сумма платежа, признаваемая крупным и особо крупным размером, может привести к ситуации, в которой государство создает условия для чрезмерного объема уголовной ответственности.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1338-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 02.10.2020).

Библиографический список

1. Иккишина Е.Г., Иванов М.Г. Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица // Актуальные проблемы оптимизации законодательства и практики правоприменения в современной России : сб. ст. Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 39–43.
2. Лавринов В.В. Некоторые вопросы объективной стороны уголовно наказуемого уклонения от уплаты таможенных платежей // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2018. № 4 (33). С. 90–97.
3. Диденко К.В., Волков П.А. О разрешении вопросов, связанных с уголовной ответственностью за уклонение от уплаты таможенных платежей // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4 (50). С. 122–129.

Дата поступления: 23.10.2020

ON THE ISSUE OF THE COMPOSITION OF THE CRIME RELATED TO EVASION OF CUSTOMS PAYMENTS

BAJRAMOV Ramzi Rajabovich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Instructor of the Department of Criminal Law Disciplines, St. Petersburg Branch named after V.B. Bobkov of the Russian Customs Academy, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: ramzi019@mail.ru*

KUROPTEV Nikita Borisovich

*Candidate of Sciences (Economics), Dean of the Faculty of Customs, St. Petersburg Branch named after V.B. Bobkov, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: nkuroptev@yandex.ru*

SEMENOV Alexey Viktorovich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Branch named after V.B. Bobkov, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: semrta@mail.ru*

The paper deals with the interpretation of the attribute of the crime as a law characteristic of a legally significant property of the crime. The authors review

the object of the crime, the subjective and objective side of the crime related to evasion of customs payments. The normative basis of the research is the current legislation regulating the collection of customs payments in the Eurasian Economic Union. **Methods:** the methodological basis is the general dialectical method of scientific knowledge, as well as system, logical, comparative legal research methods, analysis and generalization. The **result** is the formulation and analysis of specific features identified as part of the crime related to customs evasion. The conclusion is made about the features of the main existing provisions of article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: evasion of customs payments; crime composition; object of crime; subjective and objective side of the crime.

References

1. Ikkishina E.G., Ivanov M.G. Evasion of customs payments levied from an organization or an individual. *Aktual'nye problemy optimizacii zakonodatel'stva i praktiki pravoprimereniya v sovremennoj Rossii* [Actual problems of optimization of legislation and practice of law enforcement in modern Russia]. Cheboksary, 2019, pp. 39–43. (In Russian).
2. Lavrinov V.V. Some questions of the objective side of the criminally punishable of customs payments evasion. *Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii = Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*, 2018, no. 4 (33), pp. 90–97. (In Russian).
3. Didenko K.V., Volkov P.A. On resolving issues related to criminal liability for evading customs payments. *Leningradskij juridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2017, no. 4 (50), pp. 122–129. (In Russian).

Received: 23.10.2020

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.29

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ
ПРИ ОЦЕНКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

ГИЗАТУЛЛИН Ирек Альфредович

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса Института права Башкирского
государственного университета, г. Уфа, Россия.*

E-mail: gizatullin-irek@rambler.ru

В статье анализируются некоторые процессуальные и внепроцессуальные факторы, препятствующие свободной оценке судьей заключения эксперта по уголовному делу. Обоснован тезис о том, что в существующих правоприменительных реалиях заключение эксперта приобретает статус абсолютизированного доказательства, имеющего заранее установленную силу. Это связано с фактическим отсутствием состязательности сторон в процедурах назначения и производства экспертизы, а также со сложностью оценки судьей этого вида доказательства при отсутствии у него специальных знаний. **Цель** работы заключается в разработке теоретических положений, обосновывающих необходимость совершенствования процедур назначения и производства экспертизы, а также оценки экспертного заключения судом для обеспечения судейской независимости. В статье использованы **методы** системного анализа, синтеза, социологического опроса и обобщения. Сформулирован и аргументирован **вывод** о том, что обеспечение свободы внутреннего убеждения судьи при оценке заключения эксперта прямо зависит от расширения возможностей использования в доказывании альтернативного мнения другого носителя специальных знаний в этой же области – заключения и показаний специалиста. Предлагается закрепить в законе правило об обязательности удовлетворения ходатайств сторон о приобщении к делу заключений специалистов и исследовании их в судебном заседании, с обязательным отражением результатов такого исследования в тексте судебного решения по делу.

Ключевые слова: судебная экспертиза; заключение эксперта; внутреннее убеждение судьи; заключение специалиста; независимость судей; доказывание.

Проблемы, связанные с установлением фактов по уголовному делу путем использования специальных знаний, остаются одними из самых острых для научного сообщества. Многочисленные дискуссии об обеспечении состязательности на этапах назначения и производства экспертизы, об оценке заключения эксперта, путях разрешения конкуренции нескольких заключений и многом другом в конечном счете порождены процедурными особенностями получения заключения эксперта и его последующей оценки субъектом доказывания.

Сведения, содержащиеся в экспертном заключении, могут лечь в основу судебного решения лишь в случае их полной оценки на основе внутреннего убеждения с позиции относимости, допустимости и достоверности. Это обстоятельство порождает существование одной из самых известных проблем использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве – сложности оценки заключения эксперта – акта, в котором изложены выводы по результатам проведенного им исследования с использованием специальных знаний, субъектом доказывания – лицом, который этими знаниями не обладает.

Несмотря на то что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы, заключение эксперта за все время своего существования стояло неким особняком от этого правила. Например, в дореволюционной России было довольно распространенным считать судебного эксперта научным судьей, а его заключение – безусловным доказательством, которое должно приниматься на веру, поскольку судья не может ставить под сомнение то, в чем он сам не разбирается [1, с. 197]. Сейчас же, при законодательно закрепленном принципе свободы оценки доказательств, не принято придавать эксперту столь авторитетный статус, а его выводы по результатам проведенного исследования считать неопровержимыми доказательствами. Однако современные правоприменительные реалии таковы, что заключение эксперта зачастую выступает в качестве абсолютизированного доказательства, одно лишь наличие которого по уголовному делу зачастую предопределяет принятие судом на веру всех сведений, содержащихся в нем. Среди множества обстоятельств, обуславливающих возникновение такой ситуации, выделим основные: особенности законодательной регламентации получения и оценки заключения эксперта, тенденции правоприменительной практики и сформированные штампы поведения участников процесса. В специальной литературе эти факторы принято рассматривать в качестве препятствия для использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, но здесь обратим внимание на то, что их наличие отрицательно влияет на деятельность суда как независимого субъекта доказывания.

Традиционно большинство экспертиз назначаются и производятся на досудебном этапе, и именно на этом этапе зарождаются причины, которые способствуют восприятию заключения эксперта как доказательства, не нуждающегося в оценке. В первую очередь они вызваны отсутствием фактической состязательности сторон в этих процедурах. Так, А.А. Тарасов, исходя из положений уголовно-процессуального закона, правоприменительной практики и собственного адвокатского опыта, приходит к выводу о том, что сторона защиты хоть и обладает достаточным объемом процессуальных прав, которые призваны обеспечить баланс сторон, но их фактическая реализация практически невозможна, поскольку на лицах, ответственных за назначение и производство экспертиз, не лежит обязанность по их обеспечению [2, с. 73–74]. Так, право заявления отвода эксперту и право участия при производстве экспертизы остаются законодательной фикцией в обыденных для практики ситуациях, когда ничего неизвестно ни о личности эксперта, ни о месте и времени проведения экспертизы: в постановлении о назначении экспертизы этих данных нет, как нет и предусмотренной законом обязанности следователя информировать стороны об этом [2, с. 74–76]. Между тем отвод эксперта как минимум позволяет исключить корпоративный союз со следователем, если у стороны возникают какие-либо подозрения в возможной заинтересованности эксперта ввиду производства экспертизы в экспертном учреждении, относящемся к одному с органом следствия ведомству; участие стороны защиты при производстве экспертизы способно гарантировать большую объективность и качество проводимого исследования, поскольку участники могут давать объяснения эксперту и привлекать специалиста для этих целей.

Таким образом, в отсутствии императивных предписаний по обеспечению прав стороны защиты лицом, назначающим экспертизу, остается надеяться лишь на добросовестное отношение стороны обвинения: дать возможность выбрать экспертное учреждение, своевременно известить сторону защиты о месте и времени проведения экспертизы, предоставить данные о личности эксперта и т. д.

К нередкому фактическому отсутствию состязательности следует добавить и известную проблему обеспечения достоверности сведений в экспертном заключении путем установления уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения экспертом, которая не способна полностью уберечь от дачи ложного заключения, поскольку отграничить «заведомую ложность» от обычной ошибки эксперта сложно, а доказать саму ложность, охватываемую умыслом эксперта, еще труднее [3; 4; 5].

В судебном производстве при оценке заключения эксперта судья также сталкивается с проблемой отсутствия у него специальных знаний по профилю проведенной экспертизы. Многие современные авторы единодушны в том, что суд по объективным причинам способен оценить лишь полноту заключения и проверить, соблюдены ли экспертом необходимые процессуальные требования при производстве и оформлении экспертизы, соответствует ли методике исследовательская часть заключения [6, с. 467; 7, с. 360]. Сразу оговоримся, что утверждать о полном отсутствии специальных знаний у судьи, как и у любого другого профессионального юриста – участника уголовного судопроизводства, не совсем верно, поскольку каждый из них как минимум получал эти знания в рамках вузовской подготовки, и эти знания, безусловно, необходимы и реализуются, например, при определении профиля назначаемой экспертизы, формулировании вопросов эксперту и т. д. Но такой уровень знаний не способен обеспечить реальную возможность полной оценки всего заключения, тем более когда речь идет об оценке результатов сложных, комплексных экспертиз. Бесполезными и нереализуемыми кажутся предложения некоторых авторов по решению этой проблемы путем самообразования и постоянного повышения квалификации самих судей, их тесного сотрудничества с экспертными подразделениями, проведения совместных совещаний [8, с. 58]. Судья, как и следователь, дознаватель, прокурор, – профессиональный юрист, задача которого в уголовном судопроизводстве в конечном счете состоит в правильном применении закона, а не в реализации знаний в различных отраслях медицины, техники или ремесла при принятии процессуальных решений. Для этого существуют эксперты и специалисты. Сотрудничество с экспертными учреждениями вне рамок уголовного процесса путем проведения совместных совещаний само, кажется, вызывает любые подозрения со стороны и едва ли согласуется с принципом независимости судебной власти.

При существующих условиях можно сказать, что в лучшем случае наличие у судьи базового уровня специальных знаний позволяет лишь оценивать наиболее простые экспертные заключения, в которых проведены несложные исследования с использованием понятных методов, текст исследовательской части и части выводов не изобилует специфичными формулировками. Сказанное подтверждается и результатами проведенного опроса судей. Так, большинство из них (77, или 68,75 %) считают, что могут дать оценку любому заключению эксперта: в простых случаях – самостоятельно, а в случаях проведения сложных исследований только с помощью

эксперта; вариант ответа «самостоятельно» выбран 31 (27,68 %) судьей, а 4 (3,57 %) судей полагают, что «всегда лишь с помощью эксперта»¹.

Тот факт, что судья не в состоянии полно оценить заключение эксперта ввиду отсутствия у него специальных знаний, порождает распространенную на практике ситуацию: оценка судом заключения сводится лишь к проверке полноты выводов и их соответствия поставленным перед экспертом вопросам. Анализ судебной практики показал, что в 295 (91 % от общего количества изученных дел) уголовных дел, в которых имелось заключение эксперта, по 230 (78 %) делам суд сослался только на выводы экспертного заключения и привел их в тексте решения; в 44 (14,9 %) случаях суд указал лишь на наличие экспертного заключения как на доказательство, подтверждающее обвинение; только в 21 (7,1 %) решении судом были проанализированы исследовательская часть и выводы, дана собственная оценка заключению². Содержания протоколов судебных заседаний по этим делам также свидетельствуют о фактическом отсутствии полноценного исследования судами экспертного заключения: в 256 протоколах зафиксирован лишь факт такого исследования путем употребления распространенной фразы «судом исследуется (исследовалось) заключение эксперта...», в 6 протоколах уточнялась конкретная часть исследуемого заключения, а в 33 отсутствовало указание на исследование каких-либо материалов дела (в том числе экспертного заключения), что, скорее, связано с технической ошибкой секретаря – отсутствием фиксации всех процессуальных действий, производимых в рамках судебного заседания.

Тенденция доверять результатам экспертизы при исследовании лишь выводов заключения с их последующим копированием в текст решения представляется вредной для целей уголовного судопроизводства. Изучение судебной практики свидетельствует о том, что отсутствие оценки заключения эксперта справедливо признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Причем среди подобных дел нередки случаи, когда в силу специфики и небольшой сложности

¹ Здесь и далее приводятся результаты анкетирования 112 судей районных судов Республики Башкортостан и Уфы, судей Верховного Суда Республики Башкортостан и Челябинского областного суда, проведенного автором в рамках диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

² Здесь и далее приводятся результаты изучения 324 материалов уголовных дел, рассмотренных районными судами Уфы, районными и межрайонными судами Республики Башкортостан, Верховным Судом Республики Башкортостан, городскими и районными судами Челябинской области и Челябинским областным судом, а также судами разного звена различных регионов Российской Федерации.

произведенной экспертизы суд мог самостоятельно, не прибегая к совершению дополнительных процессуальных действий (вызов эксперта на допрос, назначение повторной или дополнительной экспертизы и т. д.), дать полноценную оценку заключению. Рассмотрим несколько примеров.

По приговору Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 20 сентября 2011 г. Г.С.К. и Г.С.С. осуждены по п. «б» ч. 3 ст. 165 УК РФ за то, что Г.С.К., являясь лицом, ответственным за техническое обслуживание лифтов по г. ... ЗАО «...», а Г.С.С., являясь мастером по организации эксплуатации лифтов «...» участка ЗАО «...», с октября 2005 г. по декабрь 2008 г., вступив в преступный сговор, умышленно, из корыстных побуждений причинили путем злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения имущественный ущерб ЗАО «...» на сумму «...» рублей. Делая вывод о виновности, суд сослался в том числе и на заключение судебно-бухгалтерской экспертизы, которым определялся размер причиненного ущерба. В надзорной жалобе адвокаты осужденных указали, что судебные решения подлежат отмене ввиду несоответствия выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам дела, существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, в том числе ввиду отсутствия оценки судом доказательств дела. При пересмотре уголовного дела Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан установил, что суд не дал всем изложенным в приговоре доказательствам надлежащую оценку, а ограничился их простым перечислением. Так, из заключения судебно-бухгалтерской экспертизы, на котором основаны выводы обвинения о причинении ЗАО «...» ущерба, не видно, из чего конкретно складывается сумма имущественного ущерба каждого из предприятий, с кем заключил договор ООО «...», какие конкретно средства ЗАО «...» им были использованы¹.

Формулировки доводов суда надзорной инстанции позволяют судить об отсутствии оценки судом первой и кассационной инстанций исследовательской части, методики исследования и соответствия выводов вопросам, поставленным перед экспертом. Смеем предположить, что в противном случае суды установили бы недостоверность экспертного заключения на более ранних этапах. Признав наличие нарушения судами при исследовании и других доказательств, Президиум вернул дело на новое рассмотрение. Итоговым решением стал оправдательный приговор, в основу которого лег также вывод о несостоятельности экспертного заключения.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 25.07.2012 № 44у498/2012. Уголовное дело № 44у 498/2012 // Архив Салаватского городского суда Республики Башкортостан.

Подобные нарушения не являются исключением и в случаях, когда в деле имеются два противоположных заключения эксперта. При выборе наиболее предпочтительного суд обязан дать оценку каждому заключению.

По приговору Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 27 января 2013 г. Г. осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ. Как следует из материалов уголовного дела, в ходе предварительного расследования была проведена автотехническая экспертиза, заключением которой установлено, что водитель автомобиля КамАЗ-6520 не имел технической возможности предотвратить столкновение с автомобилем КамАЗ-5662 путем торможения. После окончания предварительного следствия по запросу защитника было проведено экспертное исследование экспертом Башкирской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РФ В. В. В ходе судебного разбирательства по ходатайству адвоката и на основании данных экспертного исследования была назначена дополнительная автотехническая экспертиза, производство которой поручено тому же экспертному учреждению. В заключении дополнительной автотехнической экспертизы эксперт В. указал, что водитель автомобиля КамАЗ-6520 имел техническую возможность предотвратить столкновение с автомобилем КамАЗ-5662 путем торможения. Отменяя приговор, суд апелляционной инстанции указал, что судом не дана оценка каждому из заключений в совокупности с другими доказательствами, что нарушило требования ст. 307 УПК РФ. Кроме того, не было учтено требование ч. 4 ст. 283 УПК РФ, согласно которой суд вправе назначить повторную судебную экспертизу при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов¹.

Приведенные примеры демонстрируют пассивность суда в исследовании заключений экспертов. Хотим заметить, что причина этого зачастую не связана с умышленным игнорированием судом обязанности по исследованию всех доказательств, как может показаться на первый взгляд. Суды, в общем-то, давали оценку всем другим доказательствам (показаниям свидетелей, процессуальным документам и др.), без внимания оставались именно заключения эксперта. Думается, что такая практика в первую очередь обусловлена укоренившимся в правовом сознании представлении о невозможности оценивать то, в чем сам не разбираешься: если заключение дано авторитетным экспертным учреждением в лице не менее авторитетного эксперта с большим опытом работы, дополни-

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 22-3276/2014. Уголовное дело № 22-3276/2014 // Архив Уфимского районного суда Республики Башкортостан.

тельное обременение исследованием едва ли понятного для юриста текста кажется простой тратой времени и сил. Примечательны и результаты анкетирования судей в вопросе о способах оценки заключения эксперта по уголовному делу. Из 112 судей 42 (37,5 %) ответили, что оценивают целесообразность и научность применяемых методов, обоснованность и аргументированность выводов; 40 (35,71 %) полагаются на квалифицированность эксперта; 27 (24,11 %) проверяют лишь соблюдение порядка назначения и производства экспертизы.

Непростые условия, в которых каждый раз при оценке заключения эксперта оказывается судья, не должны оправдывать допустимость отклонений от правила о необходимости исследования всех доказательств. Более того, казалось бы, уголовно-процессуальный закон предоставляет суду достаточные средства для преодоления препятствий при оценке экспертного заключения в случае неясности, неполноты или возникновения сомнений в достоверности результатов исследования. Для дачи разъяснений по заключению или его дополнения суд может допросить эксперта (ч. 1 ст. 282 УПК РФ), также суд по собственной инициативе вправе назначить повторную либо дополнительную экспертизу (ч. 4 ст. 283 УПК РФ). По сути, указанные полномочия в совокупности достаточны для обеспечения правильной оценки экспертного заключения судом и установления новых необходимых для дела обстоятельств. С формальной точки зрения все предельно просто, фактическая сторона этого вопроса намного сложнее, чем может показаться.

Допрос эксперта и назначение повторной или дополнительной экспертизы на практике обременяется для суда многими трудоемкими действиями: для допроса эксперта необходимо вызвать его в суд, допросить с участием сторон, нередко предоставить время, необходимое эксперту для ответа на вопросы суда и сторон; назначение новой (повторной или дополнительной) экспертизы требует определения экспертного учреждения и, возможно, компетенции эксперта, нового формулирования вопросов, предоставления возможности сторонам изложить свои вопросы и т. д. Все это как минимум немалые временные затраты. Психологически проще сделать другой такой же «законный» выбор – согласиться с имеющимся заключением и огласить его на судебном заседании.

Назначение повторной или дополнительной экспертизы должно иметь основания, предусмотренные законом, а суд в процессуальном документе обязан привести доводы в пользу необходимости новых экспертиз. Согласно ст. 207 УПК РФ дополнительная экспертиза назначается в случае недостаточной ясности, полноты заключения эксперта и при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоя-

тельств уголовного дела, а повторная экспертиза – в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам. Кроме того, ст. 20 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ вместе с «сомнениями в обоснованности» определяет дополнительное основание назначения повторной экспертизы, которое отсутствует в ст. 207 УПК РФ, – сомнения в правильности ранее данного заключения. Однако определить эту «правильность» суду, как и любому участнику уголовного судопроизводства без наличия специальных знаний, практически невозможно, как и невозможно обосновать необходимость назначения повторной экспертизы по этому основанию, ведь, как правильно отмечает А.А. Тарасов, в постановлении о назначении повторной экспертизы «должны будут фигурировать вовсе не ссылки на другие доказательства, не соответствующие выводам эксперта, а доводы в пользу того, что результаты самого экспертного исследования не соответствуют объективной действительности, то есть неправильные по существу» [2, с. 38]. Такие же доводы должны быть приведены и при заявлении сторонами ходатайств о назначении повторной экспертизы, что также весьма затруднительно. Например, из 295 изученных уголовных дел с экспертными заключениями только в 51 (17,3 %) случае стороны заявили ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы, и лишь 17 из них были удовлетворены судом (10, или 19,6 %, – о назначении дополнительной, 7, или 13,7 %, – повторной). Полагаем, что столь небольшой процент соотношения числа заявленных и удовлетворенных судом ходатайств – результат низкой аргументации сторонами ничтожности существующего заключения по делу и необходимости назначения новой, повторной или дополнительной экспертизы.

Во всех описанных нами ситуациях видится не только давно известная проблема использования специальных знаний при доказывании по уголовным делам. При реализации всех процедур, связанных с признанием заключения эксперта доказательством или, напротив, его опровержением, независимость судьи проверяется на прочность чаще, чем может показаться. Отсутствие специальных знаний, необходимых для оценки судьей заключения эксперта любой сложности, предопределяет способность оценивания лишь порядка назначения и производства экспертизы на практике; традиционная ведомственная связь экспертных учреждений с органами предварительного расследования оборачивается от-

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Российская газета. 2001. 5 июня.

сутствием состязательности и принятием на веру содержания заключения субъектом доказывания; и наконец, большие процессуальные усилия и временные затраты, требующиеся суду для проверки или опровержения заключения эксперта, формируют природу обвинительного уклона суда.

Между тем наличие по уголовному делу другого мнения носителя специальных знаний как альтернативы имеющемуся заключению эксперта позволяет избежать большинства негативных условий и правоприменительных проблем. Перед судом в этом случае предстают 2 (возможно, и более) разных суждения носителя специальных знаний по одному профилю, анализируя каждое из которых, судья выберет наиболее обоснованное и предпочтительное, возможно, и вовсе назначит новую экспертизу. Два разных суждения способны посеять сомнения в достоверности содержания друг друга, в них могут быть использованы разные методы, и аргументация выводов, как правило, тоже приводится разная. В таком случае знания судьи кажутся уже достаточными, чтобы оценить каждое заключение.

Обеспечение состязания двух профессиональных суждений возможно путем привлечения другой фигуры, по закону также обладающей специальными знаниями, – специалиста. Принимая во внимание тот факт, что в досудебном производстве правом назначения экспертизы обладают властвующие представители стороны обвинения и именно результаты назначенной ими экспертизы в последующем попадают в суд, представить в суд альтернативу этому заключению путем привлечения специалиста должно быть в интересах стороны защиты. Современное уголовно-процессуальное законодательство предоставляет достаточные возможности для этого. Представляется, что положения о запрете в отказе удовлетворения ходатайства стороны защиты о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ) и таком же запрете в отказе удовлетворения ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон (ч. 4 ст. 271 УПК РФ), уже сами по себе способны разрешать большинство проблем, сопровождающих назначение и производство экспертизы.

В то же время мы убеждены, что ни одно заключение специалиста не может заменить собой заключение эксперта. Иное приводит к опасности, о которой в специальной литературе сказано давно, – размыванию граней между заключениями эксперта и специалиста [9, с. 98]. Апеллирование к фигуре специалиста здесь – единственная существующая возможность обеспечить состязательность в процедурах назначения и производства экспертизы, не прибегая к радикальным мерам, например, к закреплению за защитником права самостоятельного назначения экспертизы.

Использование помощи специалиста при формулировании вопросов, выборе экспертного учреждения и эксперта соответствующего профиля уже способно благоприятно влиять на результаты проводимой в будущем экспертизы, а значит, и на качество экспертного заключения, оцениваемого в последующем судом. Привлекать специалиста к участию в уголовном деле полезно и уже при имеющемся заключении эксперта. В этом случае его знания необходимы для оценки достоверности и правильности заключения, для возможной аргументации необходимости назначения дополнительной или повторной экспертизы, при постановке вопросов перед экспертом, вызванным на допрос в суд.

Несмотря на привлекательность этих возможностей, на практике сторона защиты пользуется услугами специалиста для указанных целей не так часто. Так, только в 4,1 % уголовных дел стороной защиты был привлечен специалист в целях опровержения экспертного заключения, аргументации вызова на допрос эксперта или назначения повторной или дополнительной экспертизы. Вполне возможно, что такая тенденция связана с отмечаемым в литературе недоверием органов предварительного расследования и суда к заключению специалиста [2, с. 105] и непринятием такого документа, представленного стороной защиты, по мотиву несоблюдения процессуальной формы [10, с. 33]. Тем не менее остается бесспорным то, что наличие по уголовному делу нескольких различных мнений сведущих лиц заметно упрощает функцию суда по установлению обстоятельств, значимых для принятия решения. Обратимся к примеру из судебной практики.

Приговором Чекмагушевского межрайонного суда Республики Башкортостан Ф.Б.Г. осужден по ч. 1 ст. 201 УК РФ за то, что, являясь директором ООО «...», будучи единоличным руководителем Общества, использовал полномочия директора вопреки интересам Общества с целью извлечения имущественной выгоды для себя и тем самым причинил организации существенный материальный вред, а именно приобрел сельскохозяйственную технику и передвижную емкость, которые хранил для эксплуатации в личных целях¹. Для оценки приобретенного Ф.Б.Г. имущества следователь привлек специалиста Отдела МВД по Бакалинскому району Республики Башкортостан, который в своем заключении установил, что рыночная стоимость трактора и емкости с учетом износа составила, соответственно, 896 650 и 24600 руб. В то же время подсудимый и его защитник привлекли

¹ Приговор Чекмагушевского межрайонного суда Республики Башкортостан от 04.12.2017 по уголовному делу № 1-105/2017 // Архив Чекмагушевского межрайонного суда Республики Башкортостан.

для оценки другого специалиста ООО «...», который в своем заключении определил, что рыночная стоимость трактора «Беларус-1221.2» и передвижной емкости заметно ниже и составляет, соответственно, 452 000 и 6100 руб. Таким образом, перед судебным разбирательством в деле наличествовало два разных мнения, изложенных на основе разных методов и подсчетов по одному и тому же вопросу двумя разными специалистами, представляющими два абсолютно разных учреждения. В ходе судебного разбирательства суд оценил каждое заключение и отдал предпочтение заключению, представленному стороной защиты, поскольку посчитал, что оно является обоснованным, мотивированным и согласуется с остальными материалами уголовного дела. Что же касается заключения специалиста Отдела МВД России по Бакалинскому району Республики Башкортостан, то при его оценке суд усмотрел, что выводы эксперта основаны на недостаточном исследовании поставленных перед ним вопросов, не содержат необходимого обоснования, достаточным образом не мотивированы, поэтому данное заключение не может быть принято судом.

В этой ситуации можно увидеть, что представление альтернативного мнения стороной защиты помогло суду в более тщательной оценке имеющегося заключения: разрешение возникшей конкуренции между ними требовало от суда тщательного изучения содержания заключений, их сравнения и способствовало пониманию каждого из них. Так, при ближайшем рассмотрении мотивировки суда в принятии одного заключения и отклонении другого также построены на сравнении путем противопоставления: оценка двух заключений идет в неразрывной связи друг с другом, судом использованы противоположные оценочные суждения (мотивированны/не мотивированны; обоснованны/не содержат необходимого обоснования) и т. д. Едва ли можно предположить возможность такого сравнительного анализа в отсутствии альтернативы.

Здесь же отметим, что заключение специалиста как процессуальная альтернатива заключению эксперта полезна не только своей возможной конкурентоспособностью, но и просто своим фактическим наличием. Зачастую содержание заключения специалиста, представленного стороной защиты, само по себе способствует пониманию судом содержания заключения эксперта, выступает вспомогательным информационным материалом, поскольку в нем могут раскрываться сложные термины, использоваться простые формулировки, а также быть представлены альтернативы методам экспертного исследования. Все это для сторон как минимум потенциальная возможность посеять сомнения в правильности экспертного заключения, аргументация необходимости проведения дополни-

тельной или повторной экспертизы, а для суда – консультативная помощь в оценке заключения эксперта.

Подведем итог сказанному. На качество экспертного заключения положительно влияет процессуальная активность стороны защиты в процедурах назначения и производства экспертизы. В свою очередь, степень этой активности зачастую зависит не только от инициативности защитника, но и от добросовестности следователя или дознавателя. Усиление состязательных начал в процедурах получения сведений с использованием специальных знаний способствует не только поддержанию равноправности, но и обеспечивает получение полного и достоверного заключения эксперта, которое будет оцениваться в последующем судом. Свобода внутреннего убеждения судьи при оценке заключения эксперта прямо зависит от расширения возможностей использования в доказывании альтернативного мнения другого носителя специальных знаний в этой же области – заключения и показаний специалиста. В связи с этим предлагается закрепить в законе правило об обязательности удовлетворения ходатайств сторон о приобщении к делу заключений специалистов и исследовании их в судебном заседании с обязательным отражением результатов такого исследования в тексте судебного решения по делу.

Библиографический список

1. Владимиров Л.Е. Учения об уголовных доказательствах. СПб. : Законоведение, 1910. 331 с.
2. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. М. : Проспект, 2017. 128 с.
3. Иванова Е.В. Некоторые вопросы дифференциации ошибочных и заведомо ложных заключений экспертов по делам о наркопреступлениях // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 22–25.
4. Мишин А.В., Мазуренко П.Н. Проблемы разграничения экспертной ошибки от заведомо ложного заключения эксперта // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 104–106.
5. Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Уголовно-процессуальный аспект дифференциации уголовной ответственности эксперта и специалиста за дачу заведомо ложных показаний и заключений // Legal Concept. 2017. № 3. С. 21–26.
6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М. : Норма, 2006. 479 с.
7. Белкин А.Р. Теория доказательств в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2005. 528 с.

8. Хамова И.Е. Оценка допустимости заключения эксперта в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 233 с.

9. Шейфер С.А. Доказательства и доказывания по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2008. 240 с.

10. Кудрявцева А.В., Морозова Ю.А. Процессуальный статус эксперта и специалиста: общее и особенное // Дифференциация уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : сб. науч. ст. Челябинск : Цицеро, 2015. С. 30–49.

Дата поступления: 05.12.2020

**PROBLEMS IN THE EXERCISE OF THE INDEPENDENCE
OF JUDGES IN ASSESSING AN EXPERT OPINION
IN A CRIMINAL CASE**

GIZATULLIN Irek Alfredovich

*Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: gizatullin-irek@rambler.ru*

The article analyzes some procedural and non-procedural factors that prevent the judge from assessing the expert's opinion in a criminal case freely. The article states that, in the existing law enforcement realities, the expert's opinion acquires the status of an absolute evidence having a pre-determined value. This is due to the de facto lack of competition between the parties in the procedures for appointing and producing an examination, as well as to the difficulty of assessing this type of evidence by a judge in the absence of special knowledge for that. **Purpose:** to develop theoretical provisions justifying the need to improve the procedures for the appointment and production of expert opinions, as well as the assessment of expert opinions by the court, in order to ensure judicial independence. The paper uses the **methods** of system analysis, synthesis, sociological polling and generalization. The author **concludes** that ensuring the freedom of judge's inner conviction when assessing an expert's opinion directly depends on expanding the possibilities of using an alternative opinion of another person with a specialized knowledge in the same area – the expert's opinion and testimony. In this regard, it is proposed that the law should make it mandatory to grant requests by parties for expert opinions to be admitted and

examined in court, and that the results of such research should be reflected in the text of the court decision on the case.

Keywords: forensic examination; expert opinion; judge's inner conviction; professional judgment; independence of judges; proving.

References

1. Vladimirov L.E. *Ucheniya ob ugovolnykh dokazatel'stvah* [Teachings on Criminal Evidence]. Saint Petersburg, Zakonovedenie Publ., 1910. 331 p.
2. Tarasov A.A. *Ekspert i specialist v ugovolnom processe Rossii* [Expert and specialist in criminal proceedings in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 128 p.
3. Ivanova E.V. Some issues of differentiation of erroneous and deliberately false expert opinions in drug-related crimes. *Narkokontrol' = Narcocontrol*, 2014, no. 1, pp. 22–25. (In Russian).
4. Mishin A.V., Mazurenko P.N. Problems of differentiating an expert error from a deliberately false expert opinion. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2018, no. 1, C. 104–106. (In Russian).
5. Tarasov A.A., SHaripova A.R. The criminal procedural aspect of the differentiation of the criminal responsibility of an expert and a specialist for knowingly giving false testimony and opinions. *Legal Concept*, 2017, no. 3, pp. 21–26. (In Russian).
6. Aver'yanova T.V. *Sudebnaya ekspertiza: kurs obshchej teorii* [Forensic Science: General Theory Course]. Moscow, Norma Publ., 2006. 479 p.
7. Belkin A.R. *Teoriya dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve* [Evidence theory in criminal proceedings]. Moscow, Norma Publ., 2005. 528 p.
8. Hamova I.E. *Ocenka dopustimosti zaklyucheniya eksperta v ugovolnom processe Kand. Diss.* [Assessment of the admissibility of an expert opinion in criminal proceedings. Cand. Diss.]. Krasnodar, 2011. 233 p.
9. SHEjfer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvaniya po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 240 p.
10. Kudryavceva A.V., Morozova YU.A. The procedural status of an expert and a specialist: general and specific. *Differenciatsiya ugovalnogo sudoproizvodstva kak garantiya obespecheniya prav uchastnikov ugovalnogo sudoproizvodstva* [Differentiation of criminal proceedings as a guarantee of ensuring the rights of participants in criminal proceedings]. Chelyabinsk, Cicero Publ., 2015, pp. 30–49. (In Russian).

Received: 05.12.2020

**ФАКТОРЫ РОСТА ПРИМЕНЯЕМОСТИ НОРМЫ
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА:
КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

КОСТРОВА Марина Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: kostrovam@mail

Актуальной задачей российского государства в сфере борьбы с преступностью на современном этапе является гуманизация и либерализация уголовного законодательства, в рамках этого уголовно-политического курса вводятся новые и совершенствуются уже существующие нормы об освобождении от уголовной ответственности. Одной из таких новелл стало включение в 2016 г. в УК РФ нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, четырехлетняя практика применения которой свидетельствует о ее широкой востребованности. **Цель:** выявление и анализ факторов, обуславливающих значительный рост применяемости нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, их критическое исследование с учетом отраслевых задач. Исследование проведено с использованием комплекса **методов:** общенаучных (индукции, дедукции, анализа, синтеза, системно-структурного) и частнонаучных (формально-юридического, социологического, статистического). **Результаты:** на основе изучения данных судебной статистики и складывающейся судебной практики выделены три основных фактора роста применяемости нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, оказывающих негативное влияние на решение отраслевых задач: 1) включение в сферу ее применения лиц, к которым в строгом соответствии с текстом закона она применена быть не может; 2) включение в сферу ее применения лиц, совершивших преступления, в отношении которых в последние годы осуществляется политика усиления уголовной ответственности; 3) включение в сферу ее применения лиц, совершивших преступления, основным или дополнительным объектом которых является жизнь человека. Предлагаются авторские

варианты устранения этих факторов на законодательном и правоприменительном уровнях.

Ключевые слова: уголовный закон; преступление; освобождение от уголовной ответственности; судебный штраф; правоприменительная практика; праворазъяснительная практика; задачи уголовного права; факторы роста.

Введенная Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УК РФ норма об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76²), учитывая ее двуединую направленность на экономии уголовной репрессии и на пополнение доходов государства, изначально была «обречена» на востребованность в правоприменительной практике. В пояснительной записке к законопроекту прогнозировалось: «В случае применения статьи 76² УК ... от уголовной ответственности может дополнительно освобождаться порядка 25 тысяч лиц»¹. Эта прогнозная цифра не была достигнута только в 2017 г., начиная же с 2018 г. наблюдается устойчивая тенденция роста применяемости нормы, причем существенно превосходящая ожидания разработчиков законопроекта. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ², количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, составило: в 2017 г. – 20 675 человек, в 2018 г. – 33 329 человек, в 2019 г. – 52 460 человек, а в 2020 г. только за 1-е полугодие – 26 675 человек, то есть превысило цифру, прогнозируемую на год.

Как следует из анализа статистических данных, фактором, в значительной степени обусловившим прирост применяемости нормы, преду-

¹ // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (дата обращения: 23.10.2020).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 23.10.2020) ; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 23.10.2020) ; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 23.10.2020) ; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 23.10.2020) ; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1-е полугодие 2020 года [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения: 23.10.2020).

смотренной ст. 76² УК РФ, является сокращение применяемости нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76). Эти тенденции иллюстрируются в таблице 1.

Таблица 1

**Количество освобожденных
от уголовной ответственности по годам**

Статья УК РФ	Годы				
	2016	2017	2018	2019	1 полугодие 2020
Ст. 76 ²	нет данных	20 675	33 329	52 460	26 675
Ст. 76	157 241	135 951	125 866	106 090	45 546

На обозначенное проявление трансформации структуры освобождения от уголовной ответственности в связи с введением в УК РФ положений о судебном штрафе и их внедрением в судебную практику уже обращалось внимание в уголовно-правовой литературе. Так, Ю.Е. Пудовочкин отмечает: «...в судебной практике обозначена отчетливая тенденция роста объемов применения положений ст. 76.2 УК РФ за счет сокращения применения положений ст. 76 УК РФ. Если соотношение лиц, освобожденных от ответственности по этим основаниям, в 2017 г. составило 1 : 6,5, то в первом полугодии 2019 г. – уже 1 : 2,3» [1, с. 584].

При этом ст. 76² УК РФ стала широко применяться в отношении лиц, совершивших преступления, которые до ее введения в УК РФ в 2016 г. на практике попадали в орбиту действия нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Если, например, из этой группы взять самые распространенные в России преступления – хищения и преступления против здоровья (добавив сюда ст. 119 УК РФ), то, по данным за 2019 г., соотношение обозначенных видов освобождения от уголовной ответственности выглядит следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Освобождено от уголовной ответственности в 2019 году

Статья УК РФ	Виды преступлений					
	кража (ст. 158)	мелкое хище- ние (ст. 158 ¹)	мошенни- чество (ст. 159– 159 ⁶)	присвое- ние или растрата (ст. 160)	гра- беж (ст. 161)	против здоровья (ст. 111– 119)
Ст. 76	44 437	192	4470	1340	2694	35 677
Ст. 76 ²	17 886	117	5404	976	831	3994

Такая трансформация структуры освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о том, что при выборе основания для освобождения лица, совершившего преступление, последствием которого является причинение вреда конкретному потерпевшему, суды нередко отдают предпочтение более обременительному для него. При том что по трем условиям (совершение преступления небольшой или средней тяжести, совершение лицом преступления впервые, заглаживание вреда, причиненного преступлением), обозначенным в ст. 76 и 76² УК РФ, они совпадают, освобождение от уголовной ответственности по ст. 76² требует еще и уплаты судебного штрафа. Поэтому в специальной литературе освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа характеризуется как «самое условное и строгое» [2], «содержащее элемент кары» [3].

Выявленный фактор, как думается, не оказывает негативное влияние на решение задач уголовного права, хотя и не способствует улучшению имиджа отрасли ввиду явной направленности на пополнение доходов государства.

Вместе с тем при анализе статистических данных и итоговых судебных решений обнаруживается ряд факторов, обуславливающих прирост нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, которые, как думается, требуют критической оценки, поскольку оказывают негативное влияние на решение отраслевых задач. Не претендуя на полноту охвата, к их числу представляется возможным отнести следующие.

1. Включение в сферу применения нормы лиц, к которым в строгом соответствии с текстом закона она применена быть не может.

Статьей 76² УК установлена совокупность трех условий для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: 1) совершение преступления небольшой или средней тяжести; 2) совершение преступления впервые; 3) возмещение лицом, совершившим преступление, ущерба или заглаживание иным образом вреда. Соответственно, при отсутствии хотя бы одного из этих условий лицо не подлежит освобождению от уголовной ответственности. Также из корреспондирующих ст. 76² предписаний ст. 104⁴ УК РФ следует, что данный вид освобождения является условным и требует уплаты виновным лицом судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера: «Судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности... В случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок судебный штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности...».

Тем не менее в судебной практике встречаются решения об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, не соответствующие обозначенным условиям, например третьему: «...причиненный преступлением ущерб возмещен в полном объеме ... представитель потерпевшего не имеет претензий к обвиняемым, поскольку все похищенное было изъято и подлежит возвращению законному владельцу – ОАО "РЖД"...»¹; «Бабугоев И.А. внес на счет СУ СК России по Кабардино-Балкарской Республике полученные ... в качестве взятки ... денежные средства в сумме 20 000 рублей и тем самым возместил причиненный ущерб...»². Не останавливаясь далее на обсуждении такой явно противоречащей закону правоприменительной практики, отметим, что гораздо чаще встречается «вынужденное» применение нормы не в точном соответствии с ее текстом, а на основе широкого толкования Верховным Судом РФ. «Вынужденное» оно потому, что «в российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически – исходя из полномочий вышестоящих судебных

¹ Постановление Харабалинского районного суда Астраханской области от 20.05.2020 по делу № 1-80/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YCvfx0HZ3CoR> (дата обращения: 24.10.2020).

² Постановление Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 22.12.2017 по делу № 1-872/2017 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/LknaQOFnOeVP> (дата обращения: 24.10.2020).

инстанций по отмене и изменению судебных актов – является обязательным для нижестоящих судов на будущее время»¹.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», всем трем условиям освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, обозначенным в ст. 76² УК РФ, придается более широкое значение, чем это следует из ее текста, например: «Совершение ... лицом впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует освобождению его от уголовной ответственности на основании статьи 76² УК РФ» (п. 16.1); «Возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда ... могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами» (п. 3). Соответственно складывается и правоприменительная практика. В частности, при наличии реальной совокупности двух², трех³, четырех⁴ и даже шести⁵ преступлений лицо может быть признано совершившим преступление впервые. А возмещение ущерба, например только двумя из четырех соучастников преступления, не становится препятствием для освобождения от уголовной ответственности тех соучастников, которые данное

¹ По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение "Берег"», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод "Микропровод"» и «Научно-производственное предприятие "Респиратор"»: постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision23725.pdf> (дата обращения: 23.10.2020).

² Постановление Костомукшского городского суда Республики Карелия от 24.04.2020 по делу № 1-72/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9ZX9oszeujUl> (дата обращения: 24.10.2020).

³ Постановление Ленинского районного суда г. Кирова от 14.02.2018 по делу № 1-124/2018 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/bU1moz3PIxZ> (дата обращения: 24.10.2020).

⁴ Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 19.05.2020 по делу № 22-1615/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GskY3xdZIJrg> (дата обращения: 24.10.2020).

⁵ Постановление Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 22.12.2017 по делу № 1-872/2017 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LknaQOFnOeVP> (дата обращения: 24.10.2020).

условие лично не выполнили: «...не всеми обвиняемыми предприняты меры к возмещению ущерба, либо заглаживанию вреда, причиненного преступлением, а только лишь ФИО1 и ФИО2... Поскольку преступления ... совершались по предварительному сговору группой лиц, то соответственно возмещение ущерба обвиняемыми ФИО1 и ФИО2 полностью каждому из потерпевших по каждому преступлению, затрагивают права и законные интересы ... и других обвиняемых ФИО3, ФИО4, поскольку вред возмещен по преступлениям, совершенным обвиняемыми в соучастии»¹ (пунктуация первоисточника сохранена – М. К.).

Как показывает анализ судебной практики, прирост применяемости нормы, предусмотренной ст. 76² УК РФ, происходит также за счет лиц, к которым она применена быть не может в силу отсутствия у них личных средств, необходимых для уплаты судебного штрафа. В решениях такого рода при характеристике личности виновного может быть указано, что он не работает², а при характеристике совершенного преступления – «...не имея официального источника дохода...»³; «...не имея легального источника дохода, испытывая финансовые трудности и не желая зарабатывать денежные средства законным оплачиваемым трудом...»⁴. При этом фактические обстоятельства, на основании которых суд пришел к выводу о возможности уплаты судебного штрафа, не приводятся. Обращает на себя внимание тот факт, что все судебные решения, выдержки из которых приведены, принимались при возмещении вреда конкретному

¹ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 17.03.2020 по делу № 22-852/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0iqG8elyu6lJ> (дата обращения: 24.10.2020).

² Постановление Харабалинского районного суда Астраханской области от 20.05.2020 по делу № 1-80/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BCPJ4WLw4CWc> (дата обращения: 24.10.2020) ; постановление Туркменского районного суда Ставропольского края от 08.05.2020 по делу № 1-39/2020 и от 20.05.2020 по делу № 1-40/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2R1710o1X9lK> (дата обращения: 24.10.2020)

³ Постановление Котельничского районного суда Кировской области от 15.07.2019 по делу № 1-142/2019 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZZisoi7YLx5j> (дата обращения: 24.10.2020).

⁴ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 17.03.2020 по делу № 22-852/2020 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Rjrjh3w8AD6C> (дата обращения: 24.10.2020).

потерпевшему, поэтому имелась возможность освобождения виновного от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, то есть применения более льготного основания.

В этой части правоприменительная практика также формируется под воздействием праворазъяснительной практики Верховного Суда РФ, в частности в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г., в п. 5 разъяснено: «Имущественное положение лица и отсутствие источника дохода не препятствуют освобождению его от уголовной ответственности и применению меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа ... необходимость выяснения имущественного (материального) положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, предусмотрена исключительно при определении размера судебного штрафа (ч. 2 ст. 104⁵ УК РФ)». Однако, как представляется, при отсутствии источника дохода у лица, совершившего преступление, нетрудно спрогнозировать уплату судебного штрафа не лично им, а другими лицами от его имени либо за счет средств, полученных в результате совершения преступления (того, за которое он освобожден от уголовной ответственности или которое может совершить в будущем).

Охарактеризованный в данном блоке фактор роста применяемости нормы, предусмотренной ст. 76² УК РФ, оказывает, по моему убеждению, негативное влияние на решение отраслевой задачи, закрепленной в ч. 1 ст. 2 УК РФ, – предупреждения преступлений. Предоставление самой большой по меркам уголовного права льготы в виде освобождения от уголовной ответственности лицу, совершившему преступление, при отсутствии прямо требуемого уголовным законом его личного вклада в свое освобождение либо лицу, совершившему не одно, а совокупность двух или более преступлений, не способствует решению этой задачи, поскольку порождает убеждение в возможности совершения новых преступлений без адекватного уголовно-правового реагирования.

2. Включение в сферу применения нормы, предусмотренной ст. 76² УК РФ, лиц, совершивших преступления, в отношении которых в последние годы осуществляется политика усиления уголовной ответственности, имеющая своим результатом криминализацию либо пенализацию.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа имеет место при совершении преступлений небольшой и средней тяжести, предусмотренных ст. 222¹ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных уст-

ройств», ст. 264¹ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 204¹ «Посредничество в коммерческом подкупе», ст. 204² «Мелкий коммерческий подкуп», ст. 291² «Мелкое взяточничество», ст. 205⁶ «Несообщение о преступлении», ст. 171³ «Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», ст. 171⁴ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 322¹ «Организация незаконной миграции». Приrost применяемости ст. 76² УК РФ за счет включения в сферу ее действия этих преступлений представляется неоправданным, поскольку по ним осуществляется уголовно-политический курс на усиление уголовной ответственности (в частности, за преступления террористической, экстремистской и коррупционной направленности, связанные с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, за нелегальный оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции), однако реализация этого направления уголовной политики нивелируется практикой освобождения от уголовной ответственности.

В связке с первым фактором отметим, что имеют место случаи освобождения от уголовной ответственности по ст. 76² УК РФ лиц, совершивших не одно, а несколько таких преступлений. К примеру, уже упомянутый Бабугоев И.А. совершил 6 коррупционных преступлений – 2 мелких взяточничества и 4 служебных подлога.

Применение ст. 76² УК РФ в отношении лиц, совершивших мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп, представляется особенно неоправданным, его динамика иллюстрируется в таблице 3.

Таблица 3

Применение статьи 76² УК РФ в отношении лиц, совершивших мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп

Статья УК РФ	Осуждено, годы 2017+2018+2019 + 1 полугодие 2020	Освобождено на основании ст. 76.2, годы 2017+2018+2019 + 1 полугодие 2020
Ст. 204 ²	35+15+15+2	8+2+10+4
Ст. 291 ²	2495+2408+1884+700	244+312+459+304

Обращает на себя внимание не только стабильный ежегодный прирост количества лиц, совершивших мелкое взяточничество и освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, но и их соотношение с количеством осужденных по ст. 291² УК РФ. Как видим, в отдельные годы это соотношение достигало почти четверти (2019 г.) и даже половины (1 полугодие 2020 г.). А по мелкому коммерческому подкупу в 2019 г. на 15 осужденных пришлось 10 освобожденных, в 1 полугодии 2020 г. количество освобожденных превысило количество осужденных, и хотя цифры эти незначительны, они ярко иллюстрируют направленность правоприменительной практики. Между тем эти преступления, несмотря на названность их «мелкими», отнесены к числу коррупционных, соответственно, на них распространяется принцип неотвратимости ответственности, установленный на национальном уровне (см. ст. 3 Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции»), в том числе с целью выполнения международных обязательств (см., например: Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.).

Очевидно, что проанализированный в данном блоке фактор роста применяемости нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа оказывает негативное влияние на решение отраслевой задачи, закрепленной в ч. 1 ст. 2 УК РФ, – охраны от преступных посягательств социальных ценностей (как перечисленных в ней, так и обозначенных в Особенной части УК РФ), для решения которой, в частности в рамках политики усиления уголовной ответственности, и осуществляется криминализация и пенализация.

3. Третий фактор – включение в сферу применения нормы, предусмотренной ст. 76² УК РФ, лиц, совершивших преступления, основным или дополнительным объектом которых является жизнь человека. Связанные с этим проблемы уже были предметом авторского анализа [4], поэтому в настоящей статье отметим лишь следующее.

При том что в ст. 76² УК РФ в качестве условия для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа указано совершение преступления небольшой или средней тяжести, в Особенной части УК РФ к этим категориям отнесены все виды убийств с привилегированными составами, а также значительное количество неосторожных преступлений и преступлений с «двойной» формой вины, составы которых включают общественно опасное последствие в виде смерти одного, двух или более лиц. Все эти преступления, с одной стороны, подпадают под

действие нормы, предусмотренной ст. 76² УК РФ. Но, с другой стороны, ее диспозитивность («лицо ... может быть освобождено...») позволяет не применять ее в отношении лиц, совершивших такие преступления, поскольку жизнь человека – самый ценный из объектов уголовно-правовой охраны, занимающий, к тому же высшее место в иерархии конституционных ценностей. Однако она применяется, что следует из статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Для иллюстрации в таблицу 4 отобраны наиболее распространенные виды преступлений этой группы, при совершении которых происходит освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108); причинение смерти по неосторожности (ст. 109), в том числе двум или более лицам (ч. 3); нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ (ст. 216), повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2), двух или более лиц (ч. 3); нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264), повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3, 4), двух или более лиц (ч. 5).

*Таблица 4***Освобождено от уголовной ответственности по статье 76² УК РФ**

Годы	Ст. 108 ч. 1	Ст. 109 ч. 1	Ст. 109 ч. 2	Ст. 109 ч. 3	Ст. 216 ч. 2	Ст. 216 ч. 3	Ст. 264 ч. 3	Ст. 264 ч. 4	Ст. 264 ч. 5
2017	4	29	20	5	35	0	60	4	9
2018	13	95	52	5	62	0	146	6	13
2019	20	131	64	12	86	1	202	9	12
1 полугодие 2020	5	71	34	4	52	2	115	3	2

Данный фактор роста, по моему представлению, даже не нуждается в комментировании. Беснаказанность лиц, совершивших посягательства на самый ценный объект уголовно-правовой охраны и освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, безусловно, оказывает негативное влияние на решение всех отраслевых задач.

С учетом изложенного все три выявленных фактора роста применяемости нормы, предусмотренной ст. 76² УК РФ, требуют устранения.

Второй и третий факторы, как думается, могут быть устранены на законодательном уровне. Для этого достаточно установить в 76² УК РФ ограничения по кругу преступлений, введя запрет на освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лиц, совершивших: 1) преступления, посягающие либо сопряженные с посягательством на жизнь человека, либо повлекшие по неосторожности смерть человека; 2) преступления других видов, по которым государство посчитало нужным осуществление политики усиления уголовной ответственности. Устранить первый фактор гораздо сложнее, поскольку для исключения из сферы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лиц, к которым в строгом соответствии с текстом закона она применена быть не может, нужна существенная корректировка сложившейся под воздействием праворазъяснительной практики Верховного Суда РФ практики правоприменительной. Не предлагая иллюзорных вариантов типа изменения позиций Верховного Суда РФ, можно лишь порекомендовать судам развернуто мотивировать отказ в ее применении ссылками на конкретные, максимально индивидуализированные фактические данные о совершенном преступлении, о личности виновного и его посткриминальном поведении, убедительно доказывающие отсутствие основания для применения ст. 76² УК РФ.

Библиографический список

1. Пудовочкин Ю.Е. Социально-криминологическая характеристика освобождения от уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 4. С. 581–592.
2. Толкаченко А.А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8. С. 18–27. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=110277419406160917699296249&cacheid=D8C6ED5987B60D8EFAD2FE3E1F8159FE&mode=splus&base=CJI&n=131378&rnd=39D954F4EF3C58C1B56A76134D8A6E22#2noo6hfws94>.
3. Давлетов А.А. Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа как универсальная форма освобождения лица от уголовной ответственности по компромиссным основаниям // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 29–32. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=110277419406160917699296249&cacheid=5317A4CE7878E2C71632708FE7B15B9A&mode=splus&base=CJI&n=129851&rnd=39D954F4EF3C58C1B56A76134D8A6E22#b5akrggoc94>.

4. Кострова М.Б. Освобождение виновного от уголовной ответственности в случаях смерти потерпевшего: проблемы законодательной регламентации и практики применения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат. XVII Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 541–547.

Дата поступления: 29.10.2020

**FACTORS CONTRIBUTING TO THE INCREASED
APPLICABILITY OF THE RULE PROVIDING FOR EXEMPTION
FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE IMPOSITION
OF A COURT FINE: CRITICAL RESEARCH**

KOSTROVA Marina Borisovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: kostrovam@mail

The urgent task of the Russian State in combating crime at the current stage is to humanize and liberalize criminal legislation, new and existing rules on exemption from criminal liability are being introduced and improved as part of this policy. One of these new laws was the inclusion in the Criminal Code in 2016 of a provision on exemption from criminal liability with the imposition of a court fine, the four-year practice of which indicates its widespread demand. The **purpose** of the paper is to identify and analyze the factors that cause a greatly increased applicability of the rule providing for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine, their critical research, with respect to sectoral objectives. The study is carried out using a set of **methods** – general scientific (induction, deduction, analysis, synthesis, systemic and structural method) and specific scientific (formal legal, sociological, statistical). **Results:** on the basis of the analysis of judicial statistics and emerging judicial practice, the author identifies three main factors of the increased applicability of the rule providing for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine, which have a negative impact on the performance of sectoral tasks: 1) inclusion in its scope of persons to whom it cannot be applied in strict accordance with the law; 2) inclusion in its scope of persons who have committed offences for which the policy of increasing criminal liability has been im-

plemented in recent years; 3) inclusion in its scope of persons who have committed crimes whose main or additional target is human life. The author proposes original options for eliminating these factors at the legislative and law enforcement levels.

Keywords: criminal law; crime; exemption from criminal liability; court fine; law enforcement practice; law expository practice; tasks of criminal law; growth factors.

References

1. Pudovochkin Yu.E. Socio-criminological characteristics of the exemption from criminal liability. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 4, pp. 581–592. (In Russian).
2. Tolkachenko A.A. Modern features of the implementation of the rules on exemption from criminal responsibility and punishment. *Sud'ya = Judge*, 2020, no. 8, pp. 18–27. Available at: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=110277419406160917699296249&cacheid=D8C6ED5987B60D8EFAD2FE3E1F8159FE&mode=splus&base=CJI&n=131378&rnd=39D954F4EF3C58C1B56A76134D8A6E22#2noo6hfws94>. (In Russian).
3. Davletov A.A. Termination of a criminal case with the appointment of a court fine as a universal form of releasing a person from criminal liability on a compromise basis. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2020, no. 4, pp. 29–32. Available at: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=110277419406160917699296249&cacheid=5317A4CE7878E2C71632708FE7B15B9A&mode=splus&base=CJI&n=129851&rnd=39D954F4EF3C58C1B56A76134D8A6E22#b5akrggoc94>. (In Russian).
4. Kostrova M.B. Release of the perpetrator from criminal liability in cases of death of the victim: problems of legislative regulation and practice of application. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal law: development strategy in the XXI century]. Moscow, RG-Press Publ., 2020, pp. 541–547. (In Russian).

Received: 29.10.2020

УДК 340

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.31

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕДАКТИРОВАНИЯ ГЕНОМА
ЗАРОДЫШЕВОЙ ЛИНИИ ЧЕЛОВЕКА¹**

ПЕСТРИКОВА Анастасия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Россия.

E-mail: anastasia801@yandex.ru

ХОЛОПОВА Елена Николаевна

доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, старший научный сотрудник Юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград, Россия.

E-mail: elchol@mail.ru

В статье обоснована необходимость установления правовых принципов использования генных модификаций в эмбрионах и репродуктивных клетках человека; выделены проблемы редактирования генома, не имеющие однозначного решения на современном этапе, требующие осмысления правовой наукой, в том числе на международном и национальном уровнях. **Цель:** на основе анализа законодательства зарубежных стран доказана необходимость доступности и открытости международному сообществу информации о безопасности применения технологий генного редактирования зародышевой линии человека, выделения новых форм научной деятельности, ориентированных на работу с общественным мнением, по проблемам использования генетических технологий. **Методы:** использованы методы сравнительно-правового анализа, формальной логики, описания, статистические методы, метод толкования правовых норм. **Результаты:** главной задачей на современном этапе для правового сообщества является разработка правовых принципов регулирования об-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Этико-правовые принципы геномных исследований: пределы вмешательства в права человека» № 18-29-14015 мк. Исследование выполнено в рамках Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в Национально-исследовательском университете «Высшая школа экономики».

публичных отношений в области генной инженерии и биомедицинских технологий. При этом важнейшей составляющей является формирование общественного участия и активного вовлечения общественных институтов в формирование правовой среды для построения системы правовых норм, отвечающих реалиям научного прогресса и максимально защищающих права и интересы каждого человека и человечества в целом.

Ключевые слова: геномное редактирование; геном человека; генная инженерия; правовое регулирование биотехнологий и генной инженерии; глобализация правовых норм.

Технология CRISPR/Cas9 на современном этапе развития геномной инженерии является передовой технологией редактирования генома, включая геном человека. Доступность, простота, безопасность и относительно низкая стоимость оказали существенное влияние на ее распространение. Технология может использоваться также для редактирования генома растений и животных. По мнению ученых из многих стран, появился метод, который позволит контролировать случайность эволюционных процессов во всей природе [1]. Отдельные исследователи отмечают, что к 2017 г. статей, описывающих научные эксперименты с использованием CRISPR/Cas9, было втрое больше, чем за весь предыдущий период использования других технологий редактирования генома [2].

С проведением и опубликованием результатов научных исследований по новой технологии редактирования генов CRISPR/Cas9 возникают новые аспекты использования достижений генной инженерии при редактировании зародышевых линий человека. Генная инженерия открывает возможности для родителей по использованию редактирования генома своих будущих детей, что может свидетельствовать о беспрецедентном контроле над их характеристиками (внешние данные и свойства характера, способности, склонности к заболеваниям и состояниям организма). Однако использование геномного редактирования в отношении человека порождает этические, моральные и правовые проблемы, оказывающие влияние как на применение данной технологии, так и на дальнейшее ее развитие.

Опросы общественного мнения показывают, что люди поддерживают соматическое (не репродуктивное) редактирование, когда изменение проводится в соматических клетках и не передается следующим поколениям, а репродуктивное – только в той мере, в которой оно не затрагивает немедицинские причины (то есть отрицательное отношение по использованию генетического редактирования для отбора качеств, свойств, внутренних и внешних характеристик человека) [3; 4].

Проведение клинических испытаний с использованием технологии CRISPR/Cas9 [5, р. 36–38] планируется во всех государствах мира, так как это самый простой и эффективный метод геномной инженерии [6]. Именно поэтому встал вопрос об общественной дискуссии относительно рисков и выгод, особенно с учетом возможности использования ее в редактировании генома человека. Вопрос международного характера заключается в необходимости установления правовых принципов использования генных модификаций в эмбрионах и репродуктивных клетках человека. Важно определить ряд проблем, которые неизбежно возникнут перед международным правовым сообществом [7]. Результаты исследования позволили выделить следующие проблемы, требующие осмысления правовой наукой, в том числе на международном и национальном уровнях, не имеющие однозначного решения на современном этапе: если рассматривать редактирование генома как форму лечения, то это лечение бесплодия родителей или будущего ребенка; как получать информированное согласие при редактировании генов; можно ли использовать генное редактирование не для лечения определенного заболевания, а для выработки иммунитета; кто несет ответственность за проведенное редактирование и временные рамки привлечения к такой ответственности; оценка обоснованного риска при геномном редактировании (нерешенной проблемой технологии CRISPR/Cas9 остается высокая вероятность нежелательных изменений в случайных изменениях генома).

В США формального запрета на редактирование зародышевой линии не существует, действует система косвенных запретов. Национальный институт здравоохранения, который контролирует финансирование исследований в США, запрещает федеральное финансирование таких исследований, однако частное финансирование разрешено [8]. С декабря 2015 г. Конгресс США регулярно использует поправку к законопроекту о финансировании Управления по контролю за продуктами и лекарствами (FDA) о том, что любые заявки на исследования, связанные с имплантацией генномодифицированных эмбрионов, будут отклоняться как незаконные [9]. Однако в июне 2019 г. несколько законодателей-демократов предложили отменить запрет на генетическое редактирование зародышевой линии [10].

Великобритания стоит на пороге разрешения технологии редактирования генома человека. В этой стране с 2015 г. разрешена митохондриальная замена [11]. Согласно Акту об оплодотворении и эмбриологии человека 1990 г. любое использование гамет и эмбрионов вне тела запрещено, если осуществляется без лицензии Управления по оплодотворению и эмбриологии человека. При этом лицензия не может быть получена, если ядерная или митохондриальная ДНК какой-либо клетки эмбриона были

изменены, то есть редактирование зародышевой линии человека для имплантации запрещено, за исключением уже описанной технологии митохондриальной замены в целях предотвращения серьезных митохондриальных заболеваний¹.

Информация о безопасности применения технологий генного редактирования должна быть доступна и открыта международному сообществу. Недостаточная осведомленность о проблемах безопасности серьезно влияет на возможности исследователей информировать испытуемых о потенциальных рисках, проводить дальнейшие безопасные исследования. Упускаются достаточно важные закономерности в побочных эффектах при использовании генетических технологий, когда одни исследователи не сообщают о своих негативных результатах, другие не могут корректировать свои протоколы и процедуры информированного согласия на основе новых данных. Пациенты лишаются возможности объективно оценить риски и преимущества терапии [12]. В частности, FDA предложили внести изменения в регламент при направлении заявки на биологическое лицензирование, предусматривающее публичное раскрытие новых отчетов о безопасности исследуемых препаратов. Изменения впоследствии были отозваны².

Рассматривая возможности использования генетической модификации зародышевой линии человека, стоит обратить внимание на ее терапевтическую цель. 25 ноября 2018 г. китайский ученый He Jiankui заявил о своем эксперименте с генетически модифицированными близнецами [13]. До этого эксперимента преднамеренное внесение постоянных наследуемых изменений в гены человеческого эмбриона и имплантация его в матку представляли собой «моральную границу», которая запрещена в большинстве стран и сегодня [14]. Несмотря на все преимущества данной технологии, она имеет риски. Главный риск – потенциальный «эффект вне мишени», то есть возникновение новых непреднамеренных мутаций при вмешательстве CRISPR [15]. Ведь китайские близнецы были отредактированы для устойчивости к ВИЧ, то есть формально отсутствовала терапевтическая цель. Сложно также соблюсти баланс положительных и негативных последствий генетического редактирования. Пример с китайскими близнецами, по мнению некоторых ученых, свидетельствует о том,

¹ The Human Fertilisation and Embryology (Mitochondrial Donation) Regulations 2015 (S.I 2015 No. 572).

² Availability for Public Disclosure and Submission to FDA for Public Disclosure of Certain Data and Information Related to Human Gene Therapy or Xenotransplantation, 66 Fed. Reg. 4688 (proposed Jan. 18, 2001) Withdrawal of Two Proposed Rules, 81 Fed. Reg. 79400 (withdrawn Nov. 14, 2016).

что благо здесь достаточно условно, ведь резистентность к ВИЧ повышает уязвимость к заражению вирусом Западного Нила и гриппа [16].

Международный этический совет Наффилда считает, что установление медицинской границы для того, чтобы остановить или контролировать генетические модификации, слишком проблематично, поэтому необходимо создать новый нормативно-этический стандарт – генетическое вмешательство должно служить благополучию будущего ребенка (априори нет никакой причины, чтобы проводить генетическое редактирование только в терапевтических целях, поскольку любые цели, выходящие за эти рамки, можно согласовать с благосостоянием будущего ребенка) [17].

Таким образом, медицинская граница (вмешательство только терапевтического или профилактического характера) расширяется до улучшения здоровья человека [18], что может привести к новым формам стигматизации и дискриминации¹. Бесспорно, при всей индивидуальности генома конкретного человека и необходимости защиты личных прав стоит обратить внимание на то, что геном человека, образно говоря, принадлежит всему человечеству [19] и является его наследием (ст. 1 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека). Основная позиция Совета Наффилда в отношении редактирования зародышевой линии человека, которая заслуживает одобрения, это соотношение принципов благосостояния будущего человека и социальной справедливости и солидарности. Той же позиции придерживается Национальная академия США по науке, инженерии и медицине (NASEM – The National Academies of Sciences, Engineering and Medicine), обращая внимание на принципы защиты и поощрения здоровья и благополучия людей, на подход к новым технологиям с пристальным вниманием к постоянно меняющейся информации и научным открытиям, уважение прав личности, защиту от нежелательных социальных последствий, справедливое распределение выгод и негативных последствий от научных открытий в области редактирования генома человека [20]. Принцип уважения личности требует признания личного достоинства всех людей, центральной роли личного выбора и уважения индивидуальных решений.

Однако единого подхода на международном уровне нет, что и вызывает опасения правового сообщества [14; 21]. Это создает возможность для репродуктивного туризма, когда люди пересекают национальные границы в поисках подходящих условий вспомогательных репродуктивных технологий, таких как суррогатное материнство, использование донор-

¹ International Bioethics Committee, Report of the IBC on Updating Its Reflection on the Human Genome and Human Rights, UNESCO, SHS/YES/IBC-22/15/2 REV.2 (Paris, October 2, 2015), sub 107.

ских гамет, отбор эмбрионов и пр. [22]. Сложность правового регулирования непроверенных и недоказанных медицинских вмешательств в глобальном масштабе четко продемонстрирована ростом частной индустрии медицинских услуг по лечению стволовыми клетками [23].

Следует согласиться с мнением Jennifer Doudna и Emmanuelle Charpentier (ученые из команды CRISPR discovery, которые в 2020 г. получили Нобелевскую премию за свое открытие), что эпоха редактирования генома поднимает этические вопросы, которые должны быть решены учеными и обществом совместно. Необходимо обосновать выгоды и минимизировать риски таких исследований, регулировать ответственное использование технологий под контролем государства и международного сообщества, не тормозя тем самым научный прогресс [24]. Важно определить несколько ключевых моментов при обсуждении вопросов редактирования генома человека, отграничить технические аспекты безопасности и эффективности от морально-этических, обосновать процесс использования редактирования генома во вспомогательных репродуктивных технологиях.

Приведенные примеры решения проблем, возникающих в отдельных областях развития геномных исследований, свидетельствуют о том, что международное сообщество озабочено поиском ответа на вопрос о введении общих начал (принципов) регулирования. Применительно к геномным исследованиям происходит столкновение различных интересов как субъектов исследований и разработки новых технологий, так и пользователей (потребителей) этих результатов. Личная и коммерческая выгода могут являться существенным обоснованием отказа от следования общим принципам ограничений в отношении тех технологий, которые несут потенциальную опасность человечеству и будущим поколениям. Но у биоэтики есть внутренние ресурсы для выработки регуляторов, позволяющие достичь некоторого баланса интересов.

Отдельные ученые, участвуя и проводя научные эксперименты, не расценивают полученные результаты своих исследований или открытий как что-то неестественное или вызывающее тревожность в этическом, моральном или правовом смыслах. Поэтому, например, общественное обсуждение действий китайского ученого по рождению модифицированных близнецов являет собой пример своеобразного примирения научного результата с общественным мнением, а значит, и с принятием такого научного опыта. В научном сообществе обсуждается проблема целесообразности при проведении геномных исследований, совмещение в рамках одной структуры научного исследования с исследованием моральных и правовых условий и последствий осуществления самого научного исследования.

Результаты анализа опроса экспертов¹ по данной проблеме показали, что 7 % респондентов считают, что такое совмещение просто недопустимо, так как ученый и так должен видеть все общественные угрозы; 14,4 % утверждают, что ученый в принципе не может видеть те общественно значимые угрозы, которые наблюдает профессионал нового типа – биоэтик; 39,6 % настаивают на том, что такое совмещение необходимо, так как ученый диагностирует угрозы в домене природы как внешние, не зависящие от человека, а философ осуществляет ту же процедуру, но при этом обнаруживает внутренние угрозы, обусловленные попытками технически контролировать внешнюю угрозу; 35,2 % считают, что такие исследования должны быть различны, так как моральный философ указывает на опасность превращения человека, выступающего в качестве испытуемого в геномных исследованиях или донора генетических материалов, в зависимый объект научных манипуляций («подопытного кролика»), на возможность нанесения ему морального ущерба и предлагает свои методы защиты человека как личности (моральные правила проведения научных исследований и геномных манипуляций); 3,4 % затруднились ответить.

Современный акцент на научные разработки в области биомедицины и геной инженерии как источник экономического роста и национального престижа приводит к ускорению объема научных исследований за пределами любых моральных, этических, правовых границ. В настоящее время есть клиники, изъявившие желание изучить для дальнейшего внедрения опыт китайского ученого по геной модификации эмбриона человека [25]. Опыт показывает, если одна клиника внедряет инновации, то вскоре весь сектор развивается в этом направлении. В этой связи отсутствие общественного протеста может восприниматься как молчаливое согласие. Большинство научных исследований в данной области не учитывают иные результаты (оборотную сторону), а сопровождаются тезисом об «облегчении человеческих страданий». Вместе с тем одновременно могут создаваться новые, качественно иные человеческие страдания. Научные исследования продолжают продвигаться с учетом только критериев безопасности и эффективности, но не ставятся вопросы о распределении выгод и рисков, сложностях глобального регулирования, установлении правовых механизмов управления и контроля.

¹ При проведении исследования было опрошено 55 экспертов (30 из них – специалисты в области медицины, генетики, биологии, философии, имеющие ученые степени в соответствующей области, ведущие исследования по направлениям, связанным с гено-инженерной деятельностью; 25 человек – специалисты в области права).

Таким образом, при обсуждении полученных и планируемых научных результатов важно разделять технические и морально-этические аспекты. Необходимо понимать, что интересы государства и разработчиков всегда будут превалировать над интересами общества, поэтому невовлечение общественных институтов в обсуждение имеет свой интерес – нет конфронтации и активного сопротивления (как это было продемонстрировано на примере с протестами против ГМО продукции). На современном этапе необходимо выделение новых форм научной деятельности, ориентированных на работу с общественным мнением по проблемам использования генетических технологий. Именно сейчас важно изучать тенденции, связанные со способами социального и внутрипрофессионального регулирования исследовательского процесса и конфликтных ситуаций, возникающих при распространении новых генетических технологий, продолжать работу по формированию концепции правового регулирования генной инженерии как на международном, так и на национальном уровне.

Библиографический список

1. Ishii T. Germ line genome editing in clinics: the approaches, objective and global society. *Brief Funct Genomics*. 2017. № 16 (1). С. 46–56. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5291189>.
2. Elsevier. Gene Editing Research. URL: <https://www.elsevier.com/research-intelligence/campaigns/crispr>.
3. Hendriks S., Giesbertz N.A.A., Bredenoord A.L., Repping S. Reasons for being in favour of or against genome modification: A survey of the Dutch general public. *Human Reproduct Open* 2018(3). URL: <https://doi.org/10.1093/hropen/hoy008>.
4. Lawton G. Hope for the future // *New Scientist*. 2018. № 239 (3196). P. 6–7.
5. Baltimore D., Berg P., Botchan M., Carroll D., R. Charo, Church G., Jacob E.C., Daley G., Doudna J. and Fenner M. A prudent path forward for genomic engineering and germline gene modification // *Science*. 2015. Vol. 348, iss. 6230. P. 36–38.
6. Kahn J. The Crispr Quandary // *New York Times*. 2015. 9 Nov. URL: <http://www.nytimes.com/2015/11/15/magazine/the-crispr-quandary.html>.
7. Beriain M., Cano M. Gene editing in human embryos. A comment on the Ethical Issues Involved // *The ethics of reproductive, philosophy and medicine* / ed. M. Soniewicka. 2018. Vol. 128. P. 173–187.
8. NIH Director Francis Collins, Statement on NIH Funding of Research Using Gene-editing Technologies in Human Embryos. 2015. 28 Apr.

URL: <https://www.nih.gov/about-nih/who-we-are/nih-director/statements/statement-nih-funding-research-using-gene-editing-technologies-human-embryos>.

9. Cohen G., Adashi E. The FDA is prohibited from going germline // Science. 2016. Vol. 353, iss. 6299. P. 545–546.

10. Facher L. Why Democrats Reopened the Debate About Germline Gene Editing // STAT. 2019. 18 June. URL: <https://www.statnews.com/2019/06/18/democrats-reopened-debate-about-germline-editing>.

11. Mason R., Devlin H. MPs Vote in Favour of «Three-Person Embryo» Law // Guardian. 2015. 3 Feb. URL: <https://www.theguardian.com/science/2015/feb/03/mps-vote-favour-three-person-embryo-law>.

12. Friedmann T. Principles for Human Gene Therapy Studies // Science. 2000. Vol. 287, iss. 5461. P. 2163–2165.

13. Пестрикова А.А. Формирование этико-правовых способов контроля за научными исследованиями в области развития и использования генетических технологий // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 157–167.

14. Araki M, Ishii T. International regulatory landscape and integration of corrective genome editing into in vitro fertilization. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-019-0319-5>.

15. Xiang J.K. et al. Addressing challenges in the clinical applications associated with CRISPR/Cas9 technology and ethical questions to prevent its misuse // Protein & Cell. 2017. № 8 (11). P. 791–795.

16. Regalado A. China's CRISPR twins might have had their brains inadvertently enhanced // MIT Technology Review. 2019. 21 Feb. URL: <https://www.technologyreview.com/2019/02/21/137309/the-crispr-twins-had-their-brains-altered>.

17. Boggio A., Romano C., Almqvist J. (eds.) Human Germline Modification and the Right to Science // A Comparative Study of National Laws and Policies. 2020. 29 Aug. P. 309–344.

18. Adachi E., Cohen G. The Ethics of Heritable Genome Editing: New Considerations in a Controversial Area // JAMA. The Journal of the American Medical Association. 2018. № 320 (24).

19. Hasson K., Darnovsky M. Gene-edited babies: no one has the moral warrant to go it alone // Guardian. 2018. 27 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/science/2018/nov/27/gene-edited-babies-no-one-has-moral-warrant-go-it-alone>.

20. Britta C van Beers. Rewriting the human genome? Rewriting human rights law? Human rights, human dignity, and human germline modifica-

tion in the CRISPR era // *Jornal of law and the biosciences*. URL: <https://doi.org/10.1093/jlb/Isaa006>.

21. Rosemann A., Balen A., Nerlich B. at all. Heritable Genome Editing in a Global Context: National and International Policy Challenges // *Hastings Center Report*. 2019. № 49 (3). P. 30–42.

22. Пестрикова А.А. Необходимость формирования международно-правового регулирования биомедицинских и клеточных технологий в связи с глобализацией репродуктивной помощи // *Евразийский научный журнал*. 2019. № 6. С. 54–57.

23. Petersen A., Munsie M., Tanner C., MacGregor C. and Brophy J. *Stem Cell Tourism and the Political Economy of Hope*. L. : Palgrave Macmillan, 2017. 218 p.

24. Doudna J.A., Charpentier E. The new frontier of genome engineering with CRISPR-Cas9 // *Science*. 2014. Vol. 346, iss. 6213. P. 1077–1086.

25. Begley S (2019) Fertility clinics around the world asked «CRISPR babies» scientist for how-to help. *STAT*. URL: <https://www.statnews.com/2019/05/28/fertility-clinics-asked-crispr-babies-scientist-for-how-to-help>.

Дата поступления: 22.10.2020

FORMATION OF PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF HUMAN GERMLINE GENOME EDITING

PESTRIKOVA Anastasia Alexandrovna

Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti, Russia.

E-mail: anastasia801@yandex.ru

KHOLOPOVA Elena Nikolaevna

Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Law Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: elchol@mail.ru

The article substantiates the need to establish legal principles for the use of gene modifications in human embryos and reproductive cells; highlights the problems of genome editing that require understanding by legal science, including at the international and national levels, and do not have a clear solution

at the present stage. **Purpose:** based on the analysis of the legislation of foreign countries, the need for accessibility and openness to the international community of information on the safety of using technologies for gene editing of human germline, the identification of new forms of scientific activity focused on working with public opinion on the use of genetic technologies is proved. **Methods:** methods of comparative legal analysis, formal logic, description, statistical methods, and the method of legal norms interpretation are used. **Results:** at the present stage, the main task of the legal community is to develop legal principles for regulating public relations in the field of genetic engineering and biomedical technologies. At the same time, the most important component is the formation of public participation and active involvement of public institutions in the formation of the legal environment for creating a system of legal norms that meet the realities of scientific progress and protect the rights and interests of each person and humanity as a whole.

Keywords: gene editing; human genome; genetic engineering; legal regulation of biotechnologies and genetic engineering.

References

1. Ishii T. Germ line genome editing in clinics: the approaches, objective and global society. *Brief Funct Genomics*, 2017, no. 16 (1), pp. 46–56. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5291189>.
2. Elsevier. Gene Editing Research. Available at: <https://www.elsevier.com/research-intelligence/campaigns/crispr>.
3. Hendriks S., Giesbertz N.A.A., Bredenoord A.L., Repping S. Reasons for being in favour of or against genome modification: A survey of the Dutch general public. *Human Reproduct Open* 2018(3). Available at: <https://doi.org/10.1093/hropen/hoy008>.
4. Lawton G. Hope for the future. *New Scientist*, 2018, no. 239 (3196), pp. 6–7.
5. Baltimore D., Berg P., Botchan M., Carroll D., R. Charo, Church G., Jacob E.C., Daley G., Doudna J. and Fenner M. A prudent path forward for genomic engineering and germline gene modification. *Science*, 2015, vol. 348, iss. 6230, pp. 36–38.
6. Kahn J. The Crispr Quandary. *New York Times*, 2015, November 9. Available at: <http://www.nytimes.com/2015/11/15/magazine/the-crispr-quandary.html>.

7. Beriain M., Cano M. Gene editing in human embryos. A comment on the Ethical Issues Involved. In Soniewicka M. (ed.). *The ethics of reproductive, philosophy and medicine*. 2018, vol. 128, pp. 173–187.
8. NIH Director Francis Collins, Statement on NIH Funding of Research Using Gene-editing Technologies in Human Embryos, 2015, April 28. Available at: <https://www.nih.gov/about-nih/who-we-are/nih-director/statements/statement-nih-funding-research-using-gene-editing-technologies-human-embryos>.
9. Cohen G., Adashi E. The FDA is prohibited from going germline. *Science*, 2016, vol. 353, iss. 6299, pp. 545–546.
10. Facher L. Why Democrats Reopened the Debate About Germline Gene Editing. *STAT*, 2019, June 18. Available at: <https://www.statnews.com/2019/06/18/democrats-reopened-debate-about-germline-editing>.
11. Mason R., Devlin H. MPs Vote in Favour of «Three-Person Embryo» Law. *Guardian*, 2015, February 3. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2015/feb/03/mps-vote-favour-three-person-embryo-law>.
12. Friedmann T. Principles for Human Gene Therapy Studies. *Science*, 2000, vol. 287, iss. 5461, pp. 2163–2165.
13. Pestrikova A.A. Formation of ethical and legal methods of control over scientific research in the field of development and use of genetic technologies. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 10, pp. 157–167. (In Russian).
14. Araki M, Ishii T. International regulatory landscape and integration of corrective genome editing into in vitro fertilization. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41599-019-0319-5>.
15. Xiang J.K. et al. Addressing challenges in the clinical applications associated with CRISPR/Cas9 technology and ethical questions to prevent its misuse. *Protein & Cell*, 2017, no. 8 (11), pp. 791–795.
16. Regalado A. China's CRISPR twins might have had their brains inadvertently enhanced. *MIT Technology Review*, 2019, February 21. Available at: <https://www.technologyreview.com/2019/02/21/137309/the-crispr-twins-had-their-brains-altered>.
17. Boggio A., Romano C., Almqvist J. (eds.) *Human Germline Modification and the Right to Science. A Comparative Study of National Laws and Policies*, 2020, August 29, pp. 309–344.
18. Adachi E., Cohen G. The Ethics of Heritable Genome Editing: New Considerations in a Controversial Area. *JAMA. The Journal of the American Medical Association*, 2018, no. 320 (24).

19. Hasson K., Darnovsky M. Gene-edited babies: no one has the moral warrant to go it alone. *Guardian*, 2018, November 27. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2018/nov/27/gene-edited-babies-no-one-has-moral-warrant-go-it-alone>.

20. Britta C van Beers. Rewriting the human genome? Rewriting human rights law? Human rights, human dignity, and human germline modification in the CRISPR era. *Jornal of law and the biosciences*. Available at: <https://doi.org/10.1093/jlb/Isaa006>.

21. Rosemann A., Balen A., Nerlich B. at all. Heritable Genome Editing in a Global Context: National and International Policy Challenges. *Hastings Center Report*, 2019, no. 49 (3), pp. 30–42.

22. Pestrikova A.A. The need to form international legal regulation of biomedical and cellular technologies in connection with the globalization of reproductive care. *Evrasijskij nauchnyj zhurnal = Eurasian Scientific Journal*, 2019, no. 6, pp. 54–57. (In Russian).

23. Petersen A., Munsie M., Tanner C., MacGregor C. and Brophy J. Stem Cell Tourism and the Political Economy of Hope. London, Palgrave Macmillan Publ., 2017. 218 p.

24. Doudna J.A., Charpentier E. The new frontier of genome engineering with CRISPR-Cas9. *Science*, 2014, vol. 346, iss. 6213, pp. 1077–1086.

25. Begley S (2019) Fertility clinics around the world asked «CRISPR babies» scientist for how-to help. STAT. Available at: <https://www.statnews.com/2019/05/28/fertility-clinics-asked-crispr-babies-scientist-for-how-to-help>.

Received: 22.10.2020

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**LAW OF FOREIGN COUNTRIES:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

УДК 341

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.32

**ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF INTERNATIONAL
ENVIRONMENTAL LAW**

YUSUPOVA Zilya Anasovna

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor
of the Chair of International Law and International Relations of the Institute
of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.*

E-mail: zilya_iousupova@mail.ru

MUKHAMETGAREEVA Natalia Mikhailovna

*Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair
of International Law and International Relations of the Institute of Law
of the Bashkir State University, Ufa, Russia.*

E-mail: nmch77@mail.ru

In the modern conditions of the continuing deterioration of the global environment, the issue of the effectiveness of international environmental law is especially relevant. **Purpose:** to study the negative factors that hinder the effective implementation of international environmental standards. **Methods:** the authors use empirical methods of comparison, description, interpretation; they analyze international documents in the field of environmental protection; they apply a special scientific method of interpreting legal norms. **Results:** the authors conclude that international environmental law in spite of all its advances has several fundamental problems. They are the diversity and congestion of international environmental standards; the slowness of diplomatic negotiations in concluding environmental treaties, due to the short-term interests of states, such negotiations rarely lead to binding agreements; the adoption of an environmental standard does not guarantee its implementation, since the mechan-

isms for monitoring its application are not binding. The authors make a point that a civil society should demand from its state to comply with its international obligations in the environmental sphere.

Keywords: global environmental problems; international environmental law; negotiations; agreement; effectiveness; international obligations.

At the present time, the gravity of climate and environmental changes is not in doubt or disputed. All studies, all reports, whether national, regional or global, based on public or private sources, come to the same undeniable conclusion: for several decades, we have witnessed a continuing deterioration in the general condition of our planet.

The sixth environmental report, published in March 2019 by the United Nations Environment Program (UNEP) «Global Environment Outlook» (GEO 6)¹, provides information on the loss of biodiversity, dramatic resource declines, ongoing soil, and air and water degradation, especially in the least developed countries.

In order to combat these phenomena that do not have territorial boundaries, states are developing international environmental law, since environmental problems began to be considered on a global scale, outside the framework of the nation state in the early 1970s, especially after the creation of UNEP in 1972.

However, despite the development of international environmental law, the growth in the number of international treaties on nature protection, our environment continues to deteriorate and new environmental challenges appear. In this regard, we can state that international environmental law, despite all its achievements, has several fundamental problems that have become an obstacle to the effective implementation and application of the law.

Many international conventions have been adopted addressing different environmental issues, for example waste products, climate change, biodiversity or nuclear power. There are so many of them that a variety of technical and sectoral norms has become one of the problems of international environmental law. There are more than five hundred agreements, directly related to the field of environment. Even lawyers may face difficulties in finding ways to solve a particular problem, because with such a huge number of agreements there is a possibility of repetition of the provisions of the agreements, duplication of goals and responsibilities [1].

¹ Global Environmental Outlook 6 [Electronic resource]. URL: <https://www.unenvironment.org/ru/resources/globalnaya-ekologicheskaya-perspektiva-6> (accessed date: 12.08.2020).

Another problem is related to the slowness of diplomatic negotiations while concluding environmental agreements. A review of various international negotiations related to the environment shows that only the Montreal Protocol¹, which entered into force in 1989, provides an example of an appropriate and effective international response to the global environmental threat – ozone layer depletion. In 2009, it became the first protocol in the history of the United Nations that had been ratified by 196 states. This document sets strict conditions for each country to phase out the use of chlorofluorocarbon gases (CFCs) and hydrochlorofluorocarbons (HCFCs), they are substances that deplete the ozone layer and contribute to the greenhouse effect. The ratification was a success: a complete cessation of CFC production occurred in 2010, and the scientific community estimated that the ozone layer should return to its 1980 state between 2055 and 2065. This success remains rather exceptional. It is undoubtedly due to, among other things, a favorable economic context.

Most often, international environmental law is characterized by slowness or even a complete hitch in the negotiations. The difficulty in reaching maximum consensus largely explains the content weaknesses of most of the texts under discussion. Moreover, international environmental negotiations are not always successful. On some basic issues, when states enter into discussions that are not systematic, they rarely come to agreements that are both universal and binding at the same time. In order to have as many countries as possible in the capacity of parties to the convention, negotiators often restrict themselves to minimum rules. For example, when it is a case of biodiversity, the Convention on Biological Diversity, adopted in Rio de Janeiro in 1992², offers only a very general minimum framework. For instance, it has not been ratified by the United States. Subsequently, negotiations by the Conference of the Parties did not result in a sufficiently clear and binding agreement to end the regular extinction of species. The goals set by the states were not achieved: the Living Planet index, developed by the World Wildlife Fund (WWF), shows that the number of living species of land and sea has been declining since 1970, and

¹ The Montreal Protocol on Substances That Deplete the Ozone Layer [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (accessed date: 12.08.2020).

² Convention on Biological Diversity, adopted by the United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, June 5, 1992 [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (accessed date: 14.08.2020).

this trend is not slowing¹. Negotiations are progressing too heavily, keeping in mind the speed and irreversibility of the extinction of biological species.

The same can be said about other sectors of international environmental law. For example, a number of negotiations on emissions of hydrofluorocarbons (HFCs) has not led to a satisfactory result. These synthesis gases are used, in particular, in refrigeration and air conditioning systems and have a warming effect a thousand times greater than carbon dioxide, according to the Institute for Governance and Sustainable Development². Negotiations repeatedly encountered opposition from Kuwait and Saudi Arabia. These two countries, whose populations are in dire need of air conditioning, even refused the possibility of creating a working group on these toxic substances. Nevertheless, the agreement to reduce HFC emissions was signed on October 15, 2016 at the UN conference in Kigali (Rwanda) by the countries parties to the Montreal Protocol. The agreement reached in Kigali³ is legally binding and has a certain time framework. This agreement was developed over seven years and represents a compromise between rich countries and poorer, hotter countries. Richer countries will freeze HFC production faster than poorer countries, although some countries, including some countries in Africa, have chosen to phase out HFCs faster than necessary, citing the serious threats they face from climate change.

In addition to the difficulties associated with the development of international norms, there is another one – non-compliance: even in the case of the final adoption of a treaty, it is not always respected in the absence of effective control and sanctions mechanisms. Initially, internationally imposed sanctions fell under «private justice» between states. For example, even today, relations between Russia and the European Union testify to this: being guided by the Talion Law, they involve the parties in an endless round of measures and countermeasures (diplomatic, economic, restrictive).

Few international environmental conventions provide for real sanctions mechanisms. Compliance control is often entrusted to simple committees that do not have the authority to make decisions; non-compliance with the treaty does not lead to a court decision, but it leads to help to the countries that do not

¹ Fond mondial pour la nature, Rapport Planète vivante, 2014. [Electronic resource]. URL: http://www.wwf.ca/fr/nouvelles/publications/rapport_planete_vivante_2014.cfm (accessed date: 11.08.2020).

² Institute for Governance & Sustainable Development, Primer on HFCs, Juillet 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.igsd.org/documents/HFCPrimer7July2015.pdf> (accessed date: 09.08.2020).

³ Kigali amendment [Electronic resource]. URL: <https://climalife.dehon.com/amendement-de-kigali> (accessed date: 14.08.2020).

fulfill their obligations. By far the most successful procedure is the Kyoto Protocol procedure¹: when a state does not comply with its obligations, there are three different coercive measures that are comparable to sanctions. This mechanism was introduced after the Kyoto Protocol by the Marrakesh Agreements adopted in 2001². For each ton of emissions not reduced, the state had to pay compensation during the second period (from 2012 to 2020) with an increase of 30 %, to the figures already set for the same period. In addition, the group that monitors the implementation of the protocol suspends the participation of the state in the international emission rights market. Finally, the compliance team should develop an action plan to remedy the non-compliance situation.

In addition, if there is a risk of falling under sanctions, states can denounce an international agreement at any time. Thus, under the threat of sanctions, Canada, which has largely exceeded emissions (an increase in emissions by 28 % instead of a decrease by 6 %), unilaterally withdrew from the Kyoto Protocol in December 2011.

Assuredly, international law also leaves room for dispute settlement in real jurisdictions. Thus, various jurisdictions have been created, some of which have general jurisdiction, such as the International Court of Justice, others have specialized jurisdictions, such as the International Tribunal for the Law of the Sea or the Dispute Resolution Body (DSB) of the World Trade Organization. However, if at the national level justice is compulsory, in international law, at the national level litigation or arbitration requires the consent of the states involved in the dispute. While in matters of environmental protection, states are more reluctant than anywhere else to recognize the competence of third-party mechanisms to resolve their disputes [2, p. 23].

Thus, it can be said that states have a complete discretion to ensure that their short-term national interests prevail over their international obligations. Although treaties have been signed and ratified, states may deliberately choose not to implement appropriate environmental protection measures. In the worst case, a possible sanction would only apply to a distant successor to the current government. Consequently, political leaders are tempted to make economic interests or immediate electoral issues prevail over long-term international commitments, especially in times of economic crises.

¹ Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention, adopted on December 11, 1997 [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (accessed date: 12.08.2020).

² Marrakesh Accords [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/sustainable-development/ru/climate-negotiations-timeline> (accessed date: 14.08.2020).

In this regard, it seems that only civil society can become a counterbalance to the omnipotence of states in international environmental law, because in the field of the environment, citizens, to a greater extent than in any other, have the right to seek from their state compliance with their international obligations, while obligations of states comply with the right of its citizens, whilst the right to a healthy environment is enshrined in many national constitutions. In other words, international environmental law can become more effective, if it is accepted by civil society. Government compliance with treaties should be monitored by citizens. This, obviously, should be a direct implementation of the goal set in Principle 1 of the Stockholm Declaration (1972), which recognizes that «man is primarily responsible for the protection and improvement of the environment»¹, and compliance with Principle 10 of Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development (1992) «environmental issues are best handled with the participation of all concerned citizens – at the appropriate level»².

References

1. Yusupova Z.A., Muhametgareeva N.M. On some problems of the development of international environmental law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2017, vol. 2, no. 48, pp. 173–176. (In Russian).
2. Henry S. L'efficacité des mécanismes de règlement des différends en droit international de l'environnement, Thèse de doctorat, Université de Nantes, 2011, vol. II, pp. 3–84.

Received: 24.10.2020

¹ Declaration of the UN Conference on the Human Environment [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (accessed date: 12.08.2020).

² Rio Declaration on Environment and Development [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (accessed date: 12.08.2020).

К ВОПРОСУ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

ЮСУПОВА Зилия Анасовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: zilya_iousupova@mail.ru

МУХАМЕТГАРЕЕВА Наталья Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: nmch77@mail.ru

В современных условиях продолжающегося ухудшения состояния глобальной окружающей среды особенно актуален вопрос о том, насколько эффективно международное экологическое право. **Цель:** исследовать негативные факторы, препятствующие эффективному внедрению международных природоохранных норм. **Методы:** при проведении исследования использовались эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; проводился анализ международных документов в сфере охраны окружающей среды; применялся частнонаучный метод толкования правовых норм. **Результаты:** делается вывод о том, что международное экологическое право, несмотря на все его успехи, имеет несколько фундаментальных проблем. К ним относятся: многообразие и перегруженность международных природоохранных норм, медлительность дипломатических переговоров при заключении природоохранных договоров, обусловленная краткосрочными интересами государств (такие переговоры редко приводят к обязательным соглашениям). И даже принятие экологического стандарта не гарантирует его исполнение, поскольку механизмы мониторинга его применения не имеют обязательной силы. Также делается вывод о роли гражданского общества, которое может добиваться от своего государства соблюдения международных обязательств в природоохранной сфере.

Ключевые слова: глобальные экологические проблемы; международное экологическое право; переговоры; соглашение; эффективность; международные обязательства.

Библиографический список

1. Юсупова З.А., Мухаметгареева Н.М. О некоторых проблемах развития международного экологического права // Правовое государство: теория и практика. 2017. Т. 2, № 48. С. 173–176.

2. Henry S. L'efficacité des mécanismes de règlement des différends en droit international de l'environnement, Thèse de doctorat, Université de Nantes. 2011. Vol. II. P. 3–84.

Дата поступления: 24.10.2020

УДК 347.948.2

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.33

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ОБЪЕКТАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

САВЕНКО Антон Сергеевич

инженер-патентовед, магистр, аспирант кафедры судебно-экспертной деятельности Российского университета дружбы народов, младший научный сотрудник ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, ассистент преподавателя Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, г. Москва, Россия.

E-mail: a.savenko@sudexpert.ru

Цифровизация экономики сопровождается ростом числа правонарушений, связанных с объектами интеллектуальной собственности, поэтому назрела необходимость в формировании судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности как нового рода экспертиз, проводимых в государственных судебно-экспертных учреждениях. Для этого необходимо изучить опыт использования специальных знаний по данной категории дел в иностранных государствах. **Цель:** исследовать опыт использования специальных знаний по делам, связанным с объектами интеллектуальной собственности, в ряде иностранных государств. **Методы:** всеобщий диалектический метод, в частности методы формальной логики, ряд общенаучных методов, таких как сравнение, описание и др., а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** исследование позволило определить различные подходы к организации процесса судопроизводства с использованием специальных знаний в Германии, Японии, Украине и США. Обобщение зарубежного опыта поможет в формировании подхода к судебной экспертизе объектов интеллектуальной собственности в России.

Ключевые слова: судебная экспертиза; интеллектуальная собственность; специальные знания; патенты; товарные знаки; судопроизводство.

Объекты интеллектуальной собственности сопровождают нас везде. Они есть в нашем телефоне, запечатлены на вывеске магазина, отражены в тексте, который находится перед глазами. Они настолько плотно сопряжены с коммерческой деятельностью, что проигранные споры о на-

рушении прав могут погубить новое предприятие или автора произведения. В современных условиях цифровизации экономических процессов понимание особенностей интеллектуальной собственности актуально как никогда. В частности, все больше предприятий уделяют внимание управлению знаниями и формированию корпоративных порталов. В подобных системах сам портал и его наполнение представляют собой объекты интеллектуальной собственности. В то же время процессам цифровизации подвергается и деятельность судов, где появляется все больше возможностей для подачи заявлений, ходатайств и других материалов с помощью цифровых технологий. Вот почему очень важно использовать специальные знания в области интеллектуальной собственности, которыми обладают судебные эксперты, ведь именно в их задачу входит оказание помощи судам в установлении фактов, требующих специальных знаний¹. Однако в настоящее время судебно-экспертная специальность «Исследование объектов интеллектуальной собственности» не входит в перечень экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях². Чтобы изменить существующее положение дел, необходимо разработать теоретические и методологические основы данной экспертизы, в том числе путем исследования зарубежного опыта использования специальных знаний для решения вопросов, связанных с объектами интеллектуальной собственности.

Для начала посмотрим на страны с наиболее близкими нам правовыми системами, в которых успешно решаются вопросы, связанные с использованием в судопроизводстве специальных знаний в области интеллектуальной собственности. В Федеративной Республике Германии накоплен уникальный опыт судопроизводства по данной категории дел. Как и в нашей правовой системе, суды Германии разделяют между собой различные вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью. Например, Федеральный патентный суд не занимается рассмотрением дел о нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности, а рассматри-

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.09.2020).

² Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (с изм. на 13.09.2018) : приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.09.2020).

вает споры о предоставлении прав на объекты промышленной собственности, об аннулировании этих прав¹, решаются вопросы выдачи и аннулирования принудительных лицензий. Все вопросы, связанные с нарушениями прав, находятся в ведении земельных судов Германии, хотя законодатель предусмотрел возможность передачи данной категории дел в ведение Федерального патентного суда в соответствии с положениями Основного закона², но пока этого не произошло.

Между тем с целью получения заключения по вопросам, касающимся объектов интеллектуальной собственности земельные суды Германии обращаются не к судебным экспертам, а опираются на состоятельность процесса и позволяют сторонам излагать доводы так, чтобы это было понятно суду [1]. Данная особенность во многом объясняется спецификой судебной экспертизы в Германии. Как правило, государственными судебными экспертами там выступают только эксперты-криминалисты, все остальные судебные эксперты работают по найму в торгово-промышленных палатах Германии (ИНК), которые занимаются консалтингом [2].

Еще одной интересной особенностью судопроизводства в ФРГ является состав Федерального патентного суда, в который включены два вида судей: судьи-юристы и судьи-патентоведы (технические судьи), де-факто в состав суда уже включен эксперт, наделенный специфическими полномочиями [3], что существенно отличает Федеральный патентный суд от Суда по интеллектуальным правам (СИП), в котором судьи, хотя и имеют техническое образование, де-юре ничем не отличаются от любого другого судьи³. Тем не менее в судах активно используются специальные знания патентных поверенных, которые по законодательству Германии приравнены к адвокатам и имеют монопольное право представительства в суде по делам, связанным с интеллектуальной собственностью [4], в отличие от нашей правовой системы.

Таким образом, несмотря на то что как таковой экспертизы объектов интеллектуальной собственности в Германии нет, специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесла активно использу-

¹ Patent Act as published on 16 December 1980 (Federal Law Gazette 1981 I p. 1), as last amended by Article 4 of the Act of 8 October 2017 (Federal Law Gazette I p. 3546).

² Basic Law for the Federal Republic of Germany in the revised version published in the Federal Law Gazette Part III, classification number 100-1, as last amended by Article 1 of the Act of 28 March 2019 (Federal Law Gazette I p. 404).

³ Об арбитражных судах в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.09.2020).

ются. Специалисты выступают в защиту тех или иных позиций, а в иных случаях в состав суда включены судьи-патентоведы.

Если обратиться к странам ближнего зарубежья, то наиболее интересным примером может послужить опыт Украины, где активно развивается государственная судебно-экспертная деятельность в отношении объектов интеллектуальной собственности¹. Судебно-экспертные ведомства Украины проводят следующие исследования [5]: литературных и художественных произведений, фонограмм, видеограмм, программ (передач) организации вещания, изобретений и полезных моделей, промышленных образцов, сортов растений и пород животных, коммерческих (фирменных) наименований, торговых марок (знаков для товаров и услуг), географических указаний, топографий интегральных микросхем, коммерческой тайны (ноу-хау) и рационализаторских предложений, экономические в сфере интеллектуальной собственности. Как видим, список экспертиз практически повторяет содержание ст. 420 ГК Украины², единственным отличием является включение исследований, связанных с компьютерными программами, и компиляция данных (баз данных) в экспертизу литературных и художественных произведений [6], что возможно, учитывая особенности этих объектов.

В данный момент учеными и практиками Украины активно разрабатываются методические подходы и рекомендации по производству различных видов экспертиз объектов интеллектуальной собственности. Например, исследованию объектов авторских прав посвящена работа Н.В. Кісіль [7], в которой рассматриваются подходы к установлению факта использования произведений, формулируются признаки, отражающие факты использования произведения: последовательность изложения научных понятий, логика, система раскрытия научных идей и размещения материала, использование одинаковых цитат, наличие одинаковых ошибок, специфическая лексика. Во многом эта методика помогает при определении переработки произведения. Вопросам, связанным с авторским правом, посвящена совместная работа С.И. Максимова и І.Ю. Поліщука [8]. В ней исследуются подходы к определению размера убытков в результате неправо-

¹ Про затвердження Інструкції про призначення та проведення судових експертиз та експертних досліджень та Науково-методичних рекомендацій з питань підготовки та призначення судових експертиз та експертних досліджень : наказ Міністерства юстиції України 08.10.1998 № 53/5 [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws> (дата обращения: 24.09.2020).

² Цивільний Кодекс України // Відомості Верховної Ради України. 2003, № 40-44, ст. 356 [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws> (дата обращения: 24.09.2020).

мерного использования программ для ЭВМ, предпринят анализ применения приведенных подходов в судебно-экспертной деятельности. В работе О.Б. Єліфєрова [9] рассматривается порядок действий судебного эксперта при исследовании передач (программ) организации вещания. Практический опыт, приведенный в этих и других подобных статьях, ценен в связи с большим распространением незаконного использования объектов авторских и смежных прав («пиратства»). Судебно-экспертные учреждения Украины быстрее аналогичных учреждений России пришли к формированию такого необходимого нам рода экспертиз, как экспертиза объектов интеллектуальной собственности, что еще раз подчеркивает значимость данного направления, а опыт коллег поможет избежать ошибок при формировании теоретических основ судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности. Также стоит отметить, что, в отличие от Германии, экспертиза объектов интеллектуальной собственности проводится в государственных судебно-экспертных учреждениях Украины.

Обратимся к опыту использования специальных знаний по решению вопросов, связанных с объектами интеллектуальной собственности, в США. В этой стране остро стоит вопрос о границах понимания присяжными при слушаниях по делам, связанным с объектами интеллектуальной собственности. Например, в статье Neil Browne, Nancy K. Kubasek, Alex Q. Jacobs [10] обсуждаются проблемы данного института судебной системы США, в том числе кризис понимания экспертного знания лицами, не обладающими специальными знаниями, экспертиза все чаще рассматривается во многих контекстах как просто еще одна точка зрения, которая ничем не лучше мнения любого обывателя. Хотя право на судебное разбирательство с участием присяжных заседателей сохранилось с момента создания Билля о правах¹, сами присяжные относительно редко принимали участие в патентных спорах вплоть до последних нескольких десятилетий. В 1978 г. чуть более 8 % всех патентных слушаний рассматривалось с участием жюри, к 2011 г. присяжные заседатели участвовали почти в 75 % случаев, связанных с патентными спорами [11]. Это во многом объясняется радикальной позицией отдельных судей в Америке о священности права участия присяжных заседателей в суде. Данная позиция вызывает множество проблем, связанных с возможностью манипулирования мнением присяжных и их когнитивными искажениями. Например, в одной из работ показано двенадцатипроцентное преимущество для патентообладателя в делах, решаемых присяжными, по сравнению с делами

¹ The Bill of Rights (Amendments 1–10). 1789. Sep. 25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript> (дата обращения: 24.09.2020).

под председательством судьи [10]. В другой статье присяжные описываются как более склонные к сочувственной поддержке небольших организаций или отдельных изобретателей в спорах против крупных компаний [12]. Еще больше фактов свидетельствует о том, что присяжные менее опытные в рассмотрении дел по нескольким вопросам и решению каждой претензии по существу; скорее, члены жюри чаще выступают в пользу одной стороны по всем вопросам в патентном иске [13].

Помимо этих патентно-специфических исследований представлен широкий спектр исследований в области социальных наук, свидетельствующих о сомнительной эффективности присяжных заседателей, которого более чем достаточно, чтобы вызвать серьезные опасения в справедливости даже у самого горячего сторонника участия граждан в процессе, учитывая также тот факт, что в США в большинстве случаев экспертами в подобных делах являются представители частных консалтинговых компаний, выступающие на стороне заказчика [14]. В свою очередь, сочетание этих двух описанных факторов ведет к затягиванию сроков судопроизводства и серьезному удорожанию процесса [10]. Патентная тяжба в США является сложной задачей даже для самых опытных юристов, и некоторые из них с интересом смотрят на опыт Германии в вопросах судопроизводства по данной категории дел [10].

Еще одной страной, обладающей интересным опытом использования специальных знаний, является Япония. Судебная система в этой стране представляет собой комбинацию из различных институтов континентальной системы права и англо-саксонского права, а также включает традиционные особенности исторической правовой системы. При рассмотрении споров, связанных с объектами интеллектуальной собственности, присяжные не участвуют, что автоматически избавляет суды Японии от негативных моментов, преследующих суды в США. В 2005 г. был создан Высший суд по интеллектуальной собственности, который в кассационном порядке и порядке надзора разбирает дела о нарушении прав на объекты промышленной собственности, авторских и смежных прав [15].

Что касается специальных знаний, используемых в судопроизводстве по данной категории дел, в Японии насчитывается 50 окружных судов. Окружные суды Токио и Осаки рассматривают все дела, связанные с технологией, поскольку они обладают опытом в этой области. Токийский окружной суд имеет четыре подразделения, специализирующиеся на делах в области интеллектуальной собственности. Окружной суд Осаки имеет два специализированных отдела по интеллектуальной собственности. Высший суд по интеллектуальной собственности обладает исключи-

тельной юрисдикцией в отношении апелляций на патентные решения окружных судов Токио и Осаки.

Окружные суды и Высший суд по интеллектуальной собственности работают с лицами, занимающимися исследованиями, которые помогают им понять технические детали спора [16]. К ним относятся технические эксперты и опытные патентные эксперты из патентного ведомства.

Суды имеют общий список экспертов, из которого они могут назначать экспертов-уполномоченных по патентным делам. Этот список состоит из профессоров (64 %), патентных поверенных (16 %), исследователей, работающих в государственных учреждениях (10 %), исследователей из частных учреждений (10 %). Приведенные данные свидетельствуют о более активном использовании лиц, обладающих специальными знаниями, в судах Японии, чем в судах Германии.

С учетом сказанного для производства соответствующих судебных экспертиз предложено внести в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, род «Судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности» и дополнить Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, специальностями:

- исследование объектов авторского права и объектов смежных прав;
- исследование объектов патентного права и нетрадиционных объектов;
- исследование средств индивидуализации;
- определение стоимости объектов интеллектуальной собственности [17].

Обучение основам судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности, в том числе в целях определения их стоимости, в государственных судебно-экспертных учреждениях позволит подготовить компетентных, беспристрастных и независимых судебных экспертов.

Обобщая результаты исследования ряда иностранных государств, в частности особенностей применения в судопроизводстве специальных знаний в области интеллектуальной собственности, можно сформулировать следующий вывод. Все проанализированные правовые системы в той или иной мере применяют специальные знания сведущих лиц при рассмотрении вопросов, связанных с объектами интеллектуальной собственности. Каждая из стран решает вопрос применения этих знаний в судопро-

производстве по-разному. В США полагаются на принципы состязательности процесса и уповают на ответственность присяжных. В специализированных судах Германии в состав суда включены эксперты. Суды в Японии полагаются на большой список специалистов, которых они могут пригласить для разъяснения позиций сторон. Украина сформировала отдельный род экспертизы, проводимый государственными судебно-экспертными учреждениями. Опыт каждой из этих стран поможет при формировании в России теоретической и научно-методической базы нового направления судебно-экспертной деятельности. Особенно ярко это проявляется в современных условиях, когда создание и использование цифровых продуктов порождает необходимость рассмотрения споров, связанных с интеллектуальной собственностью.

Библиографический список

1. Landgericht München I. Patentstreitsachen. URL: https://www.justiz.bayern.de/gerichte-und-behoerden/landgericht/muenchen-1/verfahren_03.php.
2. IHK für München und Oberbayern: Service. URL: <https://www.ihk-muenchen.de/service>.
3. Bundespatentgericht: Jurisdiction: Proceedings. URL: https://www.bundespatentgericht.de/DE/Home/home_node.html.
4. Deutsche Patent und Markenamt (DPMA): Patentanwaltsausbildung. URL: https://www.dpma.de/dpma/wir_ueber_uns/weitere_aufgaben/patentanwaltsausbildung/index.html/pruefung/index.html.
5. Експертна служба МВС України: Види досліджень. URL: <https://dndek.mvs.gov.ua/%d0%b2%d0%b8%d0%b4%d0%b8-%d0%b4%d0%be%d1%81%d0%bb%d1%96%d0%b4%d0%b6%d0%b5%d0%bd%d1%8c>.
6. Гончаренка В.Г. Експертизи в судочинстві України: моногр. Київ : Юрінком Інтер, 2017. 504 с.
7. Кісіль Н.В. Особливості проведення експертних досліджень, пов'язаних з літературними творами наукового характеру // Криміналістика і судебна експертиза : междунар. науч.-метод. сб. Київ : Міністерство юстиції України, 2013. Вып. 58, ч. 1. С. 385–390.
8. Максимов С.Й., Поліщук І.Ю. Підходи та методи визначення розміру збитків внаслідок порушення авторських прав на комп'ютерні програми // Криміналістика і судебна експертиза : междунар. науч.-метод. сб. Київ : Міністерство юстиції України, 2013. Вып. 58, ч. 1. С. 391–399.
9. Єліферова О.Б. Встановлення елементів змісту та форми передач (програм) організацій мовлення при проведенні судової експертизи //

Криминалистика и судебная экспертиза : междунар. науч.-метод. сб. Киев : Министерство юстиции Украины, 2013. Вып. 58, ч. 1. С. 400–406.

10. Browne N., Kubasek N., Jacobs A.Q. Juries in U.S. patent cases: A comparative portrait of the boundaries of democracy // North Carolina Journal of Law & Technology. 2018. Vol. 11, № 2. P. 199–214.

11. Lemley M.A. Kendall J. Martin C. Rush to Judgment? Trial Length and Outcomes in Patent Cases. // American Intellectual Property Law Association Quarterly Journal. 2013. Vol. 42, № 2. P. 169–187.

12. Moore K.A. Populism and Patents // New York University Law Review. 2007. Vol. 82, № 1. P. 70–110.

13. Moore K.A. Judges, Juries, and Patent Cases – An Empirical Peek Inside the Black Box // Michigan Law Review. 2000. Vol. 99, № 2. P. 365–409.

14. Morningside Patent Litigation Support. URL: <https://www.morningtrans.com/ip-services/patent-litigation-support>.

15. Takeshi NIINOMI Basic information on the Japan patent office and the Intellectual property High Court in Japan, and statutory relations between them. URL: https://ipc.arbitr.ru/files/doc/Statement_of_NIINOMI_JPO.docx.

16. Patent enforcement through the courts in Japan. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b08ea4c0-e55e-4ac0-b8fe-ee9c0097d514>.

Дата поступления: 17.10.2020

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE USE OF THE EXPERTISE IN CASES RELATED TO INTELLECTUAL PROPERTY

SAVENKO Anton Sergeevich

Patent Engineer, Master of Science, Postgraduate Student of the Department of Forensic Expert Activity, Institute of Law, RUDN University, Junior Researcher of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice; Teaching Assistant of Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia.

E-mail: a.savenko@sudexpert.ru

In the context of digitalization of the economy and the growing number of legal proceedings related to intellectual property objects, there is a need to form a forensic examination of intellectual property objects as a new type of expertise

produced by state forensic institutions. In order to form this new direction, it is necessary to study foreign experience of using the expertise in such cases.

Purpose: to study the experience of using the expertise in cases of intellectual property objects in some foreign countries. **Results:** general dialectical method, in particular methods of formal logic, a number of general scientific methods such as comparison, description, etc., as well as special scientific methods: formal-legal, comparative-legal. **Conclusions:** the study shows different approaches to the organization of legal proceedings using expertise in the courts of Germany, Japan, Ukraine and the United States. This foreign experience will help to form Russian approach to the forensic examination of intellectual property objects.

Keywords: forensic examination; intellectual property; expertise; patents; trademarks; legal proceedings.

References

1. Landgericht München I. Patentstreitsachen. Available at: https://www.justiz.bayern.de/gerichte-und-behoerden/landgericht/muenchen-1/verfahren_03.php.
2. IHK für München und Oberbayern: Service. Available at: <https://www.ihk-muenchen.de/service>.
3. Bundespatentgericht: Jurisdiction: Proceedings. Available at: https://www.bundespatentgericht.de/DE/Home/home_node.html.
4. Deutsche Patent und Markenamt (DPMA): Patentanwaltsausbildung. Available at: https://www.dpma.de/dpma/wir_ueber_uns/weitere_aufgaben/patentanwaltsausbildung/index.html/pruefung/index.html.
5. Expert Service of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine: Types of research. Available at: <https://dnedkc.mvs.gov.ua/%d0%b2%d0%b8%d0%b4%d0%b8-%d0%b4%d0%be%d1%81%d0%bb%d1%96%d0%b4%d0%b6%d0%b5%d0%bd%d1%8c>.
6. Goncharenko V.G. *Ekspertizy v sudoproizvodstve Ukrainy* [Examinations in the judicial process of Ukraine]. Kiev, Yurinkom Inter Publ., 2017. 504 p.
7. Kisil N.V. Features of conducting expert research related to literary works of a scientific nature. *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza* [Forensics and judicial expertise]. Kiev, Ministerstvo yusticii Ukrainy Publ., 2013, iss. 58, pt. 1. pp. 385–390. (In Ukrainian).
8. Maksimov S.Y., Polishchuk I.YU. Approaches and methods for determining the amount of damages due to copyright infringement on computer programs. *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza* [Forensics and judicial exper-

tise]. Kiev, Ministerstvo yusticii Ukrainy Publ., 2013, iss. 58, pt. 1. pp. 391–399. (In Ukrainian).

9. Eliferova O.B. Restoration of elements of the maintenance and the form of transfers (programs) of the organizations of speech at carrying out forensic examinations. *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza* [Forensics and judicial expertise]. Kiev, Ministerstvo yusticii Ukrainy Publ., 2013, iss. 58, pt. 1. pp. 400–406. (In Ukrainian).

10. Browne N., Kubasek N., Jacobs A.Q. Juries in U.S. patent cases: A comparative portrait of the boundaries of democracy. *North Carolina Journal of Law & Technology*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 199–214.

11. Lemley M.A. Kendall J. Martin C. Rush to Judgment? Trial Length and Outcomes in Patent Cases. *American Intellectual Property Law Association Quarterly Journal*, 2013, vol. 42, no. 2, pp. 169–187.

12. Moore K.A. Populism and Patents. *New York University Law Review*, 2007, vol. 82, no. 1, pp. 70–110.

13. Moore K.A. Judges, Juries, and Patent Cases – An Empirical Peek Inside the Black Box. *Michigan Law Review*, 2000, vol. 99, no. 2, pp. 365–409.

14. Morningside Patent Litigation Support. Available at: <https://www.morningtrans.com/ip-services/patent-litigation-support>.

15. Takeshi NIINOMI Basic information on the Japan patent office and the Intellectual property High Court in Japan, and statutory relations between them. Available at: https://ipc.arbitr.ru/files/doc/Statement_of_NIINOMI_JPO.docx.

16. Patent enforcement through the courts in Japan. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b08ea4c0-e55e-4ac0-b8fe-ee9c0097d514>.

Received: 17.10.2020

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ**

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

УДК 811.111-112

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.34

**DISTANCE AND CONTACT MODES OF TEACHING
THE DISCIPLINE «FOREIGN LANGUAGE FOR BUSINESS
AND PROFESSIONAL COMMUNICATION»
TO STUDENTS IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES**

TOKAREVA Elena Nikolayevna

Candidate of Sciences (Philology), Senior Instructor of the Chair for Foreign Languages, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia.

E-mail: frau.elena79@gmail.com

YUSUPOVA Rozaliya Rimovna

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: rozaliya-yusupova@yandex.ru

This article examines the specifics of distance and contact training with students of engineering, technical and legal specialties. In this regard, the distinctive features of modern students as representatives of the digital generation are revealed, the concept of professional universalism is considered, the relevance of the use of information and communication technologies in the educational process of the university is determined. The **article** aims to consider the types of competencies developed by the discipline «Foreign language of business and professional communication», as well as to define the main models of training students, taking into account the changing formats of education. The goal and objectives of this discipline are formulated. **Methods:** general scientific methods of observation, experiment and modeling, and special scientific methods: descriptive and structural are used. **Results:** the analysis of the discipline «Foreign language of business and professional communication» in non-linguistic universities reveals the relevance of new digital competencies of participants in

the educational process in connection with the transition to distance education, as well as the need to change the approach to teaching this discipline.

Keywords: distance learning; up-to-date information technologies; communicative competence; social and cultural competence; successful communication; communicative tasks; speech behavior; business communication; digital competencies.

The rapid development of information technologies as well as the forced transition to a self-isolation regime with unfavorable epidemiological conditions, have recently led to the active introduction of distance education tools into the system of higher education. Along with the global development of the network and the emergence of all kinds of information and communication innovations, there is a «transformation of students into the digital generation» [1, p. 27]. As the technology of knowledge transferability is changing, the perception of this knowledge by the learning audience is also changing. The speed of learning is increasing so it is reflected in the reduction of instructional time with an increase in the volume of educational information due to the use of new technologies. If previously the creation of educational content required a long systematic work, now modern technical capabilities allow you to create more quickly, save effectively and deliver instantly the educational content to the recipient of knowledge. The student's personality is also changing under the influence of the modern information environment. Perception is characterized by reliance on visual images, high attention span; operative, figurative memory prevails; comprehension is characterized by a decrease in the ability to systematize and structure information; thinking becomes «clip», that is, characterized by the speed of information processing, relying on the visual perception of short sets of theses (clips), etc. [2].

The discipline «Foreign language of business and professional communication» is taught for postgraduate students after students have already completed their main foreign language course. As a rule, at this stage of education, students are focused on the point acquisition of knowledge, the practical approach prevails and there is specificity in mastering the material. If education is conducted in an electronic, distance format, then a modern lecturer has to adapt to this form of education, to plan and to manage the class period in a different way, to place emphasis on a particular material, to formulate clearly the task requirements, to structure the content more effectively and to manage information flows. Now the quality of teaching depends not only on the pedagogical skills of a lecturer, but also on the literacy of the information presented, the sequence of information blocks, the placement of certain semantic accents, etc.

This transformation is inevitable, since in this format the communication between the lecturer and the student becomes mediated and is realized through a variety of technical means, the power of which also affects the quality of the presentation and processing of information.

In the context of distance education, lecturers and students develop practical skills and abilities to work with modern software, use various applications (Discord, Skype, Zoom), correspond on social networks, attach documents for general use in cloud services (Google, Yandex, etc.) etc.), work with online platforms (McMillan, Pearson) and other distance learning systems (Moodle, Blackboard).

The specificity of teaching foreign languages at a non-linguistic university consists, as a rule, in a shortened two-year program, within which it is necessary to have time to teach not only a practical course of a spoken foreign language, but also to study special terminology, techniques of scientific and technical translation and business communication in a foreign language. Today, knowledge of one or two foreign languages is no longer an outstanding achievement, but rather belongs to the area of «must-have», which allows university graduates to feel more confident in the professional environment, as well as quickly and effectively master the foreign information space. The modern education system should form such a quality as professional universalism – the ability to change areas and ways of activity. Recent research in the field of the labor market revealed the need to move from a «good specialist» to a «good employee» [3, p. 5]. This means that in addition to a certain special professional preparedness, a good employee is expected to be able to work in a team, to make independent decisions, to show initiative and the ability to innovate. Thus, a good employee is a specialist who can perform professional activities in the conditions of any organization and possess a complex of formed general cultural (universal and general professional) competencies [4].

In non-linguistic universities, major disciplines (technical, legal, etc.) are prioritized, but much attention is paid to natural sciences and humanities. A foreign language has a huge educational potential, and successful mastery of it is the creation of competent, mobile, competitive professionals who can meet international standards [5, p. 122]. Teaching a foreign language at a university is aimed at the integrated development of the communicative, cognitive, informational, socio-cultural, professional and general cultural competencies of students and, undoubtedly, contributes to the formation of professional universalism.

Performing various communication tasks, the language serves different areas of communication, including business. For the successful implementation of communicative tasks in this area, it is necessary to own an arsenal of certain

linguistic means. So, the official business style is characterized by standard turns of speech, a certain set of speech clichés and stamps. The specifics of office work does not allow completing a business trip application form in a way as you like, since there are established samples of drawing up official documents. For an effective business conversation on the phone, you must immediately recommend yourself; there should be no frills in conducting a business conversation. The main requirement for a good text is as follows: it is necessary to choose all linguistic means for creating a certain text that fulfill the assigned communication tasks, or communicative tasks with maximum completeness and efficiency [6, p. 18]. However, in the process of speech interaction, it is not enough just to know the language.

The application of such principles as consistency, cooperation, politeness, attentiveness, tact allows you to organize verbal communication more successfully, increase its efficiency. Successful communication is adequate communication, in which more or less complete, but necessarily sufficient, from the point of view of the communicants, mutual understanding is achieved [7, p. 172]. To achieve mutual understanding, it is necessary for communicants to have common knowledge of the language used, a similar set of verbal communication skills, as well as «common knowledge about the world in the form of consciousness images» [8, p. 17]. Thus, for successful communication, communicants are to have a common set of symbolic means and a certain common set of social experience.

The discipline «Foreign language of business and professional communication» develops in students the communicative competence necessary for business professional communication, as well as socio-cultural competence based on general knowledge about the specifics of a particular national culture. According to A.V. Khutorsky, communicative competencies include knowledge of the necessary languages, ways of interacting with people who surround you and who are far from you, it is necessary to be able to work in a team, and to possess various social roles in a team. General cultural competencies include a range of issues covering the peculiarities of national and common human culture, spiritual and moral foundations of human life, individual peoples and humanity, cultural foundations of family, social phenomena and traditions, the role of science and religion in human life, their impact on the world, competence in the household and cultural and leisure spheres [9].

Various linguocultural communities have their own range of dominant features of communication. The norms of verbal behavior are the realization of the values that form the core of the national culture [10, p. 108]. So, for the English language personality in communication, a low volume level is impor-

tant; laconicism, high level of everyday politeness; uncategorized communication; anti-conflict orientation; a high level of thematic taboo communication; strict thematic regulation of communication in most situations; very high level of phatic communication, etc. The dominant features of American communicative behavior are: sociability, demonstrative democracy and benevolence, cheerfulness, contact, noisiness, efficiency of conversation, truthfulness in communication, tolerance, desire to reach a compromise, wish to demonstrate their success, the great role of humor in communication, etc. Russian communicative behavior is characterized by everyday unsmiling, the absence of the tradition of Western «secular communication». Russians are not interested in talking about general topics, since the conversation in this case is perceived as meaningless, and the interlocutors do not want to be frank. Conversation in Russian culture is a tool of self-expression, when the interlocutors talk a lot about themselves, express their own opinions and assessments. A Russian person loves to talk «heart to heart» and expects the same from a partner. Thus, immersion in a particular culture affects the nature of communication, it is even true for the business environment.

The combination of the above mentioned principles determines the specifics of teaching a foreign language as a business language and allows you to formulate the goal and objectives of this discipline in the context of a non-linguistic university. The purpose of the discipline «Foreign language of business and professional communication» is the practical application of a foreign language in order to use it in the professional activities of a specialist and in situations of business communication. In practice, there are various forms of communication: business conversations, business negotiations, meetings, business correspondence, organizational and technical communication (computer, fax), etc. A business person needs to know the specific features of these forms, to master the method of their preparation and behavior, and taking into account the linguocultural environment in which he is at the moment should be taken into account. Therefore, the objectives of the discipline «Foreign language of business and professional communication» are:

- to study types and forms of business contacts, ethics of business communication;
- to develop special skills of official communication, negotiation, participation in discussions, speeches, preparation of presentations;
- to develop language skills and abilities necessary for business correspondence and communication;
- to understand the communicative and sociocultural features of the speech behavior of representatives of a particular linguocultural community;

– to understand the general trends in the development of interethnic relations in the modern world.

In accordance with the above mentioned tasks, it seems possible to single out two main models of classroom training for students in the discipline «Foreign language of business and professional communication», namely, communicative and sociocultural, based on the corresponding types of competencies. As a result of training within the framework of this discipline, students know the linguistic features of the business language, the most common speech clichés, styles and ethics of business communication, forms of oral and written communication; know how to conduct a dialogue with the expression of certain communicative intentions, which is necessary for business negotiations, as well as telephone conversations; know how to compose messages in the format of presentations and speeches at business events. Also, students develop skills for implementing communicative intentions in writing: writing business letters, faxes, telexes; the skill of drawing up a resume, plan, abstracts, reports; skill of filling out questionnaires. In addition, in the process of directed training in a business foreign language at a non-linguistic university, students acquire not only the relevant knowledge, skills and abilities to use business speech as a means of communication, but also certain professional skills and abilities that they need in their future work. All this strengthens interest in the chosen profession and, in the future, contributes to the successful professional development and career growth of young specialists.

Currently, education technologies occupy a strong position in the system of higher professional education. The change in the paradigm of educational technologies leaves its imprints on the methods of teaching a foreign language to modern students. Classroom work with students is gradually being replaced by blended learning, and sometimes completely transformed into a distance education format, which cannot but affect the development of students' competencies. Communicative and sociocultural competences fade into the background, giving way to cognitive, informational, digital competencies. Digital competencies are a set of competencies for working in a digital environment and with digital products, including the activity of creating and collecting data, processing and analyzing them, as well as automating processes using computer technologies [11, p. 3]. However, in teaching, digital competences cover a broader area. In the new educational environment today there are completely different approaches to communication, lecturers and students can no longer simply bring their teaching practices into the digital environment.

For example, the European model of competencies Digital Competence of Educators (DIGCOMPEDU) consists of three main blocks. The first is digi-

tal professional competencies. These are the skills that any modern specialist should have. This includes digital aspects such as communication, professional collaboration, digital skills development, and reflective practices. Reflexive practices are the ability to reflect, analyze and learn from your actions. This is a continuous learning process based on one's own professional experience, which leads to constant development and improvement. The second block is digital pedagogical competencies. European experts singled out: digital resources – their selection, creation and modification, as well as management, protection and sharing; learning and teaching, including reflective practices - analysis and learning from experience, as well as self-management of learning; assessment – assessment strategies, evidence analysis, feedback and planning; empowering learners – accessibility and inclusiveness, personalization, engagement. The third block combines modern digital competencies of a lecturer, which are aimed at the formation of digital competencies of students. These are information and media literacy, digital communication and collaboration, digital content creation, responsible use of digital resources and solving technological problems¹.

In the current environment, lecturers and students need to learn as quickly as possible, master modern technologies, master new tools for teaching and interaction, and also introduce all effective learning formats into their daily work. When working in a digital environment, the technical features of information channels (video conferencing, audio channels, instant messengers, etc.) often limit the class period, the emotional impact on the audience decreases, the educational component and immersion in the socio-cultural specifics of the language being studied are weakened. This is especially true for non-linguistic universities, where a limited number of classroom hours are allocated for foreign language classes. The educational autonomy of students is increased. They need higher motivation to master additional material independently within the educational program; there is a need to develop skills of self-organization, self-discipline, planning and competent time management. The transition from verbal, direct communication to mediated interaction through a variety of technical means requires professional knowledge of these tools. All this leads to the development of new competencies in the educational process and leads to possible changes in the program of the discipline «Foreign language of business and professional communication».

¹ EU Science Hub. The European Commission's Science and Knowledge Service [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/digcompedu> (accessed date: 04.11.2020).

References

1. Dronova E.N. Distance learning technologies in higher education: experience and difficulties of use. *Prepodavatel' XXI veka = Teacher of the XXI century*, 2018, no. 3, pp. 26–34. (In Russian).
2. Osipov M.V. The student model as a representative of the digital generation. In Tamarovskaya A.N. (ed.). *Molodezh' i nauka* [Youth and Science]. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet Publ., 2014, vol. 1, iss. 1, pp. 90–95. (In Russian).
3. Lebedev O.E. Competence-based approach in education. *SHkol'nye tekhnologii = School technologies*, 2004, no. 5, pp. 3–12. (In Russian).
4. Belkova E.A. Competence approach in professional training of specialists of enterprises and organizations. *Vestnik Akademii Pastukhova = Bulletin of the Academy of Pastukhov*, 2008, no. 3, pp. 2–4. (In Russian).
5. Galnykina M.A. Working with texts in the specialty at non-linguistic faculties of the university. *Tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam v neyazykovykh vuzakh* [Technologies of teaching foreign languages in non-linguistic universities]. Ulyanovsk, 2010, pp. 122–126. (In Russian).
6. Uzerina M.S. *Etika delovogo obshcheniya* [Ethics of Business Communication]. Ulyanovsk, 2004. 72 p.
7. Tarasov E.F. Intercultural communication – a new ontology for the analysis of linguistic consciousness. In Ufimceva N.V. (ed.). *Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness]. 2nd ed. Moscow, Ejdos Publ., 1996, pp. 7–22. (In Russian).
8. Krasnyh V.V. *Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2001. 270 p.
9. Hutorskoj A.V. Key competencies as a component of student-centered education. *Narodnoe obrazovanie = Public education*, 2003, no. 2, pp. 58–64. (In Russian).
10. Sternin I.A. Communicative behavior in the structure of national culture. In Ufimceva N.V. (ed.). *Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness]. 2nd ed. Moscow, Ejdos Publ., 1996, pp. 97–112. (In Russian).
11. *Koncepciya razvitiya cifrovyyh kompetencij studentov NIU «VSHE»* [Concept for the development of digital competencies of students of the NRU «HSE»]. Moscow, NIU «VSHE» Publ., 2020. 13 p.

Received: 24.11.2020

ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОЙ И КОНТАКТНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ»

ТОКАРЕВА Елена Николаевна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: frau.elena79@gmail.com

ЮСУПОВА Розалия Римовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: rozaliya-yusupova@yandex.ru

В статье рассматривается специфика дистанционной и контактной работы со студентами инженерно-технических и юридических специальностей и понятие профессионального универсализма, раскрываются отличительные особенности современных студентов как представителей цифрового поколения, определяется актуальность использования информационно-коммуникативных технологий в учебном процессе вуза. **Цель:** рассмотрение видов компетенций, развиваемых дисциплиной «Иностранный язык делового и профессионального общения», определение ее целей и задач, основных моделей подготовки студентов с учетом изменения форматов обучения. **Методы:** общенаучные методы наблюдения, эксперимента, моделирования и частные методы – описательный и структурный. **Результаты:** анализ дисциплины «Иностранный язык делового и профессионального общения» в неязыковых вузах позволил выявить актуальность новых цифровых компетенций участников образовательного процесса в связи с переходом на дистанционное обучение, необходимость изменения подхода к преподаванию данной дисциплины.

Ключевые слова: дистанционное обучение; современные информационные технологии; коммуникативная компетенция; социокультурная компетенция; успешная коммуникация; коммуникативные задачи; речевое поведение; деловое общение; цифровые компетенции.

Библиографический список

1. Дронова Е.Н. Технологии дистанционного обучения в высшей школе: опыт и трудности использования // Преподаватель XXI века. 2018. № 3. С. 26–34.
2. Осипов М.В. Модель студента как представителя цифрового поколения // Молодежь и наука : матер. конф. : в 3 т. / отв. за вып. А.Н. Тамаровская. Красноярск : Сибирск. федер. ун-т, 2014. Т. 1, ч. 1. С. 90–95.
3. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12.
4. Белкова Е.А. Компетентностный подход в профессиональной подготовке специалистов предприятий и организаций // Вестник Академии Пастухова. 2008. № 3. С. 2–4.
5. Галныкина М.А. Работа с текстами по специальности на неязыковых факультетах университета // Технологии обучения иностранным языкам в неязыковых вузах : сб. науч. тр. VI Межвуз. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2010. С. 122–126.
6. Узерина М.С. Этика делового общения : учеб. пособие. Ульяновск : УлГТУ, 2004. 72 с.
7. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н.В. Уфимцева. 2-е изд. испр. и доп. М. : Эйдос. С. 7–22.
8. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций. М. : Гнозис, 2001. 270 с.
9. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
10. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н.В. Уфимцева. 2-е изд. испр. и доп. М. : Эйдос, 1996. С. 97–112.
11. Концепция развития цифровых компетенций студентов НИУ «ВШЭ». М. : НИУ «ВШЭ», 2020. 13 с.

Дата поступления: 24.11.2020

УДК 130.2

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.35

**ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович

*доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
почетный сотрудник МВД России, главный редактор журнала «Юридическая
наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: fonduniver@bk.ru*

БРЫЛЕВА Елена Александровна

*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИИ России,
г. Пермь, Россия.
E-mail: elenbrylev@yandex.ru*

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

*доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории
государства и права Института права Башкирского государственного
университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru*

В статье анализируются проблемные вопросы, возникающие при применении дистанционных технологий в образовательном процессе, и указывается, что полное внедрение дистанционной формы обучения не способствует эффективности воспитательного процесса. Обращается внимание на уже имеющуюся проблему увлечения молодежи компьютерами, что негативно сказывается как на их здоровье, так и на процессе социализации. Эта проблема может усугубиться в результате повсеместного внедрения дистанционных методов обучения, в связи с чем звучит призыв к продуманному подходу в данном вопросе и сохранению сложившейся системы образования в сочетании с цифровой образовательной средой в условиях правового государства. **Цель:** акцентировать внимание на необходимости учета особенностей применения дистанционных технологий в образовательном

процессе. **Методы:** эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, исторический и социологический. **Результаты:** авторы приходят к выводу о том, что появление дистанционных технологий обучения, бесспорно, связано с очередным этапом в развитии научного прогресса, однако введение этих технологий в образовательный процесс оправдано лишь в некоторых случаях, например, в условиях чрезвычайного положения, стихийных бедствий, эпидемий, эпизоотий, для детей с ограниченными возможностями, по выбору родителей и детей. Это необходимо учитывать при выборе форм и методов обучения в современных условиях.

Ключевые слова: воспитание; дистанционное образование; подрастающее поколение; цифровая образовательная среда; правовое государство; суверенная государственно-правовая идеология.

Президент России В.В. Путин внес на рассмотрение в Госдуму поправки к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» об укреплении воспитательной составляющей системы образования. Предлагается ввести механизм организации воспитательной работы. Она войдет в состав образовательных программ, в которые планируется включить календарный план и рабочую программу воспитания. Участвовать в разработке рабочей программы и календарного плана смогут советы обучающихся и родителей (законных представителей) детей. В.В. Путин заявил, что смысл предлагаемых поправок в том, чтобы «укрепить, акцентировать воспитательную составляющую отечественной образовательной системы». Он подчеркнул, что система образования не только учит, но и воспитывает, формирует личность, передает ценности и традиции, на которых основано общество [1]. Безусловно, мы поддерживаем нашего лидера в его понимании важности воспитательного воздействия на подрастающее поколение, учитывая, что в нашем государстве еще со времен А.С. Макаренко и В.С. Сухомлинского сложилась высокоэффективная система, основанная на принципах коллективизма, трудовом воспитании, формировании социальной коммуникации, ответственности, взаимовыручки.

Очевидно, что понимание роли учителя только как лица, предоставляющего образовательную услугу, не отвечает запросам нашего общества на Россию как Великую державу.

Еще в XIX в. известный русский педагог Л.Н. Модзалевский (1837–1896) обратил внимание на то, что не должно быть образования без воспитания [2]. Примечательно, что до сих пор его исследования остаются актуальными. Их научное и познавательное значение становится еще

более необходимым с учетом отхода педагогической школы России начиная с 90-х годов XX в. от воспитательного процесса и сосредоточения внимания лишь на обучении [3].

Во времена Л.Н. Модзалевского русское образовательное общество обладало знаниями иностранной педагогической практики, среди читающей публики были популярны педагогические работы Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», Дж. Локка «О воспитании Джентльмена», педагогические сочинения философов французского и немецкого Просвещения, содержащие размышления не только об обучении, но и о воспитании.

В то же время в начале второй половины XIX в. в России «собственных произведений историко-педагогического характера, в которых вопросы образования и воспитания обсуждались бы в качестве исторического развития, не было» [4, с. 5–6]. Поэтому труд Л.Н. Модзалевского стоит особняком в отечественной историографии. Как пишет Л.В. Мошкова, Л.Н. Модзалевский начал исследовать особую роль и значение воспитания в контексте развития всего человечества [5].

Исследование Л.Н. Модзалевским предметно ориентированного мышления задавало предельные границы педагогического воспитания. Оно было тесно связано с российской культурно-исторической традицией, поэтому с расстояния в сто лет мы воспринимаем его «не только как историографию, историческое описание развития воспитания, но и как источник, как живое свидетельство культурно-исторических процессов, происходящих в России в конце» XIX в. [4, с. 8–9]. В этом проявляется, с нашей точки зрения, суверенность российской историко-педагогической идеологии.

Отечественные исследователи все чаще стали вести речь о суверенной русской государственно-правовой идеологии и российской суверенной философии права [6; 7]. Действительно, «в любом случае: если мы формируем теорию права и государства на заимствованной философско-правовой платформе, то мы просто обречены постоянно оправдываться за все действительные или мнимые ошибки в законодательстве, обречены с вечной оглядкой на чужое мнение создавать нормативно-правовую основу как внутренней, так и внешней политики» [8, с. 164]. По нашему мнению, в России сегодня «сложился ценностный консенсус, опирающийся на многовековые традиции российской правовой культуры. Суть этого консенсуса в признании ценностных оснований права, а значит, и в признании самих социальных институтов права, государства, суверенитета в качестве базовых социально-нравственных ценностей» [8, с. 164].

Показательна в этом плане речь Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, произнесенная на расширенном заседании Патриаршего со-

вета по культуре 22 февраля 2012 г., где он чуждые российским людям псевдоценности назвал суррогатной продукцией и подчеркнул, что псевдоценности ведут к деградации любого общества, поэтому нам всем остается выбирать между живыми, подлинными ценностями и суррогатной продукцией, подменяющей собой настоящую культуру [9, с. 152]. Информационные агентства обратили внимание на то, что Кирилл, выступая на церемонии открытия XXII Международных Рождественских чтений, посвященных 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского, и первом пленарном заседании Совета Федерации (2014), особо выделил важность сохранения именно института традиционной семьи и значимость патриотизма. Говоря о патриотизме как одной из ценностей российского общества, предстоятель четко заявил о том, что дело здесь не в религии. Патриотизм присущ не только христианам, его демонстрируют и представители других религий, он характерен и всем «нравственно здоровым людям, которые не причисляют себя ни к какой религии» [10].

Позицию патриарха Кирилла разделяет абсолютное большинство населения России, что, в частности, продемонстрировало общероссийское голосование по поправкам к Конституции РФ, прошедшее 1 июля 2020 г. Нет сомнения в том, что поправки «поддерживают традиционные семейные ценности: брак как союз мужчины и женщины, уважение детей к старшим, доверие и заботу нескольких поколений семьи друг о друге» [11, с. 3]. В этом плане показательны поправки к ст. 67, 72 и 114.

Патриарх Кирилл постоянно беспокоится о нравственном консенсусе в современном мире. Об этом, в частности, он говорил на 137-й Ассамблее Межпарламентского союза в Санкт-Петербурге (14–18 октября 2017 г.). Предстоятель Русской Православной Церкви обратил внимание на тесную связь, по существу, на единство нравственности и справедливости, праведности и подчеркнул, что этимология слова «справедливость» ориентирует нас не на судебное решение, а на божественную правду.

На единение права, справедливости и нравственности мы и другие исследователи постоянно обращаем внимание в своих работах [12; 13]. В предыдущих своих работах мы неоднократно обращали внимание на концепцию синкретизма современной правовой культуры, отражающей единство всех социальных норм, регулирующих сегодня жизнь и деятельность россиян, особенно на единение права и морали [14; 15]. Как известно, о совместном влиянии права и морали на сознание и поведение людей говорили многие исследователи (Н.И. Матузов, В.А. Ойгензихт, Е.А. Лукашева, М.Р. Карева и др.), подчеркивается эта закономерность и современниками.

Интересное замечание сделал патриарх, анализируя моральные постулаты и нравственные нормы, хранимые как самой природой человека, так и религиями на протяжении тысячелетий. Он заявил, что это не ограничение человеческой свободы и не предлог для ущемления прав. Данный выбор присущ различным религиозным мировоззрениям, он всегда обусловлен универсальным нравственным императивом.

Патриарх Кирилл напомнил о «золотом» правиле нравственности из Евангелия: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Поэтому очень важно соблюдение каждым субъектом правоотношений требований закона. По нашему мнению, закон, оторванный от нравственной природы человека, бесполезен или даже вреден для общества, такой закон может привести к защите пороков с помощью права и в конечном счете к моральной деградации общества. Об этом трактует компрехендная доктрина познания права, свидетельствующая в том числе и о наличии бесполезных, вредных и даже опасных законов [16]. «Отрыв закона от морали, – по мнению патриарха, – приводит к тому, что, пожалуй, впервые в истории человечества нормой закона признается то, что традиционно считалось нарушением нравственных устоев». С этих позиций, по нашему мнению, и необходимо подходить к пониманию сущности права и закона. На данную позицию и опирается компрехендная концепция познания права [17], данную цель и должен предполагать Закон об образовании.

В редакции Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 8 июня 2020 г. серьезное внимание уделяется вопросам воспитания. В частности, воспитание понимается как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства», также указывается на «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования»¹. Все это, очевидно, абсолютно правильные и замечательные принципы, однако последние нововведения в части прово-

¹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.06.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.12.2020).

димого эксперимента введения цифровой образовательной среды заставляют задуматься о практической их реализации.

Согласно проекту цифровая образовательная среда представляет собой, в частности, совокупность условий для реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места их нахождения¹.

Безусловно, необходимо идти в ногу со временем, и если цифровая образовательная среда в сфере среднего профессионального образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых, высшего образования и то в сочетании с «традиционной» формой обучения становится насущной необходимостью, то сфера общего образования при необходимости образовательной организации «обеспечивать реализацию в полном объеме образовательных программ, соответствие качества подготовки обучающихся установленным требованиям, соответствие применяемых форм, средств, методов обучения и воспитания возрастным, психофизическим особенностям, склонностям, способностям, интересам и потребностям обучающихся», «создавать безопасные условия обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации» революционному реформированию, представляется, подвергнута быть не должна.

Школьное образование помогает молодым людям войти в культуру и мир знаний не только содержанием своих учебных курсов и различных воспитательных мероприятий, не только современным материальным обеспечением, но и культурной атмосферой в целом, которая создается, прежде всего, культурным взаимодействием людей разных поколений — педагогов и учащихся. Уважительное взаимодействие взрослых участников образовательного процесса вводит школьников в психологическую культуру человеческих отношений и служит источником развития их

¹ О проведении в 2020–2022 годах эксперимента по внедрению целевой модели цифровой образовательной среды в сфере общего образования, среднего профессионального образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых : проект постановления Правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/share/i/13/4244433.docx> (дата обращения: 04.12.2020).

внутренней культуры, так как формы поведения и отношений взрослых воспринимаются ими как допустимые и одобряемые обществом, следовательно, могут стать образцом для подражания; учитель передает ученику «эстафету человечности» [18, с. 11]. Переход к сугубо «дистанционному формату» школьного, да и среднеспециального обучения разрушит сложившуюся систему ценностей, в первую очередь потребность в общении и оценке референтной группы.

Уже в настоящее время большинство школьников предпочитают живому общению общение в социальных сетях через Интернет и компьютерные игры. Подростки отождествляют себя с игровым персонажем, заводят дружбу от его имени и даже влюбляются. Пребывание в Интернете у подростков не ограничивается играми. Ученики средних и старших классов много свободного времени посвящают скачиванию музыки, загрузке фотографий, общению с друзьями в социальных сетях. Их количество увеличивается в зависимости от возраста: 14,1 % – 11 лет, 25,8 % – 13 лет, 33,7 % – 15 лет. Результаты различны и в зависимости от пола: 26,8 % – мальчики, 21,9 % – девочки. Статистика интернет-зависимости у российских подростков позволяет определить количество времени, проведенного в сети за день. С 2006 по 2010 г. число подростков, проводящих за компьютером не менее трех часов каждый день, увеличилось в четыре раза (с 5,7 до 21,7 %). К 2018 г. уже 56 % детей постоянно находились в Сети [19]. Следует признать, что данная проблема нарастает. Наряду с этим было выявлено, что большинство просматривают в Интернете видеоролики со сценами насилия (61,8 %), жестокости (75,2 %), порнографии (46,8 %). При просмотре таких видеороликов испытывают отвращение 66,7 % подростков, страх – 35,6 %. Настораживает, что треть подростков просматривают такие ролики с интересом (35,6 %), а единицы – с наслаждением.

В социальных сетях появляются и смертельные группы. Организаторы, которые устраивают своего рода игры, доводят детей до самоубийства.

Выдающийся советский ученый в области психологии и педагогики Л.С. Выготский писал, что «воспитывать – значит организовывать жизнь, в правильной жизни правильно растут дети. В самой природе воспитательного процесса, в психологической сущности его заключено требование возможно более тесного контакта и близкого общения с жизнью» [20, с. 267].

Еще один важный момент, связанный с влиянием компьютеров на здоровье подрастающего поколения. По данным Роспотребнадзора, всеми силами «стоящего на охране здоровья нации», «продолжительность непре-

рывного использования компьютера с жидкокристаллическим монитором на уроках составляет: для учащихся 1–2 классов – не более 20 минут, для учащихся 3–4 классов – не более 25 минут, для учащихся 5–6 классов – не более 30 минут, для учащихся 7–11 классов – 35 минут» [21]. Возникает логичный вопрос: каким образом будет осуществляться цифровая образовательная среда и соблюдаться рекомендации Роспотребнадзора?

Безусловно, в данных условиях распространение среди населения панических настроений, связанных с переходом полностью на дистанционное школьное образование, не способствует укреплению авторитета государства и не отвечает возросшим потребностям общества в «социальной справедливости» (по данным опроса Научно-исследовательского центра социологии РАН). Представляется, что полностью дистанционное среднее образование приемлемо только в условиях чрезвычайного положения, стихийных бедствий, эпидемий, эпизоотий, для детей с ограниченными возможностями, по выбору родителей и детей. Основная же часть несовершеннолетнего населения страны в целях формирования воспитанной, здоровой, интеллектуально развитой нации должна продолжать традиции российской школы с элементами цифровизации. Внедряя интернет-ресурсы в процесс воспитания и обучения подрастающего поколения, важно помнить, что они не всегда выступают благом для человека, здесь есть и обратная сторона. Они способны привести к деградации личности.

Библиографический список

1. Путин внес в Госдуму поправки о воспитании в системе образовании. URL: <https://iz.ru/1013892/2020-05-21/putin-vnes-gosdumu-popravki-o-vozpitanii-v-sisteme-obrazovaniia>.
2. Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен : в 2 ч. / под общ. ред. В.П. Сальникова ; науч. ред., вступ. ст., предм. указ. М.В. Захарченко. СПб. : Алетейя, 2000. Ч. 1. 429 с.
3. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 170–191.
4. Захарченко М.В. Предисловие научного редактора // Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен : в 2 ч. / под общ. ред. В.П. Сальникова ; науч. ред., вступ. ст., предм. указ. М.В. Захарченко. СПб. : Алетейя, 2000. Ч. 1. С. 5–22.
5. Мошкова Л.В. Концептуальные подходы к изучению всемирного историко-педагогического процесса в отечественной историографии // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография. М. : ИТОП, 1996. С. 169–185.

6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183–194.
7. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. 2018. № 11. С. 188–193.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П., Масленников Д.В. Дополняя собственные мысли о логосе права // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 163–194.
9. Патриарх Кирилл. Диалог с обществом. Выступление на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре, Москва, 22 фев. 2012 г. М. : Индрик, 2012. 260 с.
10. Патриарх впервые выступил в Совете Федерации. URL: <https://interfax.ru/news/show/18537>.
11. Поправки к Конституции Российской Федерации. Общероссийское голосование 1 июля 2020 г. Наша страна, наша Конституция, наше решение! М., 2020. 19 с.
12. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 155–164.
13. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19–26.
14. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 66–73.
15. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182–190.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. 2016. № 3. С. 24–25.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается компрекендный подход // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 77–87.
18. Дубровина И.В. Психологические проблемы воспитания детей и школьников в условиях информационного общества // Национальный психологический журнал. 2018. № 1 (29). С. 6–16.
19. Статистика интернет-зависимости у российских подростков. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/127->.

20. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М. : Педагогика, 1991. 480 с.

21. В Роспотребнадзоре пояснили, сколько можно школьникам проводить за компьютером. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6776088>.

Дата поступления: 05.12.2020

**UPBRINGING THE YOUNGER GENERATION
IN THE CONDITIONS OF DISTANCE EDUCATION
AND DIGITALIZATION: NEW CONCEPTUAL APPROACHES
IN THE RULE-OF-LAW STATE**

SALNIKOV Victor Petrovich

*Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Editor-in-Chief
of the Journal «Legal Science: History and Modernity», St. Petersburg, Russia.
E-mail: fonduniver@bk.ru*

BRYLEVA Elena Alexandrovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department
of Civil Law Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Perm, Russia.
E-mail: elenbrylev@yandex.ru*

GALIEV Farit Khatipovich

*Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State
and Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru*

The article analyzes the problematic issues that arise when using distance technologies in the educational process, and indicates that the full implementation of distance learning does not contribute to the effectiveness of the educational process. Attention is drawn to the existing problem of youth's enthusiasm for computers, which negatively affects both their health and the process of socialization. This problem can be exacerbated as a result of the widespread introduction of distance learning methods, this is why we call for a thoughtful approach to the issue and the preservation of the existing educational system,

combined with a digital educational environment in a State governed by the rule of law. **Purpose:** to focus on the need to take into account the features of the use of distance technologies in the educational process. **Methods:** the research is based on empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, historical and sociological. **Results:** the authors come to the conclusion that the emergence of distance learning technologies is undoubtedly associated with the next stage in the development of scientific progress, however, the introduction of these technologies into the educational process is justified only in some cases, for example, in a state of emergency, natural disasters, epidemics, epizootics, for children with disabilities, at the choice of parents and children. This must be taken into account when choosing the forms and methods of teaching in modern conditions.

Keywords: upbringing; distance education; growing generation; digital educational environment; rule-of-law state; sovereign state law ideology.

References

1. *Putin vnes v Gosdumu popravki o vospitanii v sisteme obrazovanii* [Putin introduced amendments to the State Duma on upbringing in the education system]. Available at: <https://iz.ru/1013892/2020-05-21/putin-vnes-gosdumu-popravki-o-vospitanii-v-sisteme-obrazovaniia>. (In Russian).
2. Modzalevskij L.N.; Sal'nikov V.P., Zaharchenko M.V. (eds.). *Ocherki istorii vospitaniya i obucheniya s drevnejshih do nashih vremen* [Essays on history of education and training from ancient times to our times]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2000. Pt. 1. 429 p.
3. Sal'nikov V.P. Western tradition of law: political and legal values and ideals. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2013, no. 10, pp. 170–191. (In Russian).
4. Zaharchenko M.V. Foreword by the Science Editor. In Modzalevskij L.N.; Sal'nikov V.P., Zaharchenko M.V. (eds.). *Ocherki istorii vospitaniya i obucheniya s drevnejshih do nashih vremen* [Essays on history of education and training from ancient times to our times]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2000. Pt. 1, pp. 5–22. (In Russian).
5. Moshkova L.V. Conceptual approaches to the study of the world historical and pedagogical process in national historiography. *Vsemirnyj istoriko-pedagogicheskij process: koncepcii, modeli, istoriografiya* [World historical and pedagogical process: concepts, models, historiography]. Moscow, ITOP Publ., 1996, pp. 169–185. (In Russian).

6. Zaharcev S.I., Sal'nikov V.P. Reflections on the foundations of Russian sovereign philosophical and legal ideology/ *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* = *Legal Science: History and Modernity*, 2020, no. 2, pp. 183–194. (In Russian).

7. Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Prokof'ev K.G., Sal'nikov M.V. The idea of freedom in the sovereign ideology of law: axiological and moral and legal aspects. *Mir politiki i sociologii* = *World of Politics and Sociology*, 2018, no. 11, pp. 188–193. (In Russian).

8. Zaharcev S.I., Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Complementing my own thoughts about the logos of law. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* = *Legal Science: History and Modernity*, 2019, no. 11, pp. 163–194. (In Russian).

9. Patriarh Kirill. *Dialog s obshchestvom. Vystuplenie na rasshirennom zasedanii Patriarshego soveta po kul'ture, Moskva, 22 fevralya 2012 g.* [Dialogue with society. Speech at an expanded meeting of the Patriarchal Council for Culture, Moscow, February 22, 2012]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 260 p.

10. Patriarh pervyye vystupil v Sovete Federacii [The Patriarch made his first appearance at the Federation Council]. Available at: <https://interfax.ru/news/show/18537>. (In Russian).

11. *Popravki k Konstitucii Rossijskoj Federacii. Obshcherossijskoe golosovanie 1 iyulya 2020 g. Nasha strana, nasha Konstituciya, nashe reshenie!* [Amendments to the Constitution of the Russian Federation. All-Russian vote on July 1, 2020 Our country, our Constitution, our decision!]. Moscow, 2020. 19 p.

12. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. The philosophy of I. Kant and G.W.F. Hegel: Reflection of the Principles of Justice and Law. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki* = *Legal Field of Modern Economy*, 2016, no. 5, pp. 155–164. (In Russian).

13. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural legal tradition. *Mir politiki i sociologii* = *World of Politics and Sociology*, 2016, no. 9, pp. 19–26. (In Russian).

14. Galiev F.H. On the syncretism of legal culture. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2013, no. 4 (34), pp. 66–73. (In Russian).

15. Galiev F.H. Legal culture: social and philosophical problems. *Mir politiki i sociologii* = *World of Politics and Sociology*, 2016, no. 7, pp. 182–190. (In Russian).

16. Zaharcev S.I., Sal'nikov V.P. Right without meaning. *Zashchita i bezopasnost'* = *Protection and Security*, 2016, no. 3, pp. 24–25. (In Russian).

17. Zaharcev S.I., Sal'nikov V.P. For the knowledge of law, a comprehensive approach is proposed. *Rossiiskij zhurnal pravovyh issledovanij* = *Russian Journal of Legal Research*, 2017, no. 1 (10), pp. 77–87. (In Russian).

18. Dubrovina I.V. Psychological problems of raising children and schoolchildren in an information society. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* = *National Psychological Journal*, 2018, no. 1 (29), pp. 6–16. (In Russian).

19. *Statistika internet-zavisimosti u rossijskih podrostkov* [Internet dependency statistics for Russian teenagers]. Available at: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/127->. (In Russian).

20. Vygotskij L.S. *Pedagogicheskaya psihologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1991. 480 p.

21. *V Rospotrebnadzore poyasnili, skol'ko mozžno shkol'nikam provodit' za komp'yuterom* [Rospotrebnadzor explained how much time schoolchildren can spend on a computer]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/6776088>. (In Russian).

Received: 05.12.2020

**Материалы Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
«Современные проблемы антикриминальной
деятельности российского государства»**

**Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical
Conference with international participation
«Modern Problems of Anti-Criminal Activities
of the Russian State»**

УДК 336.6

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.36

**ЕДИНАЯ БИОМЕТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ЕДИНАЯ
СИСТЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ И АУТЕНТИФИКАЦИИ
КАК ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ
ИНТЕРНЕТ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ**

КУЗБАГАРОВ Муслим Назаргалиевич

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Государственного
института финансов, экономики, права и технологий,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: muslim_72@mail.ru*

КУЗБАГАРОВА Елена Викторовна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного
университета, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: elenakuzbagarova@mail.ru*

Статья посвящена организационным и правовым вопросам использования единых систем идентификации в различных отраслях экономики, в частности в банковской сфере. Использование в Российской Федерации с

2011 г. Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) и с 2018 г. – Единой биометрической системы (ЕБС) стало одним из перспективных направлений в деятельности коммерческих банков и других субъектов финансовой системы. Активное внедрение ЕБС и ЕСИА в банковскую сферу целесообразно рассматривать как инструмент обеспечения безопасности банковских операций с использованием сети Интернет, созданный на основе современных инженерно-технических и программных разработок. **Цель:** анализ основных направлений использования ЕСИА и ЕБС в банковской сфере, выявление существующих организационных и правовых проблем, возникающих в деятельности банков при осуществлении операций. **Методы:** анализа и синтеза, обобщения, сравнения и системного подхода. **Результаты:** авторами обозначены организационные и правовые проблемы, возникающие в деятельности банков при осуществлении операций с использованием сети Интернет, предложены пути их решения.

Ключевые слова: единая система идентификации и аутентификации; единая биометрическая система; персональные данные; банковские операции; банковская система интернет-банкинга; правовое регулирование.

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 22 февраля 2018 г. № 293-р «О возложении на публичное акционерное общество междугородной и международной электрической связи "Ростелеком" функций оператора единой информационной системы персональных данных» с 1 июля 2018 г. в России введена ЕБС, которая является составной частью ЕСИА. ЕСИА и ЕБС позволяют производить удаленную идентификацию физических лиц: ЕБС – по степени схожести биометрического образа, ЕСИА – по логину/паролю.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определено, что государственные органы, банки и иные организации в случаях, предусмотренных федеральными законами, после проведения идентификации при личном присутствии гражданина с его согласия на безвозмездной основе размещают в электронной форме:

1) сведения, необходимые для регистрации гражданина и юридического лица в ЕСИА, и иные сведения, если они предусмотрены федеральными законами, – в ЕСИА;

2) биометрические персональные данные гражданина, то есть данные изображения лица человека, полученные с помощью фото-, видеоус-

тройств; данные голоса человека, полученные с помощью звукозаписывающих устройств, – в ЕБС.

При необходимости использования ЕБС и ЕСИА в какой-либо сфере деятельности целесообразно определить, что здесь необходимо: идентификация, аутентификация или верификация. Идентификация направлена на использование персональных данных для установления личности человека. Цель верификации и аутентификации – установление действительности субъекта, но без установления его личности, то есть проверка истинности данных субъекта [1, с. 37].

Внедрение ЕБС и ЕСИА в России в настоящее время осуществляется в различных направлениях, исключением не стала и банковская сфера. В банковской сфере внедрена биометрическая идентификация – технология распознавания клиентов по биометрическим данным (изображению лица, отпечаткам пальцев, снимку радужной оболочки, записи голоса).

При осуществлении расчетных и кредитных обязательств население России и большинства стран мира активно использует банковскую систему дистанционного обслуживания интернет-банкинг, и процент вовлечения населения в данную сферу банковских услуг растет с каждым годом. Интернет-банкинг как конкурентно значимое средство имеет ряд преимуществ как для банковской сферы (сокращение расходов на функционирование офисов), так и для клиентов (отсутствие необходимости физического посещения банка и, как следствие, экономия времени и повышение активности использования электронных ресурсов). По числу безналичных платежей с использованием смартфонов (Apple Pay, Samsung Pay, Android Pay) Российская Федерация находится на первых местах в мире. Как видно, осуществление банковских операций все чаще происходит с использованием сети Интернет, электронных каналов связи.

Электронные расчеты в соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹ являются разновидностью безналичных расчетов. Кроме того, данным законом определены некоторые особенности перевода денежных средств при проведении конкретных видов безналичных расчетов с учетом положений, определенных в иных нормативных актах, в частности с учетом Положения Банка России от 6 июля 2017 г. № 595-П «О платежной системе

¹ О национальной платежной системе : федер. закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.08.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2018).

Банка России»¹, Положения Банка России от 19 июня 2012 г. № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»². В целях создания безопасной платформы функционирования интернет-банкинга на вооружение приняты ЕСИА и ЕБС как конкурентоспособные инструменты обеспечения безопасности банковских операций с использованием сети Интернет.

ЕБС значительно облегчает работу банков и весь процесс оформления банковских продуктов для клиента, так как для определения личности достаточно сопоставить голос и лицо клиента с данными в ЕБС. Клиенты банка, в свою очередь, могут оформить любой банковский продукт в любое время и в любом месте по телефону или в интернет-банке. Они могут осуществлять не только банковские операции и перевод денежных средств, но и кредитные обязательства.

Среди финтех-продуктов в России наибольшей популярностью пользуется онлайн-кредитование. По данным консалтинговой компании Deloitte, оно занимает 90 % от всей финтех-отрасли страны. Объем отрасли, по данным финтех-группы TWINO, в 2018 г. составил 80 млрд руб., что на 77 % больше, чем годом ранее. В 2017 г. российские онлайн-компании выдали на 67 % займов больше, чем в 2016-м. Однако в 2020 г. на фоне пандемии COVID-19 число полученных физическими и юридическими лицами кредитов снизилось на 3–8 % [2].

На Западе наиболее активно развивается онлайн-кредитование с использованием площадок P2P и P2B-кредитование. В России P2P-площадки также используются, но отсутствует правовая регламентация данного процесса, что, с одной стороны, создает ряд возможностей для их создателей, а с другой – увеличивает риски для займодателей на фоне сниженного уровня безопасности и роста числа фактов мошенничества в данной сфере. Ретейл в рамках создания безопасной платформы финансового существования вынуждает компании углубляться в сторону дополнительных сервисов и услуг, в том числе с использованием проверки клиентов по системам ЕБС и ЕСИА. Данные факты можно считать факторами для развития онлайн-кредитования в стране с учетом необходимости создания безопасной правовой и финансовой платформы данного вида деятельности в банковской сфере с учетом Указаний Банка России и ПАО «Ростелеком» № 4859-У/01/01/782-18 «О перечне угроз безопасности, ак-

¹ О платежной системе Банка России : положение Банка России от 06.07.2017 № 595-П // Вестник Банка России. 2017. № 90–91.

² О правилах осуществления перевода денежных средств : положение Банка России от 19.06.2012 № 383-П // Вестник Банка России. 2012. № 34.

туальных при обработке, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверке и передаче информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации в государственных органах, банках и иных организациях, указанных в абзаце первом части 1 статьи 14.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", в единой биометрической системе»¹.

Для создания безопасной финансовой платформы компаниями активно используются перспективные инновационные технологии – искусственный интеллект, машинное обучение, предикативная аналитика и Big Data. В частности, в рамках скоринга при помощи искусственного интеллекта анализируют огромные объемы информации о потенциальном заемщике из самых разных источников, начиная от социальных сетей и заканчивая поведением человека при совершении покупок в интернет-магазинах и оплате мобильной связи. Современные системы позволяют обнаружить неочевидные тревожные сигналы и, наоборот, одобрить кредит тем заемщикам, которых «не пропустили» банковские системы аналитики [3]. С правовой точки зрения такой безопасной платформы в настоящее время в России нет.

Вместе с тем необходимо обратиться к нормам гражданского законодательства, регулирующим осуществление кредитных обязательств. К сожалению, для введенной Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² конструкции консенсуального займа не было предложено аналогичное решение – требование об обязательном соблюдении письменной формы договора, которое выступало бы в качестве меры пра-

¹ О перечне угроз безопасности, актуальных при обработке, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверке и передаче информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации в государственных органах, банках и иных организациях, указанных в абзаце первом части 1 статьи 14.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в единой биометрической системе : указание Банка России и ПАО «Ростелеком» № 4859-У/01/01/782-18 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 09.11.2020).

² О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ // Российская газета. 2017. № 167.

вового обеспечения безопасности совершения сделки, позволяющей впоследствии признать форму заключенной сделки соблюденной. Таким образом, в настоящее время в гражданском законодательстве России содержатся некоторые нормы, регулирующие банковскую деятельность по осуществлению расчетных и кредитных обязательств в системе интернет-банкинга, но они не направлены на регулирование банковской деятельности с использованием сети Интернет в целом.

В этой связи актуальной становится проблема правового обеспечения безопасности осуществления банковских операций в сети Интернет. Банки осуществляют внутренний контроль, в частности управляют информационными потоками (получение и передача информации) и обеспечивают информационную безопасность, в том числе при активном использовании ЕБС и ЕСИА, однако очевидным является тот факт, что в сфере интернет-банкинга безопасность обеспечивается недостаточно. Возникает обоснованная необходимость ввода и развития так называемых новых мер превентивного характера, которые должны быть закреплены на законодательном уровне. Все указанные мероприятия должны осуществляться в рамках государственного контроля банковской сферы.

Безусловно, банки сами стремятся к обеспечению дополнительной информационной безопасности и поэтому на данный момент времени практически любая транзакция должна быть подтверждена теми или иными действиями, то есть инициации транзакции на сайте кредитной организации или в приложении на смартфоне будет недостаточно. В нашей стране в качестве дополнительного подтверждения транзакции преимущественно используется введение кода, присланного в SMS-сообщении, но существуют и иные варианты подтверждения. Например, в некоторых скандинавских банках при оплате товара, купленного в Интернете, необходимо подтвердить транзакцию через банковское приложение (запрос появляется на экране смартфона, в котором установлено данное приложение).

В современном мире информационных технологий на данный момент эти меры уже в неполной мере обеспечивают безопасность, и главной проблемой реализации банковской деятельности по осуществлению расчетных и кредитных обязательств в системе Интернет является обеспечение сохранности средств как клиентов, так и банка. По мнению авторов, в настоящее время назрела необходимость не просто внесения изменений в действующее гражданское законодательство, а принятия новых нормативно-правовых актов, направленных на регулирование дистанционного банковского обслуживания, в том числе с использованием интернет-банкинга, и они должны быть основаны на положениях указа Прези-

дента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»¹.

Письмо Банка России от 7 декабря 2007 г. № 197-Т «О рисках при дистанционном банковском обслуживании»² предписывает банкам доводить информацию, в содержании которой описываются незаконные способы получения пароля или кода. Таким образом, возникает возможность доступа к данным, содержащимся в ЕСИА. Так, многие крупные российские банки разработали памятки безопасности для своих клиентов³ и рекомендуют использовать не только ЕСИА, но и данные, содержащиеся в ЕБС.

Биометрическая система основывается на технологии записи образа индивидуальной биометрической черты пользователя, ее последующей обработки и сохранения. Биометрическая система в процессе обработки загруженной индивидуальной биометрической черты выделяет в ней идентификационные признаки и с помощью математической обработки переводит ее в математический код, который отправляется на хранение на сервер программы, присваивая ему идентификационный номер или иные информационные данные, например имя человека. В процессе использования системы будет осуществляться запрос на аутентификацию, то есть предоставляемые биометрические данные должны быть сравнены с теми, которые находятся в информационном банке. Успешная аутентификация позволяет человеку получить доступ к программе. Таким образом, основной задачей функционирования биометрической системы, в том числе и в банковской сфере, является аутентификация клиента.

Преимущества внедрения биометрических технологий в банковскую сферу достаточно подробно описаны в ряде научных статей [4; 5; 6]. Обобщенно можно сказать, что данные, хранящиеся в ЕБС, невозможно похитить, потерять или забыть, как следствие, это можно рассматривать как один из инструментов обеспечения безопасности совершения банковских операций с минимальной вероятностью ошибочной аутентификации. Российские банки стали широко использовать технологии распознавания голоса, приме-

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 30.09.2020).

² О рисках при дистанционном банковском обслуживании : письмо Банка России от 07.12.2007 № 197-Т // Вестник Банка России. 2007. № 68.

³ Памятка по безопасности при использовании удаленных каналов обслуживания ПАО Сбербанк [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/524327421> (дата обращения: 10.11.2020).

няемые в call-центрах, сканирование отпечатков пальцев при входе в мобильное приложение банка и технологии распознавания лица.

Введение биометрических паспортов, содержащих биометрические данные клиента на встроенном чипе, станут основным источником качественного, защищенного и ускоренного обслуживания клиентов. Биометрический паспорт гражданина необходимо рассматривать как документ, удостоверяющий биометрические данные клиента банка [7, с. 126].

Банк России в рамках своих полномочий подготовил комплекс мер по повышению темпов развития ЕБС, который включает определенные регуляторные послабления (снижение размера требований по формированию резерва на возможные потери по ссудам), а также дополнительные требования, обязывающие коммерческие банки предоставлять установленный регулятором минимальный набор услуг (открытие вкладов, осуществление денежных переводов, предоставление потребительских кредитов и т. д.). Данные меры, по мнению экспертов и участников финансового рынка, способны интенсифицировать темпы развития программы использования биометрии, но в целом, вероятно, общую ситуацию существенно не изменят [5, с. 145].

ЕБС реализует возможность выявления именно живого человека по загруженным в базу биометрическим характеристикам. Используемые ПАО «Ростелеком» технологии являются лучшими разработками в данной области, ибо разработчики системы исходили из необходимости обеспечения безопасности и сохранности биометрических данных граждан и выявления мошеннических действий в банковской сфере. Здесь стоит обозначить существенный момент, который заключается в потенциальной угрозе совершения мошеннических действий в отношении других организаций, в нашем случае – банков, имеющих доступ к базам данных, через электронные каналы которых доступно проникновение в ЕСИА и ЕБС. В этой связи необходимо, чтобы банковские информационные технологии отвечали следующим характеристикам: 1) информация, хранящаяся на сервере, должна находиться в виртуальном поле доступа и администрироваться при помощи специализированного программного обеспечения; 2) система, используемая банками, должна регулярно проходить аттестацию Центрального Банка по удовлетворению требованиям и условиям безопасности; 3) трафик между системами должен шифроваться, то есть необходимо использовать SSL; 4) обязательно разграничение прав и доступов, то есть не со всех IP-адресов можно сделать запрос в базы ЕСИА и ЕБС, и только определенному кругу лиц [4, с. 334].

В отличие от банковского хранения информации, на сегодняшний день, к сожалению, невозможно обеспечить надежную защиту смартфонов, компьютеров, ноутбуков, которые используются пользователями для личных целей, от различных атак и вирусных программ. Несмотря на то что на устройствах могут устанавливаться антивирусные программы, остается риск угрозы взлома и получения необходимой информации третьим лицом. В связи с этим банки должны надлежащим образом информировать своих клиентов о том, что система интернет-банкинга, несмотря на ее совершенствование, не может гарантировать полную безопасность, остается риск угрозы ее взлома вирусной программой, и тогда банк не отвечает за такой случай. В отдельных случаях для проведения банковских операций через интернет-банкинг было бы целесообразно использовать какое-то отдельное устройство.

Необходимо отметить, что в определенных случаях виной завладения денежными средствами являются необдуманные действия самого клиента или слабая организация безопасности банком или кредитным учреждением. Во всех случаях несанкционированного списания денежных средств со счета клиента и решения вопроса ответственности банка или кредитной организации службе безопасности необходимо проанализировать ситуацию с несанкционированным списанием денежных средств и установить обстоятельства совершения данных действий с целью недопущения в будущем таких фактов, учета их при выработке методов защиты.

На данный факт указывает и судебная практика, в частности Верховным судом Республики Карелия было обосновано следующее: «Клиент должен получить гарантию от банка при получении банковской услуги, что его средства будут надежно защищены посредством дистанционного банковского обслуживания»¹. Данное положение подразумевает, что банки несут полную ответственность за создание банковского продукта, который должен быть безопасным и исключать возможность несанкционированного доступа к клиентскому счету.

При установлении фактов недоработки со стороны банка всех необходимых условий создания безопасного использования услуг дистанционного банковского обслуживания обязанность по устранению данных фактов и компенсации материального ущерба возлагается на банк или иную коммерческую организацию, однако банк не отвечает за неосторожные действия клиента и не может такое гарантировать. Конечно, банковская

¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 14.01.2014 по делу № 33-130/2014 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2020).

услуга может быть безопасной и должна быть таковой, но доступ к счету может быть и следствием неосторожных действий самого клиента. Совершение мошеннических действий со стороны третьих лиц только растет в этой области. Сегодня это могут быть сайты-«двойники», на которых клиент по ошибке ввел свои данные, SMS-уведомления, прямые звонки с номеров, принадлежащих банкам (например, с номера 900), и т. п. Также часты случаи, когда клиент «привязывает» номер мобильного телефона к системе интернет-банкинга, а затем передает его другому лицу. В таких случаях банк не несет ответственность за причиненный ущерб, если он своевременно поставил клиента в известность о недопустимости таких действий с его стороны. Освобождение от гражданско-правовой ответственности для такого случая предусмотрено ст. 1098 ГК РФ.

Согласно данным Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере (ФинЦЕРТ) ЦБ РФ процент операций, совершенных без согласия клиентов с помощью методов социальной инженерии в результате побуждения клиента провести транзакцию или из-за злоупотребления доверием, в 2019 г. снизился до 69 % (в 2018 г. он составлял 97 %). В результате таких банковских операций с карт россиян было похищено почти 6,5 млрд руб. при «среднем чеке» 10 тыс. руб. [8]. Снижение числа несанкционированных списаний денежных средств со счетов клиентов банков в том числе обусловлено и предоставлением физическими лицами своих биометрических данных в ЕБС и дальнейшим активным использованием данной системы при проведении банковских операций.

В то же время необходимо отметить, что банк, кредитное учреждение будут нести ответственность в случае оказания услуг ненадлежащего качества, если они не соответствуют должному уровню безопасности, регламентированному и закрепленному в Стандарте Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения»¹. К мерам защиты на основании указанного документа относятся: защита платежной информации от искажения, возможность блокировать прием к исполнению распоряжений со стороны клиентов, доставка электронных «платежек» участникам обмена.

Оказание услуги интернет-банкинга в техническом плане является довольно специфическим, так как существуют определенные риски для

¹ Об утверждении Стандарта Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения»: распоряжение Банка России от 17.05.2014 № Р-399 СТО БР ИББС-1.0-2014 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2020).

пользователей такой услуги. В связи с этим возникает необходимость в специальном нормативном регулировании указанных правоотношений на законодательном уровне. Несмотря на то что Банком России даны определенные рекомендации в сфере информационной безопасности, их правоприменение на современном этапе затруднено. Банковские услуги, которыми можно пользоваться посредством интернет-банкинга, довольно разнообразны. Пользователь интернет-банкинга имеет возможность получения полного комплекса банковских услуг, которые предоставляются клиентам, приходящим в само банковское учреждение. При помощи услуг интернет-банкинга у пользователей есть возможность перевода средств со счета на счет, осуществления банковских платежей, оплаты коммунальных услуг. Клиенту интернет-банкинга не обязательно посещать офис – все операции он может осуществлять не выходя из дома, но существует и определенное исключение, то есть банковские услуги, предусматривающие расчетные операции, связанные с наличными средствами. Интернет-банкинг имеет массу важных для клиентов преимуществ: экономия времени (не нужно посещать банк лично), возможность управления собственными средствами в любое время суток.

При наличии перечисленных положительных моментов, связанных с использованием интернет-банкинга, не стоит отрицать и тот факт, что любая система может дать сбой. Однако система интернет-банкинга оснащена мощной защитой, а функциональность расчетных операций является практически идеальной, то есть риск возникновения сбоев и ошибок минимизирован, но все же присутствует. Важным элементом безопасности при пользовании услугами интернет-банкинга выступает подтверждение финансовых операций посредством разового пароля. Для того чтобы существенно уменьшить потенциальные риски банков в рассматриваемой сфере, стоит объединить подходы и требования регуляторов к обеспечению необходимого уровня безопасности систем интернет-банкинга.

На основании изложенного авторы предлагают в качестве основного направления формирования современного правового регулирования банковской деятельности по осуществлению банковских операций с использованием интернет-банкинга разработать и принять единый Закон «О дистанционном банковском обслуживании». В данном нормативно-правовом акте необходимо систематизировать все вопросы, касающиеся регулирования всех направлений дистанционного банковского обслуживания, в том числе и сети Интернет, и осуществления банковских операций с использованием интернет-банкинга.

Библиографический список

1. Брызгин А.А., Минбалеев А.В. Правовой режим биометрических персональных данных // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2 (4). С. 35–42.
2. Банк России дал прогноз по динамике кредитования в 2020 году. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10923917>.
3. Тулешов А. Онлайн-кредитование: основные тренды в России и в мире. URL: <https://tuleshov.com/onlajn-kreditovanie-osnovnye-trendy-v-rossii-i-v-mire>.
4. Шакер И.Е. Использование биометрической аутентификации и перспективы ее применения в банковской системе России // Экономика и управление. 2016. № 5. С. 83–89.
5. Берлин С.И., Батори Г.А., Копылова Д.В. Биометрия в банковской сфере. Исследования вопроса безопасности хранения биометрических данных // Вестник Академии знаний. 2019. № 32 (3). С. 330–336.
6. Протасов П.А. Биометрия в банковской системе РФ // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер.: Экономика. 2020. № 49. С. 141–148.
7. Мазуркевич Н.В., Петрович М.Ю. Биометрические технологии – инновационный механизм защиты от мошенничества в банковской сфере // Банковская система: устойчивость и перспективы развития : сб. науч. ст. Десятой междунар. науч.-практ. конф. по вопросам банковской экономики, Пинск, 25 окт. 2019 г. / редкол.: К.К. Шебеко [и др.] ; Мин-во образования Респ. Беларусь. Пинск : ПолесГУ, 2019. С. 124–128.
8. В ЦБ назвали сумму украденных средств с банковских карт россиян в 2019 году. URL: <https://iz.ru/977900/2020-02-19/v-tcb-nazvali-summu-ukradennykh-sredstv-s-bankovskikh-kart-rossiian-v-2019-godu>.

Дата поступления: 20.11.2020

**THE UNIFIED BIOMETRIC SYSTEM AND UNIFIED SYSTEM
OF IDENTIFICATION AND AUTHENTICATION AS TOOLS
TO ENSURE THE SECURITY OF BANKING
OPERATIONS USING THE INTERNET: LEGAL
AND ORGANIZATIONAL ISSUES**

KUZBAGAROV Muslim Nazargalievich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Law, North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Assistant Professor of the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Finance, Economics, Law and Technology, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: muslim_72@mail.ru*

KUZBAGAROVA Elena Viktorovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Forensic Expertise, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: elenakuzbagarova@mail.ru*

The paper is devoted to the organizational and legal issues of using the unified identification systems in various sectors of the economy, in particular in the banking sector. In the Russian Federation since 2011 the use of the unified identification and authentication system (ESIA) and since 2018 the use of the unified biometric system (EBS) has become one of the most promising areas in the activities of commercial banks and other subjects of the financial system. It is advisable to consider the active introduction of the EBS and ESIA into the banking sector as a tool for ensuring the security of banking transactions using the Internet, developed on the basis of modern engineering, technical and software developments. **Purpose:** to analyze the main directions of the use of the ESIA and EBS in the banking sector, to determine the existing organizational and legal issues arising in the practical activities of banks when implementing banking operations. **Methods:** the research is carried out on the basis of the methods of analysis and synthesis, generalization, comparison and a systematic approach. **Results:** based on the results of the study, the authors identify the existing organizational and legal issues arising in the practical activities of banks when carrying out banking operations using the Internet, and suggest ways to solve them.

Keywords: unified identification and authentication system; unified biometric system; personal data; banking operations; banking system of the Internet banking, legal regulation.

References

1. Bryzgin A.A., Minbaleev A.V. Legal regime of biometric personal data. *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere = Bulletin of the Ural Federal District. Information security*, 2012, no. 2 (4), pp. 35–42. (In Russian).
2. Bank Rossii dal prognoz po dinamike kreditovaniya v 2020 godu [The Bank of Russia gave a forecast for the dynamics of lending in 2020]. Available at: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10923917>. (In Russian).
3. Tuleshov A. *Onlajn-kreditovanie: osnovnye trendy v Rossii i v mire* [Online lending: main trends in Russia and in the world]. Available at: <https://tuleshov.com/onlajn-kreditovanie-osnovnye-trendy-v-rossii-i-v-mire>. (In Russian).
4. SHaker I.E. The use of biometric authentication and the prospects for its application in the banking system of Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2016, no. 5, pp. 83–89. (In Russian).
5. Berlin S.I., Batori G.A., Kopylova D.V. Biometrics in banking. Research on the security of biometric data storage. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2019, no. 32 (3), pp. 330–336. (In Russian).
6. Protasov P.A. Biometrics in the banking system of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Tomsk State University. Series: Economics*, 2020, no. 49, pp. 141–148. (In Russian).
7. Mazurkevich N.V., Petrovich M.YU. Biometric technologies – an innovative anti-fraud mechanism in the banking sector. In SHEbeko K.K. (ed.). *Bankovskaya sistema: ustojchivost' i perspektivy razvitiya* [Banking system: sustainability and development prospects]. Pinsk, PolesGU Publ., 2019, pp. 124–128. (In Russian).
8. V CB nazvali summu ukradennykh sredstv s bankovskih kart rossiyan v 2019 godu [The Central Bank named the amount of funds stolen from bank cards of Russians in 2019]. Available at: <https://iz.ru/977900/2020-02-19/v-tcb-nazvali-summu-ukradennykh-sredstv-s-bankovskikh-kart-rossiian-v-2019-godu>. (In Russian).

Received: 20.11.2020

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.37

СТРАТЕГИЯ АДАПТИВНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

СИТДИКОВА Гузель Зуфаровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Бакирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: g40773@yandex.ru

Люди разных поколений находят в цифровой среде источники важной для себя информации. Миллениалы и зумеры выросли в цифровом пространстве и научились получать там знания. Цифровизация стала частью бытия, и оно определяет сознание. Многие профессии меняют вектор компетенций под наступающей эпохой глобальной цифровизации. Данная тенденция распространилась и на сферу уголовного судопроизводства. Исследование проблем цифровизации уголовно-процессуальных отношений позволило выявить тенденции использования технологических преимуществ и предложить поэтапную Стратегию адаптивной цифровизации уголовного судопроизводства. **Цель:** анализ текущего состояния и трансформации уголовно-процессуальных отношений в цифровой среде, предложение Стратегии адаптивной цифровизации уголовного судопроизводства в пространстве расширенной реальности. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, моделирования, теоретические методы формальной и диалектической логики, синтеза: образования научных понятий, формулировки закономерностей. **Результаты:** исследование позволило выявить отдельные аспекты уголовно-процессуальных отношений, правовое регулирование которых с доступной адаптацией к цифровизации позволит повысить эффективность деятельности органов предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела судом.

Ключевые слова: киберфизическое пространство; цифровая среда; Big Data; уголовно-процессуальные отношения; электронный запрос на информацию и сведения; доказательства; электронный документ.

Цифровизация современных отношений в обществе привела к нарастанию «цифрового слоя» между человеческим сознанием и внешним миром. Восприятие объективной реальности происходит через призму

цифрового пространства. Для миллениалов («сетевого поколения») и зумеров цифровое восприятие пространства стало незаменимым инструментом в познавательном процессе. Синтез человеческого познания и искусственного интеллекта приводит к слиянию материального и киберфизического пространств, в результате чего объекты цифрового мира приобретают материальную ценность, а материальные объекты преобразуются в цифровой код [1].

Аналогичные тенденции развиваются во многих профессиональных сферах, в том числе в уголовно-процессуальной. Потребность преобразования материальных объектов в цифровые актуальна в досудебном и судебном производствах. Применяются источники сведений, имеющих значение для расследования уголовного дела, представленные в автоматизированных электронно-информационных системах на различных порталах и в цифровой среде правоохранительных и судебных органов. Например, в цифровой среде судебных органов функционирует территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ, – Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие» (ГАС «Правосудие»)¹.

В цифровой среде МВД России активизирована Федеральная государственная информационная «Система обеспечения предоставления информации МВД России в рамках межведомственного электронного взаимодействия МВД России (ВИС-СМЭВ)». Она предназначена для организации доступа электронных сервисов МВД России в систему межведомственного электронного взаимодействия².

Одной из глобальных цифровых систем государственного масштаба является «Портал государственных услуг РФ». На портале есть раздел «Правосудие, правопорядок», в котором находится информационный массив в виде «Федерального портала проектов нормативных правовых актов», представлена информация государственных правоохранительных органов: Генеральной прокуратуры РФ, Главного управления по вопро-

¹ Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие» : интернет-портал [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 23.11.2020).

² Государственные информационные системы, находящиеся в ведении МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/gis> (дата обращения: 23.11.2020).

сам миграции МВД России, Конституционного Суда РФ, МВД РФ, Минюста РФ, Росгвардии, ФСИН и ФССП¹.

Большие по объему сведения, имеющие доказательственное значение, сегодня содержатся в электронной среде предприятий и организаций, в вещественных доказательствах на электронных носителях информации. Вместе с тем материалы уголовных дел о тяжких и особо тяжких многоэпизодных преступлениях, совершенных в соучастии, могут исчисляться тысячами листов и иметь множество вещественных доказательств. Доступность адаптивной цифровизации способствует оптимизации «бумаготворчества» в повседневной уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц, осуществляющих расследование и судебное разбирательство.

Стратегия адаптивной цифровизации уголовного судопроизводства начинается со сканирования текущего состояния взаимодействия участников уголовно-процессуальных отношений с целью выявления основных тенденций, формирующих масштабные изменения в цифровой среде правоотношений. Основой базовых преобразований в Стратегии адаптивной цифровизации уголовного судопроизводства являются выявление тенденций применения новых технологий и требуемых для этого изменений в социальных, технологических, макроэкономических, образовательных и правовых сферах. Перспективные тенденции, выявление и количественные оценки факторов сдерживания доступности цифровых технологий, модернизация процессов позволят обеспечить условия адаптивной цифровизации уголовно-процессуальных отношений.

Факторы сдерживания адаптивной цифровизации в уголовном судопроизводстве заключаются, прежде всего, в целом ряде технологических препятствий. В частности, в низкой доступности телекоммуникационного стандарта связи нового поколения, действующего на основе стандартов телекоммуникаций (5G/IMT-2020), следующих за существующими стандартами 4G/IMT-Advanced, в недостаточном уровне оснащенности должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда техническими устройствами, предназначенными для получения и обработки информации в цифровой форме. Обеспечение следователей, дознавателей, прокуроров и судей современными стационарными и мобильными цифровыми устройствами, веб-камерами, интернет-планшетами, нетбуками, неттопами, способными функционировать вне рабочего места при производстве следственных или судебных действий,

¹ Портал государственных услуг РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/structure> (дата обращения: 23.11.2020).

позволит повысить уровень первичных компетенций по работе с цифровыми технологиями и дистанционной работе в цифровой среде.

Стратегия адаптивной информатизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации предполагает разработку и одновременное проведение организационных, технологических и технических преобразований по ряду приоритетных направлений.

Первым этапом Стратегии адаптивной информатизации является обновление компьютерной базы, которой оснащены дознаватели, следователи, сотрудники органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, прокуратура и судебные органы. Расстояние от центра административно-территориального образования до места нахождения правоохранительного или судебного органа во многих регионах снижает качественные и количественные характеристики компьютерного и программного обеспечения структурного подразделения государственных правоохранительных или судебных органов и персонального рабочего места дознавателя, следователя, прокурора или судьи.

Для реализации следующего этапа Стратегии адаптивной информатизации уголовного судопроизводства требуются приемлемые финансовые инвестиции в техническое обеспечение рабочих мест должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, прокурорский надзор и правосудие. Предоставление для работы качественных и современных компьютеров, планшетов, нетбуков, неттопов, Macbook, IBM-совместимых устройств и других многофункциональных компьютерных систем потребует одновременной работы по модернизации серверов и обеспечения высокоскоростной и доступной интернет-связи.

В 2020 г. неожиданной для всех стала пандемия и возникшая в связи с ней необходимость организации условий для удаленной работы во многих предприятиях, учреждениях и организациях. Большая нагрузка легла на средства, обеспечивающие мобильную и телекоммуникационную связь. Массовая востребованность средств телекоммуникационной связи в повседневной удаленной работе приводила к перегрузкам сети, не рассчитанным на подобные объемы, внезапным отключениям, в результате чего были случаи потери важных данных и информации, подготовленных документов, ошибочной пересылки их третьим лицам, нарушения конфиденциальности сведений.

Третьим этапом Стратегии адаптивной информатизации уголовного судопроизводства является решение проблем доступности «больших данных» (Big Data) и создание условий расширенной реальности (XR).

Локальность сетевых ресурсов органов МВД РФ, Прокуратуры РФ, федеральных судов общей юрисдикции, судов субъектов Российской Федерации, арбитражных судов ограничена нормативными актами этих ведомств и обоснована необходимостью соблюдения государственной тайны, конфиденциальности служебной информации, защиты персональных данных.

Вместе с тем в повседневной работе должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда востребованы правовые базы данных, справочно-правовые системы, акты судебного толкования, судебная практика. Помимо этого в процессе доказывания от своевременности получения служебной информации, находящейся в электронной среде организаций и предприятий, зависит качество расследования и рассмотрения уголовного дела с соблюдением принципа разумного срока.

Предусмотренная уголовно-процессуальным законом и устоявшаяся правоприменительная практика направления запросов о сведениях, которые имеют значение для раскрытия и расследования уголовного дела, не использует в полной мере возможности информатизации общественных отношений. Так, при расследовании и рассмотрении уголовных дел по вопросам, касающимся производственных и технологических процессов, установленных нормативов, закрепленных за участками работы ответственных лиц, контрольно-отчетной документации, органам предварительного расследования, прокуратуры и суда необходимо направлять письменные запросы, срок исполнения которых влияет на сроки расследования. Полагаем, информатизация общественных отношений по взаимодействию с должностными лицами предприятий и учреждений позволит повысить эффективность расследования.

Одной из эффективных мер, направленных на обеспечение своевременного доступа должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда к необходимой информации, является создание единой формы «Электронного запроса на информацию и сведения»: для правоохранительного органа (ЭЗИС ПО) и судебного органа (ЭЗИС СО). Данный электронный запрос по уголовному делу могут направить по прямому каналу электронной связи руководителю предприятия (учреждения или организации) должностные лица государственных правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, прокуратуры и суда. Для направления «Электронного запроса на информацию и сведения» предлагаем несколько вариантов отправки и получения своевременного ответа от адресата запро-

са в виде электронного сообщения, заверенного электронной подписью руководителя предприятия (учреждения, организации):

1) использовать технические возможности портала «Госуслуги» и направлять запрос ЭЗИС ПО или ЭЗИС СО руководителю предприятия или организации, зарегистрированному на «Госуслугах»;

2) использовать электронно-информационную систему доступа к базам данных предприятий и организаций Федеральной налоговой службы, предусмотрев в этой системе отдельный канал для правоохранительных и судебных органов;

3) создать для органов предварительного расследования, прокуратуры и суда электронно-информационную систему взаимосвязи с предприятиями и организациями, имеющими регистрацию в Единой базе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Правовое регулирование рассматриваемого электронного документооборота необходимо отразить в положениях УПК РФ, для этого внести дополнения в ст. 86.1, предусмотрев процессуальный порядок направления «Электронного запроса на информацию и сведения»: «В ходе уголовного судопроизводства дознаватель, следователь, прокурор и суд направляют должностным лицам предприятий, учреждений или организаций электронный запрос на информацию и сведения через средства телекоммуникационной связи. Результаты исполненного запроса о предоставлении сведений и информации должностные лица предприятий, учреждений или организаций оформляют в виде электронного документа, заверенного усиленной электронной цифровой подписью, и направляют через средства телекоммуникационной связи по месту расследования или рассмотрения уголовного дела в 3-дневный срок».

В уголовно-процессуальных отношениях востребована правовая регламентация расширения источников доказательств, создаваемых и пересылаемых в цифровой среде. В направлении адаптивной цифровизации уголовного судопроизводства предлагаем внести изменения в ст. 74 УПК РФ, предусмотрев п. 6 в следующей редакции: «электронные документы, заверенные усиленной электронной цифровой подписью» (соответственно, п. 7 – «иные документы»), придав электронным документам, заверенным такой подписью должностных лиц предприятий (учреждений, организаций), самостоятельный правовой статус доказательств.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» информация в электронной форме, заверенная усиленной электронной цифровой подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписан-

ному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях. При этом электронный документ, подписанный усиленной электронной цифровой подписью, признается равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью и заверенному печатью¹. Внесение предлагаемых изменений в ст. 74 УПК РФ позволит преодолеть сдерживающий фактор в цифровизации и придать цифровым документам нового поколения юридическую силу.

Предлагаем создать при технической поддержке Государственной автоматизированной системы Единую автоматизированную электронно-информационную систему государственных правоохранительных и судебных органов «Investigation and Justice» («Расследование и правосудие»), которая предоставит широкие возможности информирования лиц, принимающих процессуальные решения по уголовным делам, по вопросам правового регулирования общественных отношений, правоприменительной практики, о судебном прецеденте, наработанных современных методиках расследования отдельных видов преступлений и возможностях судебных экспертиз.

Значительная роль в доступности и адаптации уголовного процесса в цифровой среде отводится образовательным технологиям. Создание цифровой среды обучения нового поколения (NGDLE) позволит сформировать у обучающихся компетенции уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности в цифровой среде, научиться планировать, принимать и оформлять процессуальные решения, действовать в расширенной реальности (XR).

Ориентация образовательного процесса на формирование профессиональных знаний, навыков и умений предполагает новые модели обучения – Digital Learning (цифровое обучение). Активное использование цифровых технологий и практики в цифровой среде обучения нового поколения сформируют профессиональные компетенции дознавателя, следователя, прокурора и судьи на ранних этапах обучения, совершенствуют практические умения и навыки на этапах повышения квалификации. В современных уголовно-процессуальных отношениях, развивающихся в цифровом пространстве, при производстве следственных и судебных действий существенную технологическую поддержку могут оказать аналоги цифровых платформ Zoom, Skype, Discord. К тому же изменение подхода к обучению юристов с увеличением образовательных компетенций

¹ Об электронной подписи : федер. закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2020).

IT-специалистов позволит сформировать единое мышление нового поколения практиков, свободно владеющих навыками работы с цифровыми сервисами и впоследствии способных создать аналоги GoogleDocs, AMW board, Zoom, Skype для уголовного судопроизводства.

Цифровизация меняет нашу жизнь, наше мышление, поведение и принятие решений. Вместе с тем правовое регулирование всегда на один или два шага отстает от реальной жизни. Цифровизация – существенная часть прогресса. [2]. Мейнфреймы и Sunway TaihuLight в ближайшем будущем могут стать естественной частью материально-технического обеспечения цифровой среды уголовного судопроизводства. И сегодня надо готовить правовую почву для адаптивной доступности цифровизации и установления юридического статуса результатов работы искусственного интеллекта [3, с. 38]. Предлагать новую стратегию развития правоотношений в цифровой среде уголовного судопроизводства – это рациональное познание будущего с учетом опыта прошлого и реальности настоящего. Новая стратегия в устоявшейся системе отношений может вызвать критическое восприятие ввиду ее технологической новизны, отсутствия профессиональных компетенций в особенной сфере правоотношений – уголовно-процессуальной.

Библиографический список

1. Laptev V., Fedin V. Legal awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. 2020. Vol. 8, № 1. URL: <https://www.russianlawjournal.org/jour/issue/view/28>.
2. Radvan M. Guest editor's note on digitalization in law // Brics law journal. 2020. Vol. VII, iss. 2. URL: <https://www.bricslawjournal.com/jour/article/view/330/168>.
3. Попова А.В., Горохова С.С., Азнагулова Г.М. Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 37–43.

Дата поступления: 30.11.2020

STRATEGY OF ADAPTIVE DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

SITDIKOVA Guzel Zufarovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor
of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law,
Bashkir State University, Ufa, Russia.*

E-mail: g40773@yandex.ru

People in different generations find information that is important to them in the digital environment. Millennials and buzzers have grown up in the digital space and have learned to gain knowledge there. Digitalization has become a part of being, and it defines consciousness. Many professions are changing the vector of competencies before the era of global digitalization comes. This trend has spread to the field of criminal proceedings. The study of the problems of digitalization of criminal procedural relations makes it possible to identify trends in the use of technological advantages and propose a step-by-step Strategy for adaptive digitalization of criminal proceedings. **Purpose:** to analyze the current state and transformation of criminal procedural relations in the digital environment, proposing a Strategy for adaptive digitalization of criminal proceedings in the space of augmented reality. **Methods:** the author uses empirical methods of comparison, description, modeling, theoretical methods of formal and dialectical logic, synthesis: scientific concepts forming, the formulation of laws. **Results:** the study makes it possible to identify certain aspects of criminal procedural relations; their legal regulation with accessible adaptation to digitalization will increase the efficiency of preliminary investigation bodies activities and the effectiveness of judicial proceedings.

Keywords: cyber-physical space; digital environment; Big Data; criminal procedural relations; electronic request for information and data; evidence; electronic document.

References

1. Laptev V., Fedin V. Legal awareness in a Digital Society. *Russian Law Journal*, 2020, vol. 8, no. 1. Available at: <https://www.russianlawjournal.org/jour/issue/view/28>.
2. Radvan M. Guest editor's note on digitalization in law. *Brics law journal*, 2020, vol. VII, iss. 2. Available at: <https://www.bricslawjournal.com/jour/article/view/330/168>.

3. Popova A.V., Gorohova S.S., Aznagulova G.M. Theoretical and legal approaches to determining the system of principles of legislative regulation of artificial intelligence at the present stage of the development of the rule-of-law state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 3 (57), pp. 37–43. (In Russian).

Received: 30.11.2020

Трибуна молодого ученого

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

УДК 343.98

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.38

О РОЛИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПЕРЕЧНЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ, ПРОВОДИМЫХ ВНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

АБДУЛЛИН Руслан Рамилевич,

*аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского
государственного университета, судья Орджоникидзевского районного
суда г. Уфы, г. Уфа, Россия.*

E-mail: kriminalist2010@mail.ru

Изучение практики расследования преступлений свидетельствует о необходимости использования достижений высоких технологий, выраженных в самой передовой форме – цифровизации. Возможности цифровизации внедряются и в судебно-экспертную деятельность, в том числе в деятельность негосударственных судебно-экспертных организаций. **Цель:** анализ проблем нормативного, научно-методического, материально-технического регулирования перечня судебных экспертиз, проводимых вне государственных судебно-экспертных организаций, с разработкой путей их решения. **Методы:** эмпирические методы наблюдения, сравнения, описания, интерпретации, толкования правовых норм, сравнительно-правового и статистического анализа, формально-логические методы научного познания. **В результате** проведенного исследования различных подходов, анализа отечественных и зарубежных нормативно-правовых актов доказана необходимость разработки перечня судебных экспертиз, запрещенных к производству вне государственных судебно-экспертных организаций, что позволило определить пути повышения уровня цифровизации судебных экспертиз за счет совершенствования правового, научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность; эксперт; негосударственные судебно-экспертные организации; цифровизация; высокотехнологичные методы; перечень экспертиз.

Согласно данным ГИАЦ МВД России с января по август 2020 г. совершено 1 367 400 преступлений, что на 0,9 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Особенно тревожит рост тяжких и особо тяжких преступлений. Их удельный вес от общего числа зарегистрированных преступлений вырос с 24,5 до 27,4 %¹. В этих статистических данных отражается вся сложность криминогенной обстановки в стране, которая требует принятия действенных мер со стороны государства и общества.

Одним из самых значимых направлений в расследовании и раскрытии преступлений, как и в гражданском, арбитражном, административном процессах, является формирование доказательственной базы для дальнейшего отправления правосудия. Существенная роль в исследовании доказательств отводится судебной экспертизе. При этом отметим, что судебные экспертизы законодательством предписано проводить в судебно-экспертных организациях восьми государственных ведомств (МВД, ФСБ, Министерство обороны, Министерство юстиции, Министерство здравоохранения, МЧС, ФТС и СК РФ), а также в негосударственных судебно-экспертных организациях, частными экспертами и лицами, привлекаемыми в качестве экспертов, но работающими в учреждениях, не являющихся экспертными. Причем роль негосударственных судебно-экспертных организаций является значительной во всех видах судопроизводства. Так, за 6 месяцев 2020 г. 59,4 % определений о назначении судебных экспертиз в гражданском процессе и 80,6 % постановлений в административном процессе вынесены в адрес негосударственных экспертных организаций².

Эксперты негосударственных судебно-экспертных организаций, сертифицированные Институтом повышения квалификации Союза «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», проводят судебные экспертизы по 56 экспертным специальностям (родам и видам судебных экспертиз)³, в то время как экспертно-криминалистическими под-

¹ Состояние преступности в России за январь – август 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21244698> (дата обращения: 02.11.2020).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 03.11.2020).

³ Все экспертные специальности: Институт повышения квалификации // Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudex.ru/specialities> (дата обращения: 03.11.2020).

разделениями МВД РФ проводятся экспертизы по 49 экспертным специальностям¹, экспертами федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ – по 56 экспертным специальностям². Из этого обширного перечня выполняемых экспертными организациями судебных экспертиз в современную эпоху повышения уровня интеллектуализации и технологизации криминальной деятельности, цифровизации социально-экономических процессов все большее место стали занимать судебные экспертизы, требующие использования высокотехнологичных средств и методов [1, с. 14]. К использованию таких высокотехнологичных экспертных средств и методов предъявляются высокие требования, в частности разработка программного обеспечения компьютерного решения типовых экспертных задач, разработка автоматизированного поиска информации при решении диагностических экспертных задач, разработка правил цифровизации отдельных видов судебных экспертиз, разработка цифровизованных рабочих мест (ЦРМ) эксперта и др. В этой связи имеются проблемы, одна из которых особенно острая. Это проблема перечня судебных экспертиз, которые могут проводиться вне государственных судебно-экспертных организаций.

В настоящее время ограничения, связанные с запретом производства отдельных видов и родов судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных организаций, законодательно закреплены в ряде стран. Так, в Законе Украины «О судебной экспертизе» от 25 февраля 1994 г. № 4038а-ХІІ в ст. 7 «Субъекты судебно-экспертной деятельности» указано, что криминалистические, судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертизы проводятся «исключительно государственными специализированными учреждениями»³. В Республике Казахстан в особых, оговоренных законом случаях допускается назначение иным лицам в разовом порядке судебной экспертизы, не предусмотренной переч-

¹ Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России : приказ МВД России от 09.01.2013 № 2 (ред. от 27.06.2019) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2020).

² Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 13.09.2018) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2020).

³ Про судову експертизу : Закон України от 25.02.1994 № 4038а-ХІІ [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4038-12> (дата обращения: 26.10.2020).

нем видов судебных экспертиз, установленным Министерством юстиции Республики Казахстан.

Судебно-экспертные организации Российской Федерации, независимо от принадлежности их к различным видам собственности, в настоящее время не имеют законодательного запрета на производство конкретных видов и родов судебных экспертиз. В то же время вполне обоснованной считается необходимость проведения ряда родов судебных экспертиз с соблюдением определенных требований, предъявляемых к специальному оснащению помещений, которые должны соответствовать стандартам и требованиям, утвержденным федеральным исполнительным органом власти. Такими экспертизами являются судебно-баллистические и судебные экспертизы наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ, лекарственных средств. Это вполне естественно, так как кроме высокотехнологичного оборудования для хранения объектов, исследуемых в ходе производства данных родов судебных экспертиз, необходимы специальные помещения со специфической структурой стен, полов, потолка, а также наличие специальных хранилищ со строго соблюдаемыми характеристиками состава воздушной среды и материалов внутри хранилищ и т. д. Поэтому эти виды судебных экспертиз, как и экспертизы взрывчатых веществ, их продуктов, взрывных устройств и следов их взрыва, порохов, пиротехнических составов и следов их сгорания, категорически рекомендовано не проводить вне государственных судебно-экспертных организаций. Кроме того, имеются роды и виды судебных экспертиз, проведение которых возможно только в условиях стационарных подразделений судебно-экспертных организаций. Так, производство судебно-психиатрических экспертиз регламентировано проводить только в строго изолированных от внешнего мира отделениях судебно-психиатрических экспертиз на территории психиатрических больниц, причем комиссиями в составе трех штатных врачей-психиатров.

В условиях все большего использования цифровых информационных технологий в судебно-экспертной деятельности еще одним критерием возможности (невозможности) проведения тех или иных видов судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных организаций становится степень владения экспертами новыми научно-методическими разработками и современным оборудованием. Например, ученые Института биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН разработали высокотехнологичный метод «оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе, обладающий целым рядом важных преимуществ» [2, с. 97]. Данным методом

достигнут высокий «уровень цифровизации: объем введенной в базу данных информации при ДНК-идентификации личности с помощью снипов составляет для одного человека не более 1 килобайта (с помощью STR-локусов – более 200 килобайт)» [3, с. 16–17]. Для применения данного метода цифровизации авторами разработано соответствующее программное обеспечение для проведения цифровизации однонуклеотидного полиморфизма ДНК в виде конкретных выбранных для соответствующей панели высокополиморфных снипов, служащей для ДНК-идентификации личности. Из приведенного примера, становится вполне очевидным, что такие высокотехнологичные исследования возможны только с использованием современного оборудования сотрудниками высокой степени научно-методической подготовки. Анализ экспертной практики свидетельствует, что такое сложнейшее оборудование, программное обеспечение и специалисты в негосударственных судебно-экспертных организациях (и среди частных экспертов) отсутствуют. Отсюда следует, что судебные генотипоскопические (молекулярно-генетические) экспертизы должны проводиться только в государственных судебно-экспертных организациях, в особых сложных случаях – с приглашением ведущих сотрудников научно-исследовательских институтов.

В то же время в условиях постоянного реформирования судопроизводства в Российской Федерации, в ходе которого «продолжается введение ... новелл, ориентированных на гуманизацию уголовного процесса, равноправие и состязательность сторон» [4, с. 7], имеется настоятельная необходимость в дальнейшем совершенствовании высокотехнологичной деятельности и негосударственных судебно-экспертных организаций. И такое движение, хотя и малыми темпами, имеет место. Например, директор одного из негосударственных судебно-экспертных организаций О.И. Плетень разработал методику определения давности создания объекта, содержащего целлюлозу, с использованием импульсной ЯМР-спектроскопии. Способ, на котором основана данная методика, автор запатентовал в США. Отметим, что давность исполнения документа, устанавливаемая при помощи этой методики, не ограничена, «искусственное старение документа не создает помех для точного определения даты исполнения документа с точностью до 15 дней» [5, с. 11]. Таким образом, и вне государственных судебно-экспертных организаций могут проводиться не только высокотехнологичные судебные экспертизы с высоким уровнем цифровизации исследовательского процесса, но и разработки современных экспертных методик.

Многолетний анализ следственной, судебной и экспертной практики позволяет сделать вывод о том, что сотрудниками негосударственных су-

дебно-экспертных организаций и частными экспертами на достаточно удовлетворительном уровне проводятся судебные почерковедческие, технико-криминалистические, трасологические, портретные, автотехнические, строительно-технические, экономические, оценочные и ряд других родов судебных экспертиз. А процесс цифровизации судебно-экспертной деятельности постепенно привел к улучшению научно-методического обеспечения, к увеличению возможностей судебных экспертов. И многие судебные экспертизы экспертами обозначенных организаций проводятся с применением высокого уровня цифровизации. Например, строительно-техническая экспертиза проектов строений в настоящее время представляет собой исследование данных, которые «сами по себе стали активом, имеющим новую форму представления – цифровую» [6, с. 18]. Еще одним родом судебных экспертиз, успешно выполняемых вне государственных судебно-экспертных организаций на высоком цифровом уровне, является судебная дендрохронологическая экспертиза, которую проводят в основном частные эксперты с использованием АРМ, состоящего из оборудования фирм «Haglof» и «Suunto», компьютерного комплекса «Lintab», программного обеспечения «TSAP» для обработки измерений триадиусов.

Но такие случаи скорее исключение, чем закономерность в деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций. К сожалению, не все виды и роды судебных экспертиз выполняются экспертами вне государственных судебно-экспертных организаций в соответствии с требованиями ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» об использовании современных достижений науки и техники. Качество высокотехнологичных видов и родов судебных экспертиз, проводимых сотрудниками негосударственных судебных организаций и частными экспертами, остается низким из-за наличия следующих экспертных ситуаций:

- негосударственные судебно-экспертные организации обладают техническими возможностями и оборудованием, но не имеют в своем составе высококвалифицированных экспертов;
- негосударственные судебно-экспертные организации имеют в своем составе высококвалифицированных экспертов, но не обладают техническими возможностями и оборудованием;
- негосударственные судебно-экспертные организации не обладают техническими возможностями и оборудованием и не имеют в своем составе высококвалифицированных экспертов;
- негосударственные судебно-экспертные организации обладают техническими возможностями и оборудованием и имеют в своем составе

высококвалифицированных экспертов, но не обладают современными методиками проведения судебных экспертиз определенных видов.

По нашему мнению, независимо от названных ситуаций необходим законодательный запрет на производство вне государственных судебно-экспертных организаций следующих видов и родов судебных экспертиз:

1) судебные экспертизы наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ, лекарственных средств;

2) судебно-баллистические экспертизы;

3) взрывотехнические экспертизы (экспертизы взрывчатых веществ, их продуктов, взрывных устройств и следов их взрыва, порохов, пиротехнических составов и следов их сгорания);

4) судебно-психиатрические экспертизы.

Кроме перечисленных рекомендуем запретить проводить в негосударственных судебно-экспертных организациях и частными экспертами виды и роды судебных экспертиз, требующие затратных цифровых информационных технологий и цифровизации научно-методического обеспечения, которые возможны только в рамках финансирования государственных научно-исследовательских программ:

- судебные генотипоскопические экспертизы (исследование ДНК);
- судебные экспертизы радиоэлектронных устройств и сетей;
- судебные фоноскопические экспертизы (исследование голоса и звучащей речи);

- судебная экспертиза специальных маркирующих веществ.

Перечень видов и родов судебных экспертиз, проводимых вне государственных судебно-экспертных организаций, в связи с дальнейшим повышением уровня цифровизации судебно-экспертной деятельности будет постоянно изменяться с учетом следующих причин:

а) в ходе изучения и применения передового зарубежного опыта, судя по всему, предвидится большее использование возможностей научно-исследовательских учреждений и факультетов вузов в производстве сложных высокотехнологичных судебных экспертиз;

б) в результате составления единого федерального реестра экспертных методик и их цифровизации будет обеспечена их доступность для всех судебно-экспертных организаций;

в) в результате внедрения искусственной нейронной сети для проведения судебных экспертиз отдельных видов и родов;

г) в результате аккредитации всех судебно-экспертных организаций (лабораторий) в соответствии с международным стандартом ISO/IEC

17025 и разработкой и утверждением межгосударственных стандартов по судебным экспертизам;

д) в результате увеличения финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по цифровизации судебно-экспертной деятельности.

Представляется, что, уделяя повышенное внимание цифровизации при одновременном совершенствовании правового, научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности, будет сформирован оптимальный перечень судебных экспертиз, проводимых вне государственных судебно-экспертных организаций, что будет способствовать повышению качества судебных экспертиз и, соответственно, всего судопроизводства в нашей стране.

Библиографический список

1. Аминев Ф.Г., Чемерис А.В. О новых методах цифровизации при проведении генотипоскопической экспертизы и геномной регистрации населения Российской Федерации // Цифровой след как объект судебной экспертизы : матер. Междунар. науч.-практ. конф., 17 янв. 2020 г. / ред. колл.: Е.Р. Россинская, А.К. Лебедева, М.С. Чернявская. М. : Проспект, 2020. С. 14–18.

2. Аминев Ф.Г. О необходимости принятия федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 94–98.

3. Аминев Ф.Г., Анисимов А.В. Об организационном аспекте современной технологии всеобщей ДНК-регистрации граждан // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60). С. 11–19.

4. Варданян А.В., Варданян Г.А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 6. С. 5–10.

5. Аминев Ф.Г. Проблемные вопросы, возникающие при назначении новых родов и видов судебных экспертиз // Судебная экспертиза. 2018. № 2. С. 7–15.

6. Аминев Ф.Г., Аминев А.Ф. О возможностях использования генотипоскопического и дендрохронологического методов в криминалистической регистрации лесного массива России // Вестник криминалистики. 2019. № 1 (69). С. 6–12.

Дата поступления: 15.11.2020

**DIGITALIZATION IN REGULATING THE LIST
OF FORENSIC EXAMINATIONS HELD IN NON-STATE
FORENSIC EXPERT ORGANIZATIONS**

ABDULLIN Ruslan Ramilevich,

*Postgraduate Student of the Chair of Forensics of the Institute of Law,
Bashkir State University, Judge of the Ordzhonikidze District Court of Ufa,
Ufa, Russia.*

E-mail: kriminalist2010@mail.ru

The study of the practice of investigating crimes indicates the need to use the achievements of high technologies, expressed in the most advanced form - digitalization. The possibilities of digitalization are being introduced into forensic activities, including non-state forensic organizations activities. **Purpose:** to analyze the problems of normative, scientific and methodological, material and technical regulation of the list of forensic examinations held outside state forensic organizations, with the development of solutions. **Methods:** the author uses empirical methods of observation, comparison, description, interpreting, interpretation of legal norms, comparative legal and statistical analysis, and formal logical methods of scientific knowledge. As a **result** of the study of various approaches, analysis of national and foreign regulatory legal acts, the author proves the necessity to develop a list of forensic examinations prohibited for production in non-state forensic organizations, which makes it possible to determine ways to increase the level of digitalization of forensic examinations by improving legal, scientific, methodological and organizational support of forensic expert activities in the Russian Federation.

Keywords: forensic expert activity; expert; non-state forensic organizations; digitalization; high-tech methods; list of examinations.

References

1. Aminev F.G., CHemeris A.V. On new methods of digitalization during genotyposcopic examination and genomic registration of the population of the Russian Federation. In Rossinskaya E.R., Lebedeva A.K., CHernyavskaya M.S. (eds.). *Cifrovoy sled kak ob"ekt sudebnoj ekspertizy* [Digital footprint as an object of forensic examination]. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 14–18. (In Russian).
2. Aminev F.G. On the need to adopt a federal law «On general genomic registration in the Russian Federation» in order to improve the quality of

disclosure and investigation of crimes. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 3 (57), pp. 94–98. (In Russian).

3. Aminev F.G., Anisimov A.V. On the organizational aspect of modern technology for universal DNA registration of citizens. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 2 (60), pp. 11–19. (In Russian).

4. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Theoretical and methodological problems of criminalistic tactics in the context of the modern model of criminal procedure. *YUrist"-Pravoved"* = *Jurist-Pravoved*, 2015, no. 6, pp. 5–10. (In Russian).

5. Aminev F.G. Problematic issues arising from the appointment of new kinds and types of forensic examinations. *Sudebnaya ekspertiza* = *Forensic examination*, 2018, no. 2, pp. 7–15. (In Russian).

6. Aminev F.G., Aminev A.F. On the possibilities of using genotyposcopic and dendrochronological methods in forensic registration of a forest in Russia. *Vestnik kriminalistiki* = *Bulletin of Criminalistics*, 2019, no. 1 (69), pp. 6–12. (In Russian).

Received: 15.11.2020

ПЕРСОНАЛИИ

PERSONNEL

УДК 82-141

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.39

АВЕНИР САМИГ (Самигуллин Венир Калимуллович),
доктор юридических наук, профессор

В.В. Лазареву – 80 лет

Двадцать пятое октября –
Прекрасный день календаря.
У Валерия Васильевича Лазарева юбилей.
Ему – восемьдесят лет.
И от ценящих талант людей
Ему сердечный привет.

Немало знаменитостей породила
Нижегородская земля,
Но из сергачевцев, дойдя до Кремля,
Один В.В. Лазарев преуспел
На правовом поле.
В сфере философии права тоже
И на госслужбе даже.

Право и государство в его ведении.
И в каком бы он не состоял учреждении –
Ему слово. Ему внимлет
Зеленый еще студент
И Академии член-корреспондент,
И даже сам Президент.

В праве пробелы –
No problem.
Лазарев их восполнит.
Закон дефектен.
Лазарев найдет путь, чтобы эффективен
Он стал и результативен.

Двадцать пятое октября –
Прекрасный день календаря.
У Валерия Васильевича Лазарева юбилей.
Ему – восемьдесят лет.
И от ценящих талант людей
Ему сердечный привет,
Здоровья, успехов и дней
Еще многих счастливых и лет.

Уфа, 2020

К АВТОРАМ

Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА

«Правовое государство: теория и практика» для публикации статей

1. Тематика и география. Редакция журнала «Правовое государство: теория и практика» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук в области государства и права и юридических наук. Представленные статьи должны быть оригинальными, не опубликованными ранее в других печатных изданиях. Статьи должны быть актуальными, обладать новизной, содержать выводы исследования, а также соответствовать указанным ниже требованиям к оформлению. Журнал принимает к публикации статьи на русском и английском языках. География авторов журнала охватывает как российских авторов, так и иностранных.

2. Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти электронную регистрацию на сайте журнала и направить научную статью путем подачи заявки через сайт журнала. Файл, представляемый в редакцию в электронном виде и размещенный на сайте журнала, должен быть поименован по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov.doc). Количество авторов одной статьи не более 3-х человек.

3. Общие требования к оформлению авторских материалов. При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Межстрочный интервал – полуторный, цвет шрифта – черный, размер шрифта основного текста – 14, сноска – 12, размер всех полей – 20 мм. Абзац – 1,25 мм. Нумерация страниц внизу от центра. Недопустимо выделение отдельных элементов текста курсивом, полужирным курсивом, полужирным прямым. Приоритет в публикации имеют авторы, использовавшие в исследовании иностранные источники и источники из изданий, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus.

4. Объем и структура статьи. Рекомендованный объем статьи – от 20–30 тыс. знаков с пробелами (приблизительно от 12 стр.). Статья должна состоять из введения, основной части и заключения, а также содержать библиографический список (не менее

10 источников). Все поступающие в редакцию Журнала рукописи проверяются техническим секретарем на уникальность с помощью системы «Антиплагиат». Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с уникальностью текста менее 70 %. При подаче статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале. Журнал не допускает множественных публикаций, дублирующих уже опубликованные статьи автора.

5. Заголовок статьи набирается СТРОЧНЫМИ (маленькими) буквами жирным шрифтом и форматируется по центру. Перед заголовком слева указывается УДК, под заголовком – Ф.И.О. автора, ученая степень, ученое звание, должность, название вуза, город, страна, информация о статьях автора в БД «Scopus» или БД «Web of Science» (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

Англоязычный перевод заглавия статьи, сведений об авторе, аннотации и ключевых слов приводятся в конце статьи после библиографического списка.

6. Аннотация и ключевые слова. Объем аннотации на русском языке должен составлять не менее 100 и не более 250 слов. Аннотация обязательно должна содержать разделы: вводную часть, ЦЕЛИ, МЕТОДЫ исследования, основные ВЫВОДЫ.

Необходимое количество ключевых слов (словосочетаний) – 6–10. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

7. Требования к библиографическому списку. Библиографический список должен быть построен В ПОРЯДКЕ УПОМИНАНИЯ ИСТОЧНИКОВ В ТЕКСТЕ. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д. Ссылки на нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, в библиографическом списке не указываются. В библиографическом списке желательно наличие иностранных источников, реально используемых при написании научной статьи.

8. Правила оформления таблиц и иллюстраций. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические заголовки. Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты) либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2020

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал): «Правовое государство: теория и практика» № 4 (62) часть 2 2020.

Учредители: Башкирский государственный университет;

Частное учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства».

Главный редактор Р.И. Зайнуллин

Регистрирующий орган Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131. Тел. (347) 228-83-51, e-mail niippg@mail.ru; сайт <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге

«Газеты. Журналы» (Роспечать): 81192

Подписан в печать 14.12.2020 г. Вышел в свет 25.12.2020 г.

Бумага писчая. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 19,2. Уч. изд. л. 12,0. Тираж 500. Заказ 634.

Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права

Башкирского государственного университета

450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.